

№ 6

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Фируз МУСТАФА. <i>Русалка. Пьеса</i>	8
Михаил СМИРНОВ. <i>Рассказы</i>	51
Елена АНДРЕЕВА. <i>Три оттенка реальности. Рассказы</i>	99

ПОЭЗИЯ

Ильхам ГАХРАМАН. <i>Стихи</i>	45
Виктория ГРЕКОВА. <i>Стихи</i>	88

ПУБЛИЦИСТИКА

«Родоначальник нового жанра в отечественной литературе»	3
Низами МАМЕДОВ. <i>Жизнь, отданная людям</i>	41
Марк ВЕРХОВСКИЙ. <i>Русские композиторы и еврейские мелодии</i>	94
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Кто построил Баксовет?</i>	119
Гюляр АБДУЛЛАБЕКОВА. <i>Восток в литературных памятниках Европы</i>	125

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА.

Т.Агаев. <i>Переводы из азербайджанского фольклора.</i>	
И.Ахундов, Э.Ахмед, А.Родионов. <i>Стихи.</i>	
Марат Шафиев. <i>Сказка</i>	129

2023

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474 https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg
Корректор	– Анна КУЗЁМИНА
Редакционная коллегия:	Кымаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелалия ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 5.06. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.*

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

ЭЛЬМИРА АХУНДОВА – 70

«РОДОНАЧАЛЬНИК НОВОГО ЖАНРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Эльмира Ахундова – довольно популярная личность в стране. Всем известны её профессиональная деятельность и достижения в журналистике, в политике, в литературе. Её заслуги перед отечеством отмечены орденом «Шохрет», званием «Народный писатель Азербайджана», почётным дипломом Президента Азербайджана и другими наградами. Можно с уверенностью сказать, что писатель и журналист, общественный деятель Эльмира Ахундова верой и правдой служила и служит интересам своего Отечества. Служит так, как и должно патриоту, истово любящему свою страну. Эльмирой ханым многое сделано для популяризации Азербайджана. Многое написано. Однако основным трудом является многотомное издание книги «Гейдар Алиев. Личность и эпоха». Недаром Чингиз Айтматов справедливо назвал этот труд «грандиозным литературным и духовным памятником», воздвигнутым автором. Сегодня, когда весь 2023 год проходит под знаком 100-летнего юбилея Гейдара Алиева, в периодической печати мы читаем неопубликованные фрагменты этой эпопеи. Каждый раз убеждаемся в том, что в мире трудно найти государственного деятеля, политика или писателя, жизнь и деятельность, личное пространство, окружение и круг общения которого были бы столь тщательно описаны и проанализированы. Причем как в период его жизни, так и после кончины. Читая беседы и интервью Эльмиры ханым с родными, друзьями, сослуживцами, подчиненными и коллегами общенационального лидера, поражаешься масштабу затронутых тем и вопросов, обнаруживающих глубокое проникновение и детальное знание автором всех пластов и перипетий политической и общественной жизни страны, идеологических тонкостей того времени, непростых отношений между лидерами государств. В многотомном аналитическом исследовании проявилось блестящее мастерство журналиста, сумевшего вызвать на доверительный разговор лиц, в силу своего особого статуса отличавшихся неразговорчивым характером и нежеланием общаться с журналистами и получить от них искумую, часто неизвестную многим конфиденциальную информацию. Автором проделана воистину титаническая работа, измерить масштаб сделанного неимоверно тяжело, почти невозможно, потому что за каждым предложением и умозаключением мы видим интеллектуально-духовную величину Автора, ее безграничный аналитический потенциал, профессиональное мужество и мобилизацию всех умственных и творческих сил во время создания шедевра о Человеке-Эпохе. С особой теплотой Эльмира ханым написала отдельную книгу об отношениях Гейдара Алиева со своей супругой Зарифой ханым, дав ей проникновенное название «Зарифа и Гейдар Алиевы. Любовь длиною в Вечность». Поставив первым в названии имя Зарифы ханым, автор показала, какое место в семье и жизни мужчины, тем более лидера страны, играет умная, образованная и самодостаточная женщина.

Книги, статьи и исследования Эльмиры ханым смело можно назвать летописью общественно-политической жизни Азербайджана как советской эпохи, так и периода независимости. В документально-публицистических и художественных трудах Э.Ахундовой удалось объять необъятное, нанизать на одну нить разные эпохи, людей, события, гармонично объединив их своим государственным видением, аналитическим кругозором и глубокими умозаключениями. Одни только названия книг Э.Ахундовой говорят не только о широкой амплитуде ее человеческой, гражданской и государственной заинтересованности, но и в равной степени о той любви, почтении и восхищении, с которыми она пишет о своих героях. «Стеклянный дворец», «Смерть полиграфиста», «Время жить», «Мгновения истины», «Это – мы», «С коллегами лицом к лицу», «Русский азербайджанец Саша

Иванов», «Ильхам Алиев: Портрет Президента на фоне перемен», «Анар Мамедханов: Судьба капитана», «Друзей моих прекрасные черты», «На страже государства»... Последняя юбилейная книга в 600 страниц «Литературные странствия: время, сюжеты и лица» вышла в свет буквально на днях и представляет собой мини-культурную энциклопедию последних десяти лет независимого Азербайджана. В книге Э.Ахундовой «Эльмира, какой мы ее знаем» собраны статьи и эссе, посвященные ее творчеству, о котором в разное время писали многие писатели, журналисты, художники, ученые и поэты. Каждое из них высвечивает многоцветную палитру невероятно богатого и разностороннего дарования писателя-публициста, являя взору первозданную чистоту родника, черпающего свою силу и энергию из неиссякаемых недр родной земли.

Как, когда и почему автору этих книг пришла идея о создании такого всеобъемлющего материала в ракурсе взгляда – личность и эпоха?

Слово Эльмире Ахундовой:

Я о Гейдаре Алиеве пишу, начиная с 1991 года: статьи, интервью, аналитические материалы, эссе. Я писала о Президенте, так как сопровождала его во многих поездках за рубеж. Как собственный корреспондент «Литературной газеты» и радио «Свобода» я постоянно публиковала статьи, которые касались его поездок, его политики, его нефтяной стратегии... Потом появилась идея к его 80-летию сделать книгу «Мгновения истины», где я собрала около 50 своих материалов о внешнеполитической стратегии Гейдара Алиева.

Еще в середине 1990-х годов совместно с Исой Наджафовым написала роман «Убийство полиграфиста», где впервые в азербайджанской литературе был создан документальный и в то же время художественный образ Гейдара Алиева. Кстати, сам он весьма высоко оценил этот роман. Есть у меня еще один роман, написанный в жанре политического детектива, – «Стеклянный дворец», там тоже немало страниц, посвященных нахчivanскому периоду жизни общенационального лидера.

Замысел масштабного проекта – многотомного документального романа – созрел в 2003 году. Одновременно с выходом в свет книги «Мгновения истины». Работая над этой книгой, я уже обдумывала более масштабный проект. В 2003 году вышла книга, в которой были проанализированы все внешнеполитические инициативы Гейдара Алиева. Президент позвонил мне, поблагодарил за книгу, а вскоре наградил орденом «Шохрат». Я тогда была самым молодым журналистом, получившим столь высокую награду. Вскоре я рассказала Гейдару Алиеву о подготовке материалов, связанных с его политической и человеческой биографией.

Он сказал: «Пиши, Эльмира, пиши. У тебя очень неплохо получается».

Была, и неоднократно, попытка склонить его к написанию мемуаров. Я, по его предложению, даже составила план, вопросники, обрисовала общие контуры будущей книги. Через неделю отправила Президенту. Ему так всё это понравилось, что он предложил создать мне в помощь бригаду и приступить к работе. Но у него всегда было столько государственных забот, что личные дела он отодвигал на второй план... а потом, в декабре 2003г., его не стало...

Как объяснить феномен Гейдара Алиева – человека, политика, мудреца, дипломата?

Я задавала этот вопрос десяткам людей, которые очень близко знали Гейдара Алиевича. Многих уже нет. Но все они сходились в одном: феноменальным было его великое терпение.

Легендарный капитан команды КВН «Парни из Баку» Анар Мамедханов, например, говорил: «Главное, что меня в нем поражало, – это терпение. Если бы азербайджанцы имели хотя бы один процент его терпения, мы были бы самой гениальной нацией в мире».

Фуад Гулиев (премьер-министр Азербайджана в 1994-1996 годах) тоже называл в числе главных качеств Гейдара Алиева его феноменальное терпение: «Великие люди, как правило, нетерпеливы, а Гейдар Алиев имел огромное терпение». Иногда ему советовали поспешить, а он терпеливо ждал. Он, в самые трудные для Азербайджана моменты, когда вокруг него было много врагов, делал единственно верные шаги. Он шел вперед, только когда был уверен в победе и всегда умел просчитывать ситуацию.

Никогда не видела его в минуты душевой или физической слабости. Но мне рассказывал Муслим Магомаев о том, как сильно Гейдар Алиевич переживал смерть своей жены: «Единственный раз я видел Гейдар Алиевича сломленным, подавленным. Это было на похоронах Зарифы Азизовны. Умерла его любимая жена. Он плакал, как ребенок». Это – невосполнимая потеря. Но вот что мне рассказывал его верный начальник охраны Александр Иванов о том, как повёл себя Алиев, когда пришел в себя после инфаркта, случившегося в 1987 году: «Сижу перед ним, слез не могу сдержать. А он, превозмогая страшную боль, начинает меня утешать: – Не переживай. Мы с тобой еще поборемся. Мы с тобой еще повоюем!».

Он не любил неискренности. Он мог простить какую-то ошибку, мог простить, когда ты что-то не вовремя сделал, неправильно сделал. Если бы ты пришел к нему и честно все рассказал, он бы тебя простил. Но если бы ты начал выкручиваться, он бы это сразу почувствовал. Он не прощал предательства. Когда Алиева предали многие из тех, с кем он работал в советское время (испугались, когда его отправили в отставку, перестали с ним общаться, не здоровались), он не простил. Когда Алиев вернулся во власть в 1993 году, он предпочёл не общаться с ними, а позвал в свою команду новых людей. При этом если он верил в человека, был уверен в его преданности, то мог простить ему многие ошибки. Если он верил в кого-то, то навсегда, не слушая наветов.

Помню самую поразительную для меня историю, которая произошла в 1996 году. Четыре писателя сопровождали Гейдара Алиевича во время его официальных визитов в Болгарию и Румынию. Я была в составе делегации как секретарь Союза писателей. Это было после попытки государственного переворота в марте 1995 года, которую хотел осуществить Ровшан Джавадов. Ходили слухи, что Гейдара Алиева готовятся устраниć представители радикальной оппозиции, что даже летать сейчас опасно. Когда мы возвращались, Гейдар Алиевич пригласил писателей и журналистов в президентский отсек-салон и побеседовал с ними о поездке. Когда все вышли, я ненадолго задержалась. Он спросил: «Что случилось, Эльмира?» Я говорю: «Может быть, вам стоит быть более осторожным? Какое-то время не летать самолетом». Он усмехнулся и ответил: «За меня не беспокойся, меня бережет Аллах. Он знает, что я еще нужен своему народу». А через месяц выяснилось, что тогда наш самолет держали под прицелом террористы, собираясь сбить его из ракетного комплекса «Стрела». Но в тот день был очень сильный ветер, и самолёт пошёл на посадку, с другой стороны. Наверное, действительно нас уберег Аллах. Тогда я поняла, что этот человек действительно связан с космосом.

Утверждение его современников о великой силе обаяния общенационального лидера, его магнетизме и харизме – это не просто красивые слова. Гейдар Алиев на самом деле обладал просто невероятно сильной энергетикой. Что-то было в нем еще, кроме огромногоума и интеллекта, он каким-то непостижимым образом воздействовал на людей. Бывали случаи, когда к нему приезжали люди, совершенно не знавшие его раньше или относившиеся к нему предубежденно, они выходили из его кабинета спустя час-полтора, став его союзниками!

Он не терпел раболепия и уважал людей с чувством собственного достоинства. Мне очень импонировала в нем еще одна черта: он всегда находил время и возможность сказать приятные слова творческим людям, будь то актеры, к которым он заходил после спектакля за кулисы, чтобы выразить восхищение игрой, или журналисты и писатели. Мне он, допустим, не раз звонил после очередной моей публикации, чтобы просто сказать, как ему понравилась статья или книга. А ведь это очень важно для любого творческого

человека – знать, что его заметили, что его творчество нужно. Думаю, Гейдар Алиев так понимал это, потому что сам был очень творческой личностью. Он не раз говорил, что, если бы его судьба сложилась иначе, он стал бы художником или скульптором.

На вопрос, сколько времени я еще буду работать над книгой, я часто отвечаю: всю жизнь. Потому что это настолько Великая Личность, что уложиться в одну книгу просто нереально, и даже в те шесть томов, что существуют сегодня, тоже. Так или иначе, я убеждена, что Гейдар Алиев заслужил, чтобы кто-то занимался рассказом о его личности всю жизнь. И я счастлива, что такая честь выпала мне.

Это – правда. Здесь нет лукавства. Но есть самоотверженность, любовь и уважение к личности Гения. А еще – готовность до последнего вздоха оставаться Летописцем. То есть, человеком, который вписывает в исторический ход Времён цепь событий, которые благодаря Гению одного человека – Гейдара Алиева – спасли многонациональную страну от исчезновения. Но мы ведь знаем, что Летописцы во все Времена – и Древнего Египта, и Древней Греции – играли важную роль в жизни всего человечества. Благодаря им мы сегодня знаем о взлётах и падениях древних цивилизаций. Летописцы – хранители памяти всего человечества. Летописец Эльмира Ахундова – хранитель памяти своего народа. Нашей с вами памяти. И пусть день её юбилейного торжества – 26 мая – будет самым светлым, и самым радостным.

В предисловии к книге «Это – мы» народный писатель **Анар**, говоря о непоколебимости жизненных позиций, принципиальности и верности Э.Ахундовой, пишет:

«В книге Эльмиры ханым отражен самый сложный период нашей истории в годы кругого перелома, в пору надежд и разочарований, иллюзий и их крушения, в дни эйфории свободы, независимости и в дни кровавых трагедий, беды и боли. И все это отражено в разных жанрах, формах и, как принято говорить сегодня, в разных форматах. Объединяет же весь этот пестрый материал – чувство Времени, верность Времени, умение ощутить и выразить пульс Времени. Само время подтолкнуло ее к политическим темам в своей публицистике. И оказалось, что у Эльмиры, помимо всех других ее литературно-журналистских достоинств, есть и еще одно, немаловажное, – умение объективно оценить политических деятелей, независимо от их статуса, т.е. будь они во власти или в опале. Своей деятельностью в «Литературной газете» Эльмира Ахундова доказала еще одну принципиально важную для нас истину: при наличии соответствующих творческих данных, владея современным уровнем информационной тактики и обладая при этом волей, упорством, умом, можно преодолеть любые препятствия, пробить любые стены неприязни и равнодушия. Надо просто очень этого хотеть и стремиться к этому. И любить. Любить Правду и Родину».

«Э.Ахундова исходит из того непреложного факта, что личность Гейдара Алиева не нуждается в пышном словесном обрамлении и что лучшей оценкой его деятельности является строго документальное повествование о конкретных делах, смелых инициативах и дальновидных политических решениях азербайджанского президента, – анализируя беспристрастную и объективную подачу автором образа президента Азербайджана Гейдара Алиева, пишет народный поэт Азербайджана **Вагиф Самедоглу** в предисловии к книге «Мгновения истины». – Да, несомненно, главным героем книги «Мгновения истины» является Эпоха. Отраженная сквозь призму «большой» политики, запечатленная в личностях больших политиков, в двух шагах от которых посчастливилось находиться Эльмире Ахундовой, – одному из самых талантливых и авторитетных представителей современной азербайджанской публицистики».

Иса Габиббейли, Президент НАНА, академик: «... В результате самоотверженного труда Эльмира Ахундова проделала работу, равную деятельности целого научно-исследовательского института. А в итоге – в азербайджанской литературе появился первый политико-биографический роман-исследование... Без сомнения, многотомный роман Эльмиры Ахундовой займет достойное место в общественно-литературной мысли страны как грандиозная эпопея о жизни великого Гейдара Алиева и его эпохе».

Известный российский историк-кавказовед, автор многих книг о видных азербайджанских военачальниках, профессор **Рудольф Иванов** так охарактеризовал многотомный роман-исследование: «Создавать многотомник о всемирно признанном титане политической и государственной мысли, лидере государства с титулом гения – Гейдаре Алиеве дано не каждому. А вот Э.Ахундовой это позволено, и не только потому, что она знала Гейдара Алиева не понаслышке, а по роду службы много лет была с ним рядом, дышала одним воздухом, сопровождала его в поездках, общалась с ним, писала о нем ярко и правдиво. Потому еще, что автор этого знаменательного творения – давно признанный журналист и писатель экстра-высокого класса, она – Личность весьма образованная, глубоко нравственная и незапятнанная...»

Экс-омбудсмен АР, профессор **Эльмира Сулейманова**, работавшая с Э.Ахундовой в качестве члена Комиссии по помилованию при Президенте страны, рассказывает, как ее тезка вникала в дело каждого осужденного, участвуя в принятии решения о помиловании каждого из них: «Будучи в свое время членом этой Комиссии, я была свидетелем вашей аргументированности и решительности, и всегда вами руководили одни и те же чувства: справедливость, принципиальность, озабоченность судьбой человека и его семьи без всякой предвзятости. А скольким из них – мужчинам и женщинам, молодым и старым, больным и здоровым судьбоносным решением Комиссии подарен новый виток жизни на свободе, в семье, в обществе. Вы создали эпохальный роман с очень удачным названием «Личность и эпоха», озаренный светом лучезарной личности и искрой его таланта. При этом вы вписали и свое имя в историю нашей страны, в историю литературы как единственная женщина независимого Азербайджана, заслуженно удостоенная высокого звания «Народный писатель».

Говоря о новой книге Э.Ахундовой «Ильхам Алиев. Портрет Президента на фоне перемен», народный писатель **Натиг Расулзаде** признался, что «проглотил книгу на одном дыхании, и это при том, что многие реалии, о которых рассказывается в книге, ему хорошо известны. Однако дело не только в реальных фактах. Важен угол зрения, важна подача материала, важен нестандартный авторский взгляд, аналитический подход к излагаемым фактам. Важны, в конце концов, хорошая стилистика и простой, доступный слог изложения. Все это с лихвой присутствует в книге, делая ее незаурядным событием в мире политической публицистики».

Олжас Сулейменов, автор предисловия к эпопее «Гейдар Алиев. Личность и эпоха», справедливо отмечает, что роман-исследование – необычный жанр, это сочетание искусства и науки. Субъективного и объективного. Художественной правды и правды жизни. «Эта книга Э.Ахундовой продиктована любовью. Такие книги нужны: они помогают воспитанию новых поколений руководителей. Особенно ценен уникальный опыт Гейдара Алиева, которому довелось быть руководителем двух государств в одной стране».

Свое мнение о многотомнике Э.Ахундовой советский и российский публицист и общественный деятель **Рой Медведев** высказал прямо и четко: «Я – историк и профессионал по политическим биографиям, писал практически обо всех лидерах советского и российского Олимпа, но такой книги в нашем жанре не было до сих пор. Не побоюсь сказать, что в череде книг о лидерах эта – лучшая!»

Коллектив журнала «Литературный Азербайджан» присоединяется к многочисленным поздравлениям в адрес юбиляра и желает народному писателю Эльмире Ахундовой, каждая книга которой превращается в яркое событие культурной жизни, здоровья, новых интересных книг и творческого долголетия!

Редакция выражает благодарность Валентине Резниковой (1news.az) и Афет Ислям (газета «Бакинский рабочий») за использованные материалы.

ФИРУЗ МУСТАФА

Перевод Еганы МУСТАФАЕВОЙ

РУСАЛКА

(Трагикомедия)

Действующие лица

РУСАЛКА
АСЛАН
ЧЕРКЕЗ
СОНА
МУЖЧИНА (КИШИ КИШИЕВИЧ)
ПОЛИЦЕЙСКИЙ
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК
РЕЖИССЕР

Первый акт

Раздаются гудки кораблей.

На сцене появляется силуэт женщины под фатиновой вуалью, которая двигается медленными, легкими шагами, напоминая замедленные кадры из фильма. Затем гудки постепенно затухают. Море. Звучит легкая веселая мелодия. АСЛАН и ЧЕРКЕЗ рыбачат.

АСЛАН. Кажется, за удочку что-то зацепилось...

ЧЕРКЕЗ. Может, на крючок попалась рыба?

АСЛАН. Нет, на рыбу это не похоже...

ЧЕРКЕЗ. Сильнее тяни... Почему твоя рука дрожит? Не бойся, удочка не обрвется.

АСЛАН. Да, но ты должен помочь мне. Тяну, тяну, все не идет и не идет...

ЧЕРКЕЗ. Как же не идет? Я же тебе говорю, тяни сильнее! Разве ты не видишь, что она тянет удочку назад? Аслан, соберись с силами. Вот так... Кажется, это большая рыба...

АСЛАН. Да уж рыба, нет, кит!

ЧЕРКЕЗ. Все может быть! Вот видишь, чуть белеет хвост. Вәh-вәh-вәh.

АСЛАН. Какой хвост? Это старая тряпка.

ЧЕРКЕЗ. Клянусь, это осетрина. Видишь, как бьется...

АСЛАН. Ой-ой... Что это?!

ЧЕРКЕЗ. Нет, это не похоже на рыбу, сынок.

АСЛАН. Мне кажется, за удочку зацепился человек.

ЧЕРКЕЗ. Наверное, это чей-то труп. Аслан, брось ее в воду...

АСЛАН. Что бросить?

ЧЕРКЕЗ. Удочку.

АСЛАН. Не говори глупости! Может, он еще жив...

ЧЕРКЕЗ. А может, и мертв?! Знаю я наших. Схватят нас потом за горло, скажут, что мы, мол, убили человека, а затем его же и утопили... Зуб даю, накличем мы на себя беду.

АСЛАН. Видишь, он шевелится, значит, живой.

ЧЕРКЕЗ. И, вправду, точно живой, совсем не похож на утопленника.

АСЛАН. Тянет удочку назад, в воду. Кажется, ему нравится там, в море. Давай, помоги!

ЧЕРКЕЗ. Сынок, может, это какое-то морское животное.

АСЛАН. Сам ты животное! Разве ты не видишь, что это человек?! Давай, тяни...

ЧЕРКЕЗ. Человек-то он человек, но, по-видимому, это какой-то водяной, поэтому и тянет обратно в воду.

АСЛАН. И вправду... Интересно, почему он не хочет выйти на берег?

ЧЕРКЕЗ. Я же тебе говорю... Вот... Да это же женщина, сынок! Но почему у нее зеленые волосы?

АСЛАН. Наверно, это водоросли?

ЧЕРКЕЗ. Нет, сынок, это не женщина. Можешь смеяться надо мной, но это, кажется, русалка.

АСЛАН. Нашел время для шуток! Разве русалки существуют?

ЧЕРКЕЗ. Почему бы и нет?! Каждый раз, когда я приходил к морю, моя мама мне говорила: «Черкез, когда-нибудь тебе на удочку попадется русалка!»

АСЛАН. Она попалась не на твою, а на мою удочку... Не болтай попусту, тяни...

ЧЕРКЕЗ. Сынок, я не могу смотреть в ту сторону, солнце слепит глаза... Ей-богу, это точно человек. Может, я не прав?

АСЛАН. Я тоже почти ничего не вижу... Кажется, она полностью обнажена, но мне почему-то не стыдно...

ЧЕРКЕЗ. Давай бросим удочки и смотаемся отсюда. Здесь пахнет бедой...

АСЛАН. Куда нам идти?! Не глупи! Слава богу, она жива... Она ведь не умерла, поэтому никто не сможет нас ни в чем обвинить.

ЧЕРКЕЗ. Ей-богу, живая она может принести еще больше неприятностей, чем мертвая. Смотри, опять тянет назад...

АСЛАН. Нет, я ее не отпущу! Ты от меня никуда не убежишь! Ни в воде, ни на суше!

ЧЕРКЕЗ. Аслан, не смотри на нее, стыдно! Ух, ты! Глаза слепит!

АСЛАН. Кажется, это и вправду русалка...

ЧЕРКЕЗ. Смотри, она все-таки решила выйти на берег. Погляди, как она смотрит на нас! Давай сбежим.

АСЛАН. Сбежать?! О чем ты говоришь? Стыдно сбегать! Тогда она посмеется над нами!

ЧЕРКЕЗ. К черту, пусть смеется! Бежим, чтобы избавить себя от этой напасти! Знаешь, они еще те хищницы!?

АСЛАН. В самом деле?

ЧЕРКЕЗ. А что ты думал? Думаешь, она тебя по головке погладит?

АСЛАН. Ну мы же хотим спасти ее.

ЧЕРКЕЗ. Она привыкла жить в воде, мы же убьем ее!

АСЛАН. Ничего страшного, пусть немного поживет на суше, увидит своими глазами, как мы здесь живем-поживаем.

ЧЕРКЕЗ. Аслан, клянусь, ты что, сдурел?! Зачем ей знать о нашем житье-бытье?

АСЛАН. Когда она вернется обратно к своим, то расскажет им о нас.

ЧЕРКЕЗ. Кому расскажет? О чем ты говоришь?

АСЛАН. У них под водой, наверное, есть свое государство со своими законами! Когда-нибудь она расскажет своим сородичам, что видела здесь. И они все узнают о нас.

ЧЕРКЕЗ. У меня от страха трясутся колени... Слушай, если что-нибудь случится, виноват в этом будешь ты!

АСЛАН. Черкез, если ты так боишься, можешь убираться!

ЧЕРКЕЗ. Нет, я не хочу оставлять тебя здесь одного. Сестрица Сона потом меня убьет.

АСЛАН. Успокойся! Давай, потяни удочку еще немного...

ЧЕРКЕЗ. Н-е-е-ет... Не надо тянуть, остановись, она сама идет... Закрой глаза...

АСЛАН. Замолчи. Тихо... Тс-с-с-с...

Дрожа всем телом, русалка выходит на берег.

ЧЕРКЕЗ. Пр-р-р-о-с-с-ти-те... Вы кто?.. В-ы-ы...

АСЛАН. У нее даже нет сил разговаривать. Разве ты не видишь, ее всю трясет? Кажется, она замерзла. А вдруг у нее будет воспаление легких, и тогда попробуй, найди доктора для русалки, а я посмотрю, как ты это сделаешь. Это, наверное, сложнее, чем найти доктора для слона. Ух ты, ты только посмотри на нее, она дрожит, как осиновый лист.

ЧЕРКЕЗ. Дрожит? Нет, она не дрожит ... Разве русалка, живущая в воде, может замерзнуть? Она дрожит от злости. Что, я не прав? Ты же видишь, она скрежещет зубами... Ханым...эээ... Вы... Русалка...

АСЛАН. Дурак, она не понимает нашего языка...

ЧЕРКЕЗ. Наверное, она одна из тех, кто могут жить и в воде, и на суше ... Верно, сестра?

Девушка трясет головой, брызги воды разлетаются во все стороны.

Она ложится на землю и закрывает глаза.

АСЛАН. Кажется, она задыхается...

ЧЕРКЕЗ. Я же тебе говорил, что они не могут жить на суше...

АСЛАН. Может, ее живот наполнен водой?

ЧЕРКЕЗ. О чём ты говоришь? Эта бедная девочка жила в море, в своей стихии. Мы же ее вытащили на берег, вот она и задыхается.

АСЛАН. И что теперь нам делать?

ЧЕРКЕЗ. Давай лучше не будем ругаться, абросим ее обратно в море и уйдем отсюда подобру-поздорову. Разве я не прав?

Они подходят к девушке. Она тяжело дышит, при каждом вздохе у нее изо рта фонтаном льет вода, обрызгивая их лица.

ЧЕРКЕЗ. Что она делает? Фу... Облевала мне все лицо.

АСЛАН. Ей нужно сделать искусственное дыхание.

ЧЕРКЕЗ. Нет, я не могу. Честно говоря, даже боюсь...

АСЛАН. Ты всегда бьешь себя в грудь: я, типа, такой смелый, а сейчас от страха чуть не обмочился.

ЧЕРКЕЗ. Я? Обмочился? Нет, это не я, это из-за нее повсюду вода. Эх, русалка, русалка...

АСЛАН. Слушай, а от нее и вправду пахнет водорослями. (Обращается к Русалке.) Не верти головой и не стучи зубами, тебя тут никто не боится. (Наклонившись, Аслан открывает девушке рот, и, дрожа от страха, делает ей искусственное дыхание.)

ЧЕРКЕЗ. Да, вот так... Плотно прижимай рот рукой, делай глубокий вдох-выдох, вдох-выдох...

АСЛАН. А вдруг она меня укусит?

ЧЕРКЕЗ. Откуда мне знать? Зубы у нее, кажется, такие же, как у людей. Но... но вдруг она бешеная. Существуют же бешеные рыбы...

АСЛАН. Так это не рыба, это русалка.

ЧЕРКЕЗ. А что у нее такое на шее? Неужели это жемчуг?

АСЛАН. Нет, это мелкая ракушка.

ЧЕРКЕЗ. Слушай, Аслан, а вдруг ей станет хуже? Что тогда будем делать?

АСЛАН. Откуда я знаю?

ЧЕРКЕЗ. Нужно опустить ее голову в ведро с водой... Видимо, она обезвожена, поэтому и задыхается.

АСЛАН. Да, ты прав, неси сюда ведро.

Черкез приносит ведро.

ЧЕРКЕЗ. Может, нальем ей воду прямо в рот?

АСЛАН. Ты что, идиот?! Разве ты не видел, что у нее фонтаном изо рта лилась вода?

ЧЕРКЕЗ. Ну, видел. Ну и что? Может, у нее закончилась вода, поэтому она задыхается?! Интересно, что же они едят?

АСЛАН. Бог их знает, что... Но она не похожа на тех, кто ест рыбу.

ЧЕРКЕЗ. Тогда я не знаю... А может, они питаются плотью людей, утонувших в море? А вдруг она сейчас разорвет нас на части!

АСЛАН. Нет, она не похожа на тех, кто ест людей. Посмотри на ее зубы.. Они, словно жемчуг, совершенно белые, ровные и красивые.

ЧЕРКЕЗ. Это все благодаря морской воде. Временами я тоже чищу зубы соленой водой.

АСЛАН. Тогда почему у тебя во рту вставлена искусственная челюсть?

ЧЕРКЕЗ. У меня искусственная челюсть? Я вставил натуральные зубы и могу разорвать зубами любое животное за пять минут.

АСЛАН. Не говори об этом, вдруг она понимает, о чем мы говорим? Подумает, что все, что попадается тебе в руки, ты, как дикий зверь, пихаешь себе в рот. Ого... Посмотри на нее, она открывает глаза, шевелит губами...

ЧЕРКЕЗ. Может, она что-то говорит?

АСЛАН (*прикладывает ухо к губам девушки*). Нет, ничего не слышно...

ЧЕРКЕЗ. Ты ничего не поймешь... Она, видимо, что-то шепчет на своем языке.

АСЛАН. Любопытно, есть ли в мире человек, который понимает их язык?

ЧЕРКЕЗ. Навряд ли. Может, компьютер что-либо разберет. У людей нет таких способностей?! Может, я не прав?

АСЛАН. Руки у нее холодные, она вся трястется...

ЧЕРКЕЗ. Рыбы – самые холодные существа, и кровь у них холодная, как лед.

АСЛАН. Я вот все думаю, мог бы человек, словно рыба, жить в воде? Разве так уж сложно жить в море?

ЧЕРКЕЗ. Да еще и в окружении прекрасных русалок...

АСЛАН. Интересно, они мечут икру или...

ЧЕРКЕЗ. Да нет же, это присуще лишь рыбам, а они рожают тем же способом, что и земные женщины.

АСЛАН. Говорят, что даже дельфины умнее людей.

ЧЕРКЕЗ. Да, они очень способные. Кто знает, возможно, русалки являются близкими родственниками дельфинов.

АСЛАН. Телом они немного похожи на дельфинов, однако у русалок отсутствуют жабры.

ЧЕРКЕЗ. Мне в голову пришла мысль. Может, бросим ее в бассейн.

АСЛАН. А что, у тебя есть бассейн?

ЧЕРКЕЗ. Я имею в виду бассейн у тебя во дворе...

АСЛАН. Да, но мне нужно получить разрешение у Соны.

ЧЕРКЕЗ. Давай скажем, что мы поймали кита...

АСЛАН. Сона что, слепая? Думаешь, она не увидит, кит это или не кит.

ЧЕРКЕЗ. Твоя жена постоянно ходит с фингалом под глазом, а теперь ты ее боишься?

АСЛАН. Ну, допустим, что под глазом моей жены появится еще один фингал, и что потом?

ЧЕРКЕЗ. Потом... потом мы скажем, что это такая разновидность китов.

АСЛАН. Допустим, в это поверят, и мы бросим ее в бассейн. И что будет дальше?

ЧЕРКЕЗ. Что дальше? Да, что дальше?.. Знаешь, как дельфины любят детей?!

Они играют с ними, катая их на своих спинах. Я сам видел это по телевизору.

АСЛАН. Значит, я брошу ее в свой бассейн, и она будет катать детей?

ЧЕРКЕЗ. Время от времени Сона сможет на ней прокатиться. А что здесь такого? Наш кит, что хотим, то и делаем. Разве я не прав?

АСЛАН. Этого еще не хватало, может, и ты захочешь покататься на ней?

ЧЕРКЕЗ. Нет... Ну, да... Только дети, этого достаточно.

АСЛАН. Да, достаточно и этого.

ЧЕРКЕЗ. Есть такой вид развлечения, типа концерта! Мы будем продавать билеты тем, кто придет поглязеть на это зрелище. Знаешь, какие деньги мы с тобой заработаем? Ну что, тебе нравится моя идея?

АСЛАН. Кататься на ней мы не позволим, но будем продавать билеты тем, кто захочет просто посмотреть на нее.

ЧЕРКЕЗ. Я сам буду кассиром.

АСЛАН. А кем же тогда буду я?

ЧЕРКЕЗ. А ты будешь охранником. Будешь следить за тем, чтобы дети не бросали камни в бассейн. Современные дети слишком много знают, они еще те плутышки, взрослым до них далеко.

АСЛАН. Тогда не будем терять времени. Давай возьмем и отнесем ее к машине.

ЧЕРКЕЗ. Тогда хватай ее за ноги, а я за плечи. Еще в детстве меня лошадь лягнула в живот, до сих пор у меня там остался шрам.

АСЛАН. Дурак, русалка же не лошадь, чтобы лягаться! Русалка – это типа рыбакита... Давай, двигайся... Интересно, она поместится в машину?

ЧЕРКЕЗ. Поместится. А не поместится, запихнем ее в багажник.

АСЛАН. А ты часто перевозишь людей в багажнике?

ЧЕРКЕЗ. Ладно, хорошо, поехали...

Они пытаются схватить девушку, но та убегает.

Они бегут следом за ней, наконец, Аслан хватает ее.

АСЛАН. Черкез, она снова пыталась сбежать.

ЧЕРКЕЗ. А что, по-твоему, должна делать русалка? Конечно, она должна была бежать к морю... Может, я не прав?

Девушка пытается вырваться, но они крепко держат ее за руки.

ЧЕРКЕЗ. Кажется, она действительно задыхается ...

РУСАЛКА. От-пу-с-ти-те!..

Черкез и Аслан дрожат от страха, но девушку не отпускают.

ЧЕРКЕЗ (*испуганно*). А-а-а-а... Она умеет говорить!

АСЛАН. И даже на нашем языке...

РУСАЛКА. Отпустите меня!..

ЧЕРКЕЗ. Сестра, ты хочешь в море?

АСЛАН. Ты на самом деле русалка?

РУСАЛКА. Отпустите меня!..

АСЛАН. У меня во дворе есть бассейн, до краев наполненный водой...

ЧЕРКЕЗ. К тому же вода там пресная... очень пресная.

АСЛАН. Может, она не хочет жить в пресной воде?

ЧЕРКЕЗ. Может быть... Сестрица, ты желаешь жить только в морской воде?

РУСАЛКА. Отпустите меня в море!..

АСЛАН. Обязательно должно быть море?

РУСАЛКА. Да, я хочу в море!..

ЧЕРКЕЗ. Сестра, не волнуйся, мы исполним твое желание, заполнив бассейн морской водой.

РУСАЛКА. Уф-ф-ф... Почему вы не отпускаете меня? Почему?

ЧЕРКЕЗ. Ай, русалка... Сестрица... Мы не причиним тебе вреда.

РУСАЛКА. Вы причиняете мне зло!

АСЛАН. Ты русалка, не так ли?

РУСАЛКА. Когда-то я была русалкой, а теперь... теперь я никто.

ЧЕРКЕЗ. Не волнуйся, ты снова станешь русалкой. Все будет хорошо. У тебя будет мраморный бассейн, прозрачная, как слеза, вода... Рыбки... Дети...

РУСАЛКА. Не-е-ет! Отпустите меня!

АСЛАН (*Черкезу*). Не говори глупости. Какие дети? Дети для тебя корм, что ли?
(Обращается к Руслаке.) Русалка... Фея-ханым... Нимфа... Я даже не знаю, как к вам обращаться? Черкез говорит глупости, вы будете в бассейне совершенно одна, да еще и в соленой морской воде. Там не будет никаких детей.

ЧЕРКЕЗ. Мы тоже иногда будем купаться в бассейне.

АСЛАН. Нет, русалка там будет одна! И жить она будет там одна, конечно, если захочет сама...

ЧЕРКЕЗ. Русалка ханым, э-э-э, извините, если вам нужен будет мужчина, мы поймаем водяного и привезем его прямо к вам, в бассейн.

АСЛАН. Какой мужчина? Разве водяные существуют на самом деле?

ЧЕРКЕЗ. Конечно, существуют. Если в воде обитают русалки, значит, там обитают и водяные. Не могут же они сами плодиться и размножаться?

РУСАЛКА. Умоляю, отпустите меня!

ЧЕРКЕЗ. Нет, сестричка, нельзя.

РУСАЛКА. Тогда лучше убейте!

АСЛАН. Мы не убийцы!

ЧЕРКЕЗ. Наша страна подписала Всеобщую декларацию по правам человека.

АСЛАН. Ну ты и придурак, разве она человек?

ЧЕРКЕЗ. А как же? Она такой же человек, как и мы с тобой, с той лишь разницей, что русалки живут в воде, а люди на суше. Вот и вся разница. Может, я не прав?

РУСАЛКА. Нет, не человек! От-пу-с-ти-те меня!

АСЛАН. Может, с божьей помощью, живя среди людей, ты постепенно превратишься в человека и станешь такой же, как мы.

ЧЕРКЕЗ. Будешь жить на суше, а может, станешь и лучше нас.

АСЛАН. Лучше нас?

ЧЕРКЕЗ. Да, возможно даже, что сестрица русалка будет жить и на суше, и в воде.

РУСАЛКА. Нет, я не хочу, не хочу жить на этом свете! Лучше убейте меня!
Бросьте в море!

ЧЕРКЕЗ. Конечно, никто не хочет жить на этом свете. Если бы у меня был выбор, я тоже хотел бы жить в море. А теперь и ты некоторое время поживи среди нас, увидишь своими глазами, как мы живем.

АСЛАН. Потерпи немного, потерпи... Поживешь здесь немного, и если не понравится, вернешься в море.

ЧЕРКЕЗ. Море никуда не денется.

РУСАЛКА. У-ф-ф! Боже мой!

АСЛАН. Похоже, эта несчастная девушка молится своему Богу.

ЧЕРКЕЗ. Конечно же, у них есть свой, морской Бог!

АСЛАН. Русалка-ханым, может, это сейчас будет сказано не к месту, но чем вы питаетесь?

РУСАЛКА. Ядом!

ЧЕРКЕЗ. Я так и думал! Вот почему люди травятся рыбой. Оказывается, причина кроется именно в этом.

АСЛАН. Признаться, я до сих пор об этом не знал. Русалка-ханым, у меня есть знакомый, который работает на змеиной ферме, я пойду и куплю тебе там яду.

ЧЕРКЕЗ. Аслан, не давай пустых обещаний! Ты ведь знаешь, сколько стоит грамм змеиного яда. Теперь этим промыслом занимается мафия. Какая змея, какой яд?! Сестрица, мы можем накормить тебя только рыбой. Кильки полным-полно – ешь, сколько влезет...

АСЛАН. Разве я умер? Будешь есть не только кильку, но и красную рыбу, осетрину...

ЧЕРКЕЗ. Пойдем, сестрица! Еще кто-нибудь по дороге прицепится к нам.

АСЛАН. Мы повезем тебя на машине... Знаешь, что это такое? Наверное, ты видела корабли и лодки, не так ли? Вот, смотри, так выглядит машина. Эта типа корабля на колесах. Не бойся, будешь чувствовать себя как рыба в воде.

РУСАЛКА. Нет, я не пойду.

ЧЕРКЕЗ. Может, ты стесняешься своего вида? На, накинь мой пиджак.

АСЛАН. Нет, пусть накинет мой плащ.

Аслан снимает с себя плащ и накидывает на плечи девушке. Русалка сопротивляется и кричит. Связав девушку веревкой, мужчины подхватывают ее на руки и несут к машине. Вдалеке раздается гудок корабля, слышен шум волн, разбивающихся о берег. Затем все происходящее на сцене сопровождается музыкой и пантомимой. С камерой на плече подходит режиссер, мужчина с длинными волосами и в узких брюках. Затем появляется полицейский и подходит к режиссеру. Они о чем-то спорят. Режиссер направляет камеру в сторону полицейского и снимает его.

Полицейский отворачивается от камеры. Режиссер, проворно подскочив к полицейскому, вновь снимает его на камеру. Полицейский надвигает фуражку на лицо. Режиссер продолжает снимать и направляет объектив камеры в сторону моря, окрестностей и скал. По прошествии некоторого времени полицейский, глядя на режиссера из-под козырька фуражки, надвинутой на лицо, внезапно вскакивает и выхватывает из его рук камеру. Полицейский убегает, режиссер гонится следом за ним. Они исчезают. На сцене появляется молодой парень. Внимательно смотрит по сторонам. Вскоре вновь появляется полицейский, о чем-то его расспрашивает, и тот ему отвечает. Они начинают размахивать руками, и становится ясно, что между ними разгорается спор. Затем они, сцепившись друг с другом, покидают сцену.

Звучит другая музыка и сменяются декорации.

Двор Аслана. Много зелени. Скамейка. Бассейн. Сона убирается во дворе. На сцене с шумом появляются Аслан и Черкез. Черкез тащит большой сверток.

СОНА. Проходите, проходите... Аслан, это ты? Братец Черкез, добро пожаловать! Ой, что это у вас сверкает в руках?

ЧЕРКЕЗ. Это рыба.

СОНА. А разве бывают рыбы таких размеров? Может, это кит?

ЧЕРКЕЗ. Мы поймали дельфина, Сона-ханым.

СОНА. Что-о-о... Дельфина? Нет уж, морского слона.

АСЛАН. Эй, жена, если хочешь точно знать, мы поймали русалку.

СОНА. Правильно и сделали! Присаживайтесь, я принесу вам чай. (Удивленно.)

И вправду, что это?

*Черкез расстегивает плащ, и оттуда выглядывает русалка. Рот ее заткнут кляпом.
Испугавшись, Сона вскрикивает и отскакивает назад.*

АСЛАН. Сона, что с тобой, почему ты подняла такой шум?

ЧЕРКЕЗ. Ай, Русалка, только при условии, что ты не будешь кричать, мы вынем кляп из твоего рта. Здесь тебе не океан, вокруг много соседей...

СОНА. Аслан, братец Черкез, что за шутки? Решили надо мной подшутить?

АСЛАН. Нет, какие тут шутки.

ЧЕРКЕЗ. Это Русалка, сестрица Сона. Настоящая Русалка... (Вынимает кляп изо рта девушки.) Успокойся, наконец!

РУСАЛКА. Отпустите меня! М-е-е-н-я...

ЧЕРКЕЗ (вновь затыкает ей рот кляпом). Я же сказал тебе, не кричи! Это двор дома, а вот там – бассейн. Интересно, она знает, что такое бассейн?

АСЛАН. Не знает – покажем. Сона ей все объяснит.

СОНА. Убирайтесь отсюда, бесстыжие! Нашли себе Русалку, да еще в таком виде! Убирайтесь!

ЧЕРКЕЗ. Аслан, сестрица Сона права. Ну и что с того, что она русалка? На этой несчастной должна же быть какая-нибудь одежда...

АСЛАН. Наверное, они носят одежду из водорослей...

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона, прошу тебя, не сердись. Это и вправду русалка.

СОНА. Ну и ну, тогда я морская красавица.

ЧЕРКЕЗ. Конечно, все красавицы мира меркнут перед твоей красотой. Давай поступим так, сестрица Сона. Пожалуйста, дай мне какое-нибудь свое старое платье, пусть прикроет наготу.

СОНА. У меня нет одежды для нее.

ЧЕРКЕЗ. Я знаю, Сона-ханым, ты ее боишься. Ты только найди ей что-нибудь из одежды, и пусть оденется в одной из комнат, хорошо?

АСЛАН. О чем ты говоришь? Какая комната? Русалка же не будет раздеваться, чтобы затем одеться. Пусть здесь одевается. Жена, иди и принеси ей одежду.

СОНА. Какую одежду? Дельфин, русалка, мне все равно, берите ее и убирайтесь к черту!

АСЛАН. Эй, Сона, неужто ты не веришь, что мы поймали ее в море?

ЧЕРКЕЗ. Клянусь, сестра, мы поймали ее на удочку и с трудом вытащили на суши, она даже хотела сбежать в море...

АСЛАН. Она, видимо, там родилась и выросла.

СОНА. Там бы и оставалась...

ЧЕРКЕЗ. Почему ты так говоришь, сестрица? Пусть и другие увидят русалку...

СОНА. Уберите ее подальше от моего дома. Не смешите людей. Ай, братец Черкез, если ты такой добрый, почему не возьмешь ее к себе в дом?

ЧЕРКЕЗ. Я могу взять. Что здесь такого?

АСЛАН. Но она же попалась на мою удочку, к тому же у Черкеза нет бассейна.

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона очень добрая...

СОНА (*внимательно рассматривает Русалку*). Смотрю на нее, и даже жалко становится...

ЧЕРКЕЗ. Конечно, жалко, ведь ее тоже создал Бог. Сестра, может, ты все-таки принесешь какой-нибудь свой старый халат?

СОНА. И что потом?

ЧЕРКЕЗ. Потом посмотрим...

АСЛАН. Давайте, бросим ее в бассейн.

СОНА. Не оскверняйте мой бассейн!

ЧЕРКЕЗ. Воду нельзя осквернить. К тому же, сестрица Сона, у нас с Асланом зародилась одна хорошая идея.

СОНА. Какая идея?

ЧЕРКЕЗ. Мы поселим Русалку в бассейн, затем объявим об этом по радио и телевидению, а также дадим объявление в газетах.

АСЛАН. С какой целью?

ЧЕРКЕЗ. Люди будут приходить сюда, чтобы взглянуть на нее.

СОНА. Мой дом не зоопарк и не цирк!

ЧЕРКЕЗ. Они будут приходить не просто так, сестрица Сона.

СОНА. А как?

ЧЕРКЕЗ. За деньги, мы будем продавать билеты. Разве бывают представления без денег?

АСЛАН. Теперь, Черкез, давай сразу уточним: кто будет продавать билеты?

ЧЕРКЕЗ. Я буду сам продавать. Уверяю тебя, на нее приедут посмотреть со всего мира, не так ли, сестрица Сона?

Сона приносит из дома халат, и они помогают девушке одеться.

СОНА. Выньте кляп изо рта бедняжки, она же задохнется. Братец Черкез, а откуда она знает наш язык?

ЧЕРКЕЗ. Видимо, она крутилась часто возле наших судов... Это наша, отечественная русалка.

СОНА. Так это действительно русалка? Что-то не верится. Может, она такой же человек, как и мы? Может, она нечаянно упала в воду?

АСЛАН. Жена, разве мы настолько глупы, что не могли отличить тех, кто живет на суше, от тех, кто живет в воде?

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона, клянусь Аллахом, мы поймали русалку на удочку.

АСЛАН. И в море она себя чувствовала как рыба в воде.

СОНА. Ей-богу, вы совершили непростительный грех.

ЧЕРКЕЗ. Почему? В чем наш грех, сестрица?

СОНА. Нас всех ждет проклятие, отпустите ее.

АСЛАН. В море? Нет!

СОНА. Она же дитя моря и не сможет жить без воды.

ЧЕРКЕЗ. Не беспокойся, мы научить ее жить на суше.

СОНА. Послушайте моего совета, отпустите эту несчастную в море, пусть живет так, как хочет.

ЧЕРКЕЗ. Сестрица, как же вы несправедливы. Вы хотите, чтобы эта беззащитная сиротка, божье создание пошла на корм хищникам? Бедняжка не знакома с этим миром, но мы – люди и хорошо знаем мир, в котором живем. Ну и что из того, что она русалка, ее же, как и нас, создал Бог. Во многих странах есть организации, которые защищают права даже змей, ящериц и черепах. Мы тоже должны защищать права всех живых существ у нас в стране, и тогда возрастет влияние нашего государства в мире, а также наше личное благосостояние. Мы не можем ее бросить на съедение морским хищникам. Нет! Категорически, нет!

СОНА. Люди, живущие на земле, намного опасней. Ей-богу, иногда в моей голове проскальзывает мысль о том, что было бы лучше, если бы я жила в море. Выньте кляп у нее из рта, посмотрим, что она скажет... Может, она захочет вернуться в море?

АСЛАН. Конечно, захочет, но кто ее отпустит?

ЧЕРКЕЗ. Посмотрите, с ее кожи осыпается чешуя. Нужно срочно бросить ее в бассейн.

СОНА. Так вы говорите, что, когда вы поймали ее и вытащили на берег, она была полностью покрыта чешуей?

ЧЕРКЕЗ. Ну, да. Но ничего, она снова обретет свой прежний вид. После, может, и мы покроемся чешуей.

СОНА. Хорошо, пусть будет так! Но хотя бы развязжите ее.

АСЛАН. Нет, она может опять попытаться сбежать.

ЧЕРКЕЗ. Аслан, опустоши бассейн...

АСЛАН. Но почему? Ты же говорил, что она сможет жить и в этой воде.

ЧЕРКЕЗ. Нет, сюда нужно налить морской воды, русалка не сможет жить в пресной.

АСЛАН. Где я найду тебе морскую воду? Давайте поступим так: добавим в воду побольше соли, вот тебе и морская вода.

ЧЕРКЕЗ. Хорошая мысль!

СОНА. Братец Черкез, а вдруг эта девушка перестанет быть русалкой?

АСЛАН. Эй, жена, опять ты начинаешь? Перестань нести чушь, скажи лучше что-нибудь приятное.

СОНА. А вдруг мы опозоримся?

АСЛАН. С какой это стати.

СОНА. Откуда я знаю? Она похожа на обычного человека: руки, ноги, голова, глаза – все, как у нас.

АСЛАН. Обычная? Разве у тебя такие руки, ноги, глаза? Посмотри на ее волосы, они такие пышные и мягкие. Обрати внимание на то, как ярко блестит ее тело, а затем взгляни на свое отражение в зеркале.

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона, русалка самая настоящая, будь спокойна.

СОНА. И что же мы станем делать с ней?

ЧЕРКЕЗ. На нее будут приходить смотреть люди, и если ты захочешь, то сама будешь продавать билеты на представление.

АСЛАН. Боюсь, что к нам может пристать налоговая инспекция.

ЧЕРКЕЗ. А при чем здесь налоговая?

АСЛАН. Ты же знаешь наших, скажут, мол, что мы уклоняемся от налогов...

ЧЕРКЕЗ. Да, ты прав, если им дать волю, они заставят нас платить за воздух. Поступим так: поговорим с налоговым инспектором и дадим ему один процент от дохода. Просто так, в виде взятки, пусть подавится. А мы станем владельцами оставшейся части дохода, ведь львиная доля работы достанется именно нам. Как говорится, кто держит мед, тот и облизывает пальцы.

СОНА. Твои слова да Богу в уши. Если дела у нас пойдут хорошо, то через некоторое время вы снова выйдете в море и, может быть, поймете еще и водяного.

ЧЕРКЕЗ. И что мы станем с ним делать?

СОНА. Бедняжка же не сможет всю ночь оставаться одна в воде? А вдруг ей станет страшно?

ЧЕРКЕЗ. А кого ей бояться?

АСЛАН. Откуда я знаю?

ЧЕРКЕЗ. В любом случае, ее нельзя оставлять без присмотра. Этой ночью я сам буду охранять ее.

АСЛАН. Вообще-то этой мой двор, и я сам могу присмотреть за ней.

СОНА. Аслан, ты же соня. Пусть лучше братец Черкез за ней присмотрит.

АСЛАН. Заткнись, женщина! Я что, умер?! Кто такой Черкез? (*Передразнивает жену.*) «Ты соня...» Почему же я соня? Может, я ночью сам войду в бассейн.

СОНА. И что ты будешь там делать? Может, я чего-то не знаю, и ты когда-то был тоже водяным?

АСЛАН. А может, она тоже когда-то была обычной женщиной, но затем бросилась в море и превратилась в русалку? (*Обращается к Русалке.*) Не так ли, русалка-ханым, морская фея или как тебя там... Черкез, вынь кляп у нее изо рта, не дай бог, задохнется.

ЧЕРКЕЗ. Не задохнется, она дышит жабрами.

СОНА (*вынимает кляп изо рта девушки.*) Ну, а теперь что? Можешь ты спокойно дышать? (*Девушка начинает плакать.*) Может, дадим ей немного воды, ведь она уже давно находится без воды.

ЧЕРКЕЗ. Давайте, нальем воду прямо ей в рот.

Сона приносит в большой кастрюле воду и ставит перед русалкой. Девушка опускает туда голову и жадно пьет. Оставшуюся воду Сона выливает ей на голову.

РУСАЛКА. О-о-й-й! Отпустите меня!

СОНА. Сестрица Русалка, ты хочешь в бассейн?

РУСАЛКА. Да, хочу...

ЧЕРКЕЗ. Я же говорю, она не может жить без воды. Как женщина не может жить без мужчины, так и русалка не может жить без воды.

СОНА. Она тоже женщина...

АСЛАН. Черкез, ослабь хоть немного веревку, не то она не сможет плавать в бассейне

СОНА. А вдруг она сбежит?

АСЛАН. Не сбежит. Она постоянно будет находиться под моим неусыпным надзором.

ЧЕРКЕЗ. Мы будем по очереди присматривать за ней. Ты днем, а я вечером.

СОНА. Занимайтесь своими делами, а присматривать за ней буду я.

РУСАЛКА. Отпустите меня!

ЧЕРКЕЗ (*немного ослабляет веревку.*) Да, вот так... Ну же, успокойся!

СОНА. Ай, сестрица, не кричи, соседи услышат.

ЧЕРКЕЗ. Ничего, пусть слышат, все равно рано или поздно все об этом узнают.

Раздается стук в дверь. Слышен чей-то кашель.

СОНА. Я так и знала, что случится какая-нибудь неприятность. Аслан, отведи ее в боковую комнату, а я открою дверь.

РУСАЛКА. Помогите! О, Боже!

СОНА. Замолчи, а то уши тебе отрежу! (*Затыкает ей рот кляпом.*) Да, вот так, успокойся... (*Обращается к Аслану.*) Наверное, опять этот демагог пришел. По кашлю поняла... Снова будет мутить воду.

ЧЕРКЕЗ. Да, я знаю этого демагога. Не открывайте дверь. Пусть убирается.

АСЛАН. Если мы не откроем ему дверь, он войдет через ворота. Наверное, что-то пронюхал, сукин сын.

ЧЕРКЕЗ. Он тоже рыбак?

АСЛАН. Нет, он якобы ученый, изучающий море и его обитателей. Из-за таких мерзавцев, как он, море может даже высохнуть...

ЧЕРКЕЗ. Ее нужно спрятать...

Снова раздается стук в дверь, доносится кашель.
Черкез хватает большое полотенце и набрасывает его на девушку.
Сона открывает дверь. Входит сосед.

СОСЕД. Здравствуйте, соседи, как ваши дела? Что у вас хорошего?
АСЛАН. Здравствуй, сосед! Добро пожаловать!

СОНА. Добро пожаловать, сосед! Пожалуйста, проходите, присаживайтесь.

СОСЕД. Сегодня очень жарко. Позвольте мне сначала умыться холодной водой.

СОНА. Кран в конце двора.

СОСЕД. Знаю, знаю... (Идет в сторону крана.) В такую погоду, как сегодня, можно отправиться и на рыбалку.

АСЛАН (Черкезу). Я же говорил, он что-то пронюхал.

СОНА. Наверно, следил за вами.

АСЛАН (злобно смотрит на жену). Мы еще не знаем, за кем он следил.

СОНА. Следи за своими словами...

АСЛАН. Хорошо, я потом поговорю с тобой.

ЧЕРКЕЗ. Аслан, постыдись! Лучше подумай, как выпроводить этого болтуна.

СОСЕД (возвращаясь). Хм-м-м-м... Да, вот я и говорю, сегодня благоприятный день для рыбалки.

АСЛАН. Сосед, чистое полотенце висит там за дверью. (С иронией.) Черкез, ты, кажется, куда-то торопишься? Сейчас я провожу тебя. Да, сосед, полотенце вон там.

СОНА. Сосед, я сама принесу. Одну минуту...

СОСЕД. Не беспокойтесь, вот чистое полотенце.

АСЛАН (бросается вперед). Нет, только не это!

Сосед хватает полотенце, которым накрыта русалка. Девушка стонет.

Все ошеломлены. Сосед спокойно вытирает полотенцем свое лицо, а затем бросает на плечи девушки.

СОСЕД. Хм... Кажется, у вас гостья.

СОНА. Да, нежданно приехала.

СОСЕД. Добро пожаловать!

СОНА. Она плавала в бассейне. Когда вы вошли, не успела одеться и спряталась под полотенцем.

СОНА. Таких приличных девушек сейчас немного. Да хранит ее Аллах! Но почему она так трясется и у нее во рту кляп?

ЧЕРКЕЗ. У нее болят зубы.

СОСЕД. Если у человека болят зубы, надо затыкать ему рот кляпом? (Вынимает кляп изо рта девушки.) Если будет нужно, я даже смогу вырвать зуб. (Внимательно рассматривает девушку.) Добро пожаловать, дочка! Какие у нее красивые зеленые волосы! Хм-м-м... Зуб уже не болит?

РУСАЛКА (кричит). Помогите мне!

СОСЕД. Что случилось? Почему девушка так кричит? И почему у нее связаны руки? (Хватается за веревку, пытаясь развязать ее.)

РУСАЛКА. Дядя, помоги мне! Оф-ф-ф...

Девушка вырывается и убегает в сторону двери, конец веревки остается в руках у соседа.

СОНА. Сосед, что ты натворил?

АСЛАН. Держите ее!

ЧЕРКЕЗ. Она хочет в бассейн...

Сона догоняет девушку, затем, схватив ее, зажимает ей рот рукой.

СОНА. Какой бассейн?! Она хотела сбежать в море. Вот так... А теперь заткнись!
СОСЕД. Разве это русалка, чтобы сбежать в море?
АСЛАН. Сосед, ты в своем уме, разве люди могут жить в воде?

Сосед замолкает, внимательно глядя на Аслана.

СОНА. Как это люди не могут жить в воде? Разве не вы поймали ее в море? Вы что, издеваетесь надо мной?

СОСЕД. Я думаю, что в воде может жить не только человек, но и сам дьявол. Когда я увидел эту девушку, то сразу понял, что это русалка.

ЧЕРКЕЗ. Царство небесное твоему отцу, ты говоришь правду.

СОНА. Сосед, эту русалку сегодня на рыбалке поймали Аслан с Черкезом. (*Обращается к русалке.*) Если не будешь кричать и звать на помощь, я уберу руку от твоего рта. (*Убирает руку.*) Вот так... теперь отдыхай. Может, привяжем веревку к ее ноге?

СОСЕД. Зачем привязывать?

СОНА. А вдруг она сбежит?

СОСЕД. Думаю, не сбежит! (*Берет руку девушки и гладит ее.*) Ее кожа только-только покрывается чешуей, бедное животное...

АСЛАН. Нет, сосед, наоборот, чешуя осыпается.

СОСЕД. Ничего подобного! Она еще так молода и не раз может сменить свою чешую. А главное, она еще и разговаривать умеет.

АСЛАН. Да, очень интересно, она даже знает наш язык.

СОСЕД. Вы знаете, что между землей и водой существует интенсивная связь. Современные животные...

ЧЕРКЕЗ. Только вы хорошо разбираетесь во всех глубинных процессах.

СОНА. Да, вы, человек ученый, и мы в этом точно не разбираемся.

АСЛАН. Почему не разбираемся? Как только она попалась мне на удочку, я тот час же понял, что это русалка.

СОСЕД. А я думал, что вы поймали ее с помощью сети. Разве удочка не повредила ей горло?

АСЛАН. Нет, мы все сделали аккуратно.

ЧЕРКЕЗ. Так ты говоришь, что у тебя не было никаких сомнений в том, что это русалка, верно?

СОСЕД. В том, что это русалка, нет никаких сомнений. Раньше я в такие вещи не верил.

СОНА. В какие вещи?

СОСЕД. Сестрица Сона, в природе и обществе нет таких явлений, которые нельзя было бы объяснить с материалистической точки зрения. Кроме этого, в науке даже допускается мысль о существовании дьявола и джиннов.

СОНА. Да, мир полон демонов.

СОСЕД. Я тоже хочу внести определенную ясность в этот вопрос. Например, многие ученые-материалисты до сих пор не признают, что русалки на самом деле существуют. Я раньше тоже отрицал это, но теперь жизнь показывает обратное. Теперь я с полной уверенностью могу сказать, что на свете существуют демоны, снежный человек, и даже русалки... Ханым, как живут-поживаю в вашем водном царстве?

*Девушка яростно трясет головой и безумно хохочет. Все ошеломлены и напуганы.
Сосед крепко хватает ее за руку.*

АСЛАН. Что ты делаешь? Ты ей руку сломаешь!

СОНА (Аслану). Успокойся, учитель знает, что делает!

ЧЕРКЕЗ. Учитель, как думаешь, мы должны передать ее государству или же ...

СОСЕД. Государству? Государство может распоряжаться лишь государственной собственностью, а русалка – ваша личная собственность. Если хотите, я сам разберусь с этим вопросом. Изучу ее когнитивные способности, уровень сознания, нервную систему...

СОНА. Хороший совет! Пусть русалка поживет у соседа.

СОСЕД. Я отведу ее в лабораторию, которую оборудовал в своем саду недалеко от моря. Там проведу исследования, и если будет нужно, мы созвовем международный симпозиум.

АСЛАН. Что за позиум, дорогой? Нет, нельзя...

СОСЕД. Почему нельзя? Это необходимо для науки. Такими вещами должны заниматься ученые.

ЧЕРКЕЗ. Нет, дорогой сосед, ты начал за здоровье, а кончил за упокой.

СОНА. Прислушайтесь внимательно к совету соседа.

СОСЕД. Поверьте, доверив мне это животное, вы многое приобретете. ..

СОНА. И что мы за это получим?

ЧЕРКЕЗ. Он говорит, что на этом заработают лишь только ученые.

АСЛАН. Мне все равно, что будут думать ученые. Нам более выгодно держать ее в бассейне.

СОСЕД. Это тоже вполне приемлемый вариант. Конечно, в этом тоже есть свои положительные моменты, но...

СОНА. Что значит, «но...»

СОСЕД. Однако к этому вопросу нужно подходить более глобально.

ЧЕРКЕЗ. Подходить каким образом?

СОСЕД. Нужен научный подход.

АСЛАН. Но нам не выгоден ваш научный подход.

ЧЕРКЕЗ. Как-то вы мудрено говорите, учитель.

СОНА. Учитель говорит все четко.

СОСЕД. Нам нужно учитывать интересы и самой русалки? (*Обращается к русалке.*) Ханым, а что вы сами думаете об этом? Может, испытаем ваши возможности в лабораторных условиях?

РУСАЛКА. Я хочу в море, отпустите меня!

СОСЕД. Мой сад, где находится лаборатория, находится рядом с морем.

РУСАЛКА. Отпустите меня в море!

СОНА. Бедная, она только и думает о море.

ЧЕРКЕЗ. Нет, лабораторный вариант тут не подходит.

АСЛАН. У нас тоже есть своя лаборатория. Если будет нужно...

СОНА. Ваша лаборатория изучает оперение птиц.

АСЛАН. Ну и что? Между рыбой и птицей нет большой разницы.

СОСЕД. Между ними есть большая разница. Рыбы обитают в воде, птицы – в небе.

ЧЕРКЕЗ. Не обижайся, ты все-таки уже довольно пожилой человек. А вдруг русалка сбежит из твоей лаборатории? И что ты тогда станешь делать?

СОСЕД. Во-первых, старость понятие относительное. Хотя мне уже немало лет, но чувствую я себя еще молодым. Ни в игре, ни в танце вы не сможете со мной сравниться. Во-вторых, этим вопросом должны заниматься люди с научным мышлением.

СОНА. Говорю же вам, пусть сосед лично займется этим.

АСЛАН (*обращается к Соне*). Замолчи, жена!

СОНА. Нет, э-э... Сосед же не съест это животное. Он потом вернет ее назад. Не так ли, сосед?

СОСЕД. После всестороннего обследования, имеющего важное научное значение, она снова вернется к вам. Мое предложение содержит множество рациональных моментов. Мы должны быть прагматичными. С иррациональным и сюрреалистическим мышлением мы далеко не уедем. Вещи, далекие от реальности, всегда порождают катастрофы и трагедии.

ЧЕРКЕЗ. Учитель, если русалка выйдет живой из лаборатории, то мы ее не узнаем.

СОСЕД. Это почему же?

АСЛАН. Черкез прав. Все птицы в нашей лаборатории превратились в мумии.

РУСАЛКА. Отпустите меня, отпустите! Боже мой, я задыхаюсь.... Оф-ф-ф... Бес-совестные люди!

СОНА. Заткнись, не кричи!

СОСЕД. Она еще не приспособилась к нашей среде.

СОНА. Приспособится, конечно, приспособится...

Стук в дверь. Сона подходит к двери.

РУСАЛКА. Помогите!

АСЛАН. Спокойно! Все вопросы нужно решать мирным путем.

СОНА. Кажется, пришли из домоуправления.

АСЛАН. Не открывай...

ГОЛОС (*снаружи*). Аслан, открай, это я, Киши Кишиевич, из домоуправления.

АСЛАН. Ну и что?

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона, открай ему дверь. Узнай, что ему нужно?

АСЛАН. Кому говорю, Сона, не открывай...

ГОЛОС (*снаружи*). Аслан, почему вы не открываете дверь?

СОСЕД. Может, нам зайти в дом? (*Показывает на девушку.*) Вы поговорите здесь, а мы обсудим некоторые нюансы в доме.

РУСАЛКА. Помогите!

СОНА (*зажимает рукой рот девушке*)... Прямо ломится в дверь... Кто это?

Сона открывает дверь, входит Мужчина.

МУЖЧИНА. Здравствуйте!

СОСЕД. Здравствуйте, директор! Как ваши дела?

МУЖЧИНА. Здравствуйте, я примчался сюда на шум. Ей-богу, подумал, что у вас здесь драка. Сейчас настали плохие времена, не так ли, учитель?

СОСЕД. Время – понятие относительное...

МУЖЧИНА (*смотрит на Русалку*). А это кто?

СОСЕД. Эта девушка тонула в море, и Черкез с Асланом спасли ее.

ЧЕРКЕЗ. Она одна из тех, кто живут в воде.

СОСЕД. Пока не установлено, к какому виду она относится, однако по предварительным наблюдениям можно с уверенностью сказать, что относиться она к исчезающим видам животных. Как опытный ученый, специалист в этой области, я точно могу сказать...

МУЖЧИНА. Похоже, это не совсем обычное существо. Может, это русалка?

РУСАЛКА. Умоляю, помогите!

СОНА. Наверное, она снова хочет воды.

АСЛАН. Если хочет, принеси, пусть попьет.

СОНА. Нет, э-э-э... Она мечтает о морской воде.

МУЖЧИНА. Я тоже мечтаю о море. Если представится хоть малейшая возможность, отправлюсь прямо туда.

АСЛАН. Куда?

МУЖЧИНА. В море. Уверяю вас, я бы предпочел остаться там навсегда.

СОНА. Разве возможно оставаться в море навсегда?

МУЖЧИНА. Почему бы и нет? Разве русалки не живут в море?

СОСЕД. Киши Кишиевич, разве ты веришь, что человек может жить в воде?

МУЖЧИНА. Почему же не верю? А вы, вы разве не верите?

СОНА. Почему не верю, еще немного, и все в это поверят.

МУЖЧИНА. Полагаю, что наш уважаемый ученый в это не верит.

СОСЕД. Раньше такие вещи воспринимались как нечто мистическое, надуманное.

МУЖЧИНА. А сейчас?

АСЛАН. Сейчас он верит в это всем сердцем и душой.

ЧЕРКЕЗ. К тому же у него в лаборатории позиум есть.

СОСЕД. Позиум? Ха-ха-ха... Может, симпозиум? (*Обращается к мужчине.*) Шеф, в мире есть много необычного и необъяснимого.

МУЖЧИНА. Как это? Попробуйте объяснить как-то попроще.

РУСАЛКА. Помогите мне!

МУЖЧИНА. Почему ты кричишь? Мы тебе поможем! Пусть уважаемый нами ученик скажет свое слово.

СОСЕД. Да, шеф, раньше я не верил ни в черта, ни в снежного человека, ни, тем более, в русалок, а теперь верю.

МУЖЧИНА. Извините, учитель, но раньше вы не верили и в Бога.

СОСЕД. Не клевещи на меня, шеф!

МУЖЧИНА. Это вы на меня клевещете, старик!

СОСЕД. Я не старик!

МУЖЧИНА. Вы лжец! Когда-то вы были моим преподавателем. Однажды я сказал вам, что верю в снежного человека и даже дьявола, и тогда вы прогнали меня из аудитории.

СОСЕД. Я прогнал? Но это было так давно...

МУЖЧИНА. Да, это было давно. Я даже сказал вам, что верю в существование русалок. Вы сильно рассердились на меня, а затем завалили на экзамене.

СОСЕД. Это я завалил вас на экзамене? Я? Я не из тех, кто на такое способен.

МУЖЧИНА. Я тогда сказал вам, учитель, побоялся Бога, не причиняй мне вреда.

СОСЕД. Я не из тех, кто наносит кому-либо вред, но тебя надо было прогнать из института.

МУЖЧИНА. Нет, вы не сделали этого.

СОСЕД. Если бы захотел, то сделал.

МУЖЧИНА. Нет, вы этого не сделали, потому что я дал вам взятку.

СОСЕД. Я никогда не брал денег.

МУЖЧИНА. Вы лжете!

СОНА. Учитель пожилой человек, постыдись!

ЧЕРКЕЗ. У нас в гостях морская гостья, уважайте ее.

СОСЕД. Шеф, что тебе нужно от меня? Что ты мне дал, что не можешь взять?

МУЖЧИНА. Учитель, вы утверждали, что русалки не существуют, тогда скажите, разве это не русалка?

СОСЕД. Да, это так. Теперь я могу с полной ответственностью сказать, что это водяное животное...

МУЖЧИНА. Извините меня, но те, кто называют эту красавицу животным, сами являются потомками животного.

СОСЕД. Никто не называет ее животным. Просто в научной литературе все существа, живущие в воде, именуются животными.

МУЖЧИНА. Животные живут не только в воде, но и на суше. И большинство из них – двуногие.

СОСЕД. Это парадоксальный случай, требующий тщательного анализа. Всякие рассуждения и сравнения здесь неуместны. Кто есть кто, то есть абсолютную истину могут представить лишь неопровергимые научные доказательства.

МУЖЧИНА. Уважаемый ученый, давайте отложим в сторону научные термины. Хорошо, скажите, что эта за шумиха вокруг?

СОНА. Это все из-за русалки...

АСЛАН. Ай, женщина, какая тут связь?

ЧЕРКЕЗ. Однажды наша Русалочка вновь вернется в море. К чему все эти бесмысленные споры.

СОСЕД. В любом случае, было бы неплохо, если бы я осмотрел ее.

ЧЕРКЕЗ. Нет, сосед, твой позиум может только нанести нам вред.

МУЖЧИНА. Аслан, русалка имеет прописку в вашем доме или нет?

АСЛАН. Нет, какая прописка?

ЧЕРКЕЗ. Она была прописана в море, а теперь получит прописку в бассейне.

МУЖЧИНА (*обращается к русалке*). Сестрица, у тебя паспорт с собой или ты оставила его в море?

РУСАЛКА. Отстаньте от меня...

МУЖЧИНА. Мы должны пойти в управление.

АСЛАН. Для чего?

МУЖЧИНА. Вы знаете, кто она? Нет! Вы знаете, как ее зовут, фамилию, чем занимается, ее гражданство, политические взгляды, состав семьи? Нет! Нам нужно сделать запрос и узнать, кто она, чем занимается, откуда появилась?

ЧЕРКЕЗ. У моря спросите...

МУЖЧИНА. Будет нужно, сделаем запрос и в океан. Должны ведь мы установить ее личность?

СОНА. Но она ведь не человек...

СОСЕД. Водяное животное...

МУЖЧИНА. Прошу вас не переходить на личные оскорблении, будь то русалка или водяное животное. Она тоже гражданка нашей страны. В любом случае, живет она в море, на нашей территории. Мы незамедлительно должны пойти в управление, и точка.

АСЛАН. Нет, она никуда не пойдет!

ЧЕРКЕЗ. Тогда мы отвезем ее туда, откуда привезли.

РУСАЛКА. Верните меня в море!

СОНА. Она хочет только в море.

СОСЕД. Мой сад находится недалеко от моря, в очень красивом, живописном месте.

МУЖЧИНА. Это не имеет к теме никакого отношения. Она должна пойти со мной, и все! У нас есть законы. Здесь не анархия!

АСЛАН. Я не признаю твои законы!

ЧЕРКЕЗ. У моря тоже есть свои законы, своя конституция...

МУЖЧИНА. Чего вы хотите?! По-вашему выходит, что мы должны жить по морским законам?

СОСЕД. Есть такие места, где люди живут по диким законам.

МУЖЧИНА (*подходит к русалке, берет ее за руку и внимательно смотрит на нее*). Мы должны идти!

АСЛАН. Она никуда не пойдет!

ЧЕРКЕЗ. Она может вернуться только в море.

СОНА. Ай, киши, ты что, будешь воевать с правительством?! Боже, эта Русалка стала для нас проблемой. Сосед, хотя бы ты образумь его.

СОСЕД. Эта Русалка... хм-хм... по всем параметрам подходит для моей лаборатории. Это любопытный экземпляр для изучения, настоящая находка для фундамен-

тальной науки. Почему вы не позволяете мне проверить на практике свои теоретические соображения, не хотите, чтобы мировая наука ознакомилась с таким уникальным явлением? Почему вы не хотите, чтобы ваш сосед стал Нобелевским лауреатом?

МУЖЧИНА. Дорогие господа-ученые, все должно решаться в рамках закона. Поехали, не будем попусту тратить время.

АСЛАН. Убери руки! Она никуда не пойдет!

ЧЕРКЕЗ. Киши Кишиевич, смотри сюда, мы с большим трудом поймали эту рыбу, то есть русалку, а ты, воспользовавшись плодами нашего труда, хочешь сразу стать министром?

МУЖЧИНА. Я говорю с вами от имени закона.

АСЛАН. А я говорю с тобой на человеческом языке.

СОНА. Пусть все идет к черту: и твое море, и твоя русалка!

МУЖЧИНА. Имейте достоинство, не переходите на оскорблении!

СОНА. Грязное животное, эта ваша русалка!

АСЛАН. Замолчи!

РУСАЛКА. Вы все грязные мерзавцы! Оставьте меня в покое!

Звучит музыка. Девушка пытается убежать, Киши Кишиевич хватает ее за руку, пытаясь удержать. Аслан хватает Киши Кишиевича за воротник и начинает трясти.

Черкез помогает Аслану, Сона Киши Кишиевичу. Вокруг стоит шум-гам.

СОНА. Опять сюда кто-то идет, вот наглые людишки!

АСЛАН. Опять кто-то пришел?

Входит, слегка подпрыгивая, полицейский с дубинкой в руке.

ЧЕРКЕЗ. Ты кто такой и что тебе надо? Взрослый мужчина, а перелез к нам через забор, как малый ребенок.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я полицейский.

АСЛАН. Полицейский? Поздравляю!

РУСАЛКА. Помогите!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что за шум? Кто эта девушка?

СОНА. Это русалка...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вы что, издеваетесь надо мной?

АСЛАН. Кто над тобой издевается? Если на свете существует морская полиция, ученые-оceanологи, то почему же не могут существовать и русалки? Да, это на самом деле и есть русалка.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Поднимите руки вверх или за себя не ручаюсь.

Полицейский размахивает дубинкой, все поднимают руки вверх.

Полицейский берет девушку за локоть.

РУСАЛКА. Отпусти мою руку!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Эта женщина находится в розыске. (Внимательно смотрит на русалку.) Ты пойдешь со мной в полицейское управление, там все и выясним.

Шум-гам. Аслан хватает полицейского за воротник.

Другие участники пытаются их разнять. Звучит музыка.

Занавес

Акт второй

Тот же двор. Сона и Сосед.

СОНА. Сосед, как ты думаешь, нам ничто не угрожает?

СОСЕД. И что может вам угрожать?

СОНА. Как его там, правительство... Вдруг скажут, что мы без разрешения ловим рыбу.

СОСЕД. Глупости! Вы же поймали не рыбу, а что-то иное...

СОНА. Да, это точно не рыба, и даже не человек. И что это такое, непонятно?

СОСЕД. Потому я и предложил Аслану основательно изучить ее в моей лаборатории. Все должно иметь под собой научную основу. Мои исследования помогут пролить свет на многие вопросы. Если бы русалку отпустили со мной, полиция не смогла бы вмешаться. Мне ее очень жаль.

СОНА. Кого?

СОСЕД. Русалку.

СОНА. И почему тебе ее жаль?

СОСЕД. Разве полиция знает, что такое этика? Они погубят ее.

СОНА. Пусть убирается ко всем чертям. Сначала мне тоже было жаль ее, но потом оказалось, что нога у нее тяжелая. Нельзя же разрушать семью из-за русалки!

СОСЕД. Это верно. Но я... я ведь не женат, и поэтому она должна пойти со мной.

СОНА. Это смотря как обернется дело...

СОСЕД. Ничего не случится, я даже готов последовать за ней в море.

СОНА. И что ты будешь с ней делать на дне морском, сосед? Ты человек по-жилой, а она молодая, то есть, я имею в виду, что, находясь долгое время в воде, ты получишь как минимум воспаление легких.

СОСЕД. У меня есть водолазный костюм. Я даже смогу провести под водой всю зиму.

СОНА. Аслан тоже хотел бы жить в море...

СОСЕД. Ты поэтому вызвала полицию?

СОНА. Н-е-е-т... Кто вызвал полицию? Может, ты сам вызвал? Если с головы моего мужа упадет хоть один волосок, ты ответишь за это!

СОСЕД. Если с русалки упадет хоть одна чешуйка, то за это будет отвечать твой муж.

СОНА. Можно подумать, что ты вместе с моим мужем поймал эту русалку.

СОСЕД. Твой муж необразованный человек. Разве он не понимает, что охотиться на исчезающие виды животных нельзя?

СОНА. Сам ты необразованный! Разве это животное? Это русалка, женщина, живущая в воде.

СОСЕД. Твой муж даже не читает газет. Может, это вовсе не русалка, а существо, запущенное в море с целью эксперимента? Почему невежественные люди суют свой нос туда, куда не следует!

СОНА. Пепел на твою голову! Ты до сих пор не можешь отличить рыбу от человека!

СОСЕД. Не переходи на оскорблений! Иди и объясни эту разницу своему мужу. Я хорошо знаю, что такое рыба, и кто такой рыбак...

СОНА. Эй, ты, возвращайся в свою лачужку!

СОСЕД. Пока не узнаю, чем все это закончится, я не тронусь с места.

СОНА. Как это не тронешься с места? Ах ты, старый шакал! Убирайся, говорю тебе!

СОСЕД. Не кричи! Я тебя не боюсь!

СОНА. Убирайся! (Сона хватает его за воротник и тащит к двери, они дерутся.
На шум прибегают Аслан, Черкез и полицейский.)

АСЛАН. Жена, ты чтотворишь, почему бьешь этого бедолагу?

СОСЕД. Да уж, избила! Разве у нее хватит сил справиться со мной? Не сравнивай меня с собой...

АСЛАН. Что? Это я боюсь жену?

СОСЕД. Я бы такую жену давно бы...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, и что?

ЧЕРКЕЗ. Наверное, он хотел сказать, что отправил бы ее куда подальше.

СОНА. Он уже давно отправил свою жену на тот свет, только вот не знаю, где она сейчас, в аду или в раю.

СОСЕД. Говорю официально при представителе закона: в уголовном кодексе существует отдельная статья за клевету.

АСЛАН. Это не просто полиция, а морская полиция.

СОСЕД. Нет никакой разницы...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Соседу*). Скажи, что тебе нужно?

СОСЕД. Что мне нужно?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Например, что тебе нужно от жены гражданина Аслана.

СОСЕД. Я требую больше информации о Русалке!

АСЛАН. Ты кто вообще такой! Может, ты являешься адвокатом Русалки?

ЧЕРКЕЗ. А может, ты вместе с нами поймал ее?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Может, ты тоже водянкой?

СОСЕД. Я еще вам покажу, кто я такой! Хорошо, посмотрим! (*Хочет уйти.*)
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Учитель, ты куда торопишься, подожди! (*Обращается к Аслану.*) Кажется, он еще тот демагог...

АСЛАН. И притом государственного масштаба.

СОНА. А еще он сплетник.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*подходит к Соседу*). Будь терпелив. Ты же мудрый человек, повидавший многое на своем веку.

СОНА. Ну, и где она?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Кто?

СОСЕД. Русалка!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Она в машине...

СОСЕД (*глубоко вздохнув*). Да она... может задохнуться. Бросьте ее в бассейн.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, не задохнется, мы только что отпустили ее в море...

СОНА. Это правда?! Она не сбежала?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Куда ей бежать? Один конец веревки привязан к ее ноге, а другой находится у меня. Она не сможет сбежать.

СОСЕД. Но и что теперь вы собираетесь делать?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Надо посоветоваться, Аслан. Бассейн наполнен водой?

АСЛАН. Да, конечно.

ЧЕРКЕЗ. Мы перенесем ее сюда на руках.

Аслан, Сона и Черкез уходят.

СОСЕД. Ну, хорошо, и что дальше?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я же вам говорю, этот вопрос мы обсудим сообща. В любом случае, вы наш аксакал, повидавший мир, и мы прислушаемся к вашему совету.

СОСЕД. Говорите, я аксакал... Но я ощущаю себя человеком вполне молодым и энергичным и могу дать дальний совет. Давайте поступим так: я изучу этот феномен в своей лаборатории, а затем уже объявлю результаты. И если вы одобрите, созовем симпозиум.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В принципе, я тоже могу забрать ее с собой. У нас тоже имеется своя лаборатория, однако я хочу посоветоваться и с вами.

СОСЕД. Мы должны подходить к этому вопросу с прагматической точки зрения. Благодаря русалке, мы сможем получить огромные доходы.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Доходы? И каким это образом?

СОСЕД. Например, моя лаборатория находится рядом с морем. Я содержу там большое количество собак, кошек и даже обезьян...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Но она же не кошка, не собака и даже не обезьяна...

СОСЕД. Послушай меня! В моем саду мы сможем открыть зоопарк. Поместим туда русалку, других животных и будем продавать билеты за хорошие деньги.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. За деньги? А кто будет продавать билеты?

СОСЕД. Да хотя бы сама Русалка. Пусть люди увидят, что русалка тоже любит деньги и знает им цену.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, я сам буду контролировать весь этот процесс, но у меня к вам есть отдельное предложение: давайте продадим ее иностранцам.

СОСЕД. Продать? И ты думаешь, ее купят?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Почему же не купят? Разве ты не ученый? Составишь надежный сертификат, погрузим ее в самолет и отправим за границу.

СОСЕД. В виде контрабанды?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, почему же контрабанды? Все будет по закону. А для чего, по-твоему, нужен сертификат? На таможне у меня есть свои люди, они отправят товар туда, куда следует.

СОСЕД. Отличное предложение! За границей ее можно продать по высокой цене. Например, в Африке.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, ее можно дороже продать только в Америку.

СОСЕД. Кажется, они несут сюда эту зверушку, поговорим об этом позже.

Аслан, Черкез, Мужчина и Сона несут Русалку.

РУСАЛКА. Отпустите меня, мерзавцы!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Закройте ей рот!

АСЛАН. Не надо, пусть дышит...

СОНА. Она вновь хотела сбежать?

МУЖЧИНА. Да, мы с трудом ее остановили.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Хм, четверо мужчин...

СОСЕД. По отношению к ней нельзя применять силу. Все в этом мире имеет свое научное обоснование.

СОНА. Кажется, кто-то идет...

Во двор заходит Молодой человек.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*внимательно разглядывает молодого человека*). Гражданин, что вам нужно?

АСЛАН. Что ты забыл в моем доме?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*увидев русалку, сильно расстраивается*). Боже, мой ангел, моя дорогая!

РУСАЛКА. Тыфу на тебя!

ЧЕРКЕЗ. Кажется, он тоже живет в море...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я его помню, он часто ошивается на пляже.

СОНА. Может, это муж русалки или ее брат?

СОСЕД. С теоретической точки зрения все возможно.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну а с практической точки зрения?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Она моя жена!

РУСАЛКА. Убирайся, негодяй, никакая я тебе не жена!

АСЛАН. Вот видишь, она не твоя жена.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Давайте все успокоимся.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Милая, что с тобой? Почему ты не узнаешь меня?

СОНА. Если она твоя жена, то почему не узнает тебя?

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона, остановись...

СОСЕД. Парень, раньше твоя жена жила в воде или на суше?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Какая вода, какая суша ...

МУЖЧИНА. Она была прописана в вашем доме или..?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Она была прописана в доме своего отца, по адресу улица Морская, дом пять.

МУЖЧИНА. Значит, она жила в море?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Какое море? О чем вы говорите?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Хорошо, тогда поставим вопрос по-другому: как долго ты ее не видел?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. С того времени, как она исчезла, прошло уже несколько месяцев.

ЧЕРКЕЗ. И все это время ты искал ее?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Конечно, искал, и даже сообщил об этом в полицию и дал объявление в газете. По телевизору неоднократно показывали ее фотографию.

СОСЕД. Интересно, очень интересно. И что ты теперь собираешься делать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Хочу забрать ее домой...

РУСАЛКА. Я с тобой никуда не пойду, мерзавец!

ЧЕРКЕЗ. Сестрица, а как насчет моря? Хочешь туда вернуться?

РУСАЛКА. Да, хочу, отпустите!

СОНА. Она хочет вернуться в море...

СОСЕД. Молодой человек, давайте уточним еще один нюанс: в роду вашей жены кто-нибудь жил в воде?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет...

СОСЕД. Вообще-то, как мы знаем, тело человека на девяносто процентов состоит из воды, но здесь что-то не сходится.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Но ведь она ... Скажем так, по какой причине она ушла от тебя?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я не знаю. Раньше она часто жаловалась на боли в сердце, и ей провели операцию.

СОСЕД. Ага... Сделали шунтирование, не так ли?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да, а откуда вы знаете?

АСЛАН. Он ученый, все знает.

МУЖЧИНА. Да какая вам разница...

СОСЕД. Дело, видимо, было так! Наверняка, врачи с целью эксперимента заменили ее сердце на сердце кита или рыбы. Вот и все!

МУЖЧИНА. Может, это было сердце дельфина?

СОСЕД. Может, и дельфина.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Этого не может быть!

СОСЕД. Ну почему же не может быть. Разве вы не слышали о человеке-амфибии. Она и есть человек-амфибия. Ты думаешь, что феномен под названием русалка возник сам по себе? Природа полна чудес. Научные горизонты расширяются.

МУЖЧИНА. Эта женщина выбрала своим местом обитания море.

СОНА. Боже, если смотреть на все это с другой стороны, она счастливый человек.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да благословит Аллах наше море!

ЧЕРКЕЗ. Конечно, ведь для многих море вроде хлебного дерева...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, у меня есть список всех браконьеров в округе. А теперь, парень, скажи, чем занималась твоя жена после операции?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Чем может заниматься жена? Домом, хозяйством... В последнее время она была сильно раздражена.

СОСЕД. И часто ты ее бил?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да... Нет... Ну, иногда слегка... И что вы об этом знаете?

СОСЕД. Потому что моя жена тоже...

СОНА. Х-м-м-м...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Она тоже превратилась в русалку?

СОСЕД. И что ты об этом знаешь?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я многое знаю, ведь большая часть моей жизни связана с морем.

АСЛАН. Господин полицейский, в таком случае вы тоже являетесь морским обитателем.

СОНА. После каждой ссоры многим людям приходит в голову мысль пойти и утопиться в море.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. И что, вы тоже часто деретесь?

АСЛАН. Глупая женщина, когда это мы с тобой дрались?

СОНА. Я говорю не о нас, а о соседских женщинах... А ты часто ее бил, парень!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Кто? Я?

СОСЕД. Вот, смотри, ноги у нее синие... Ты ее бил либо ремнем, либо палкой.

СОНА. Нет, это место от половицы... Вот кровоподтеки ...

РУСАЛКА. Подлец!

МУЖЧИНА. Значит, местом ее прописки является море?

СОСЕД. Мы можем погубить ее...

СОНА. Нужно срочно бросить ее в бассейн.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, я собираюсь забрать ее домой.

РУСАЛКА. Убирайся! Я с тобой никуда не пойду!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Слышал?!

СОСЕД. Моя жена тоже когда-то выбрала море...

МУЖЧИНА. И больше не вернулась.

СОСЕД. Откуда ты знаешь об этом? Это давняя история...

ЧЕРКЕЗ. Это, видимо, произошло в прошлом веке.

СОСЕД. Да, так оно и есть. А сейчас многие мечтают стать русалками.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я на все сто процентов согласен с профессором. Моя работа связана с морем, и многие сейчас мечтают стать русалками и жить в воде, однако удаётся это далеко не всем.

СОСЕД. Она для нас редкая находка! Не всем так везет, как ей. (Обращается к Русалке.) Ханым, скажите, где вам лучше: в воде или на суше?

РУСАЛКА. Лучше стать кормом для рыб, чем жить рядом с такими мерзавцами, как вы.

ЧЕРКЕЗ. Вот, видишь, сынок, она хочет в море.

СОНА. А кто этого не хочет?

АСЛАН. Жена, когда-то и ты мечтала о море. ..

СОНА. Мне надо было уйти...

СОСЕД. И моя жена тоже...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Твоя жена ушла и больше не вернется.

РУСАЛКА (Молодому человеку). Убирайся!

СОСЕД. Слышишь, что она говорит? Ты сможешь жить с ней только в море, а не на суше.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Учитель, а почему ты не отправился вслед за женой?

СОСЕД. Права человека нарушать нельзя. Кто выбирает море, а кто – сушу...

СОНА. Кажется, кто-то стучится...

АСЛАН. Не открывай!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, открай, вдруг пришел кто-то сверху. Это дело взято под личный контроль начальника.

Сона открывает дверь, режиссер с камерой на плече входит во двор.

РЕЖИССЕР. Здравствуйте!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А ты откуда здесь взялся?

РЕЖИССЕР. Я режиссер!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ты из государственного телевидения?

РЕЖИССЕР. Нет, я свободный художник.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну и что тебе нужно, художник?

РЕЖИССЕР. Я хочу увидеть русалку.

ЧЕРКЕЗ. Откуда ты знаешь, что это русалка?

РЕЖИССЕР. Здесь не нужно много ума, чтобы понять это. Уже несколько лет я работаю над многосерийным документальным фильмом о русалках

СОСЕД. И уже удалось снять что-нибудь?

РЕЖИССЕР. Конечно, что-то снял, но, к сожалению, все русалки уже давно вымерли.

СОНА. Вымерли? И почему это?

РЕЖИССЕР. Их уничтожили либо киты, либо люди.

СОСЕД. А также другие хищники...

СОНА. Люди намного кровожадней хищников.

РЕЖИССЕР. Вот совсем недавно я снял документальный фильм о снежном человеке и джинах.

МУЖЧИНА. Слышишь, муаллим? Когда-то на уроках ты нам рассказывал, что все это является вымыслом, что на свете не существуют ни бесы, ни дьявол.

СОСЕД. Это с материалистической точки зрения. Но последние достижения науки доказывают нам обратное. В природе могут происходить необъяснимые явления, в том числе не отрицается и существование русалок.

РЕЖИССЕР. Интересно, а эта русалка приплыла к нам из океана?

МУЖЧИНА. Думаю, что эта наша, местная русалка...

СОСЕД. Да, я тоже так думаю. К тому же, она хорошо говорит на нашем языке.

РЕЖИССЕР. Она умеет говорить? Очень хорошо! (*Обращается к русалке.*) Может, скажешь нам пару слов?

АСЛАН. И что ей сказать?

РЕЖИССЕР. Пусть расскажет о своих впечатлениях. А затем о том, по какой причине она вышла на берег?

ЧЕРКЕЗ. Случайно попалась нам на удочку.

СОНА. Мы ей и грубого слова не сказали, вдоволь кормили ...

МУЖЧИНА. Она постоянно жила в море...

СОСЕД. Вот и моя покойная жена тоже когда-то выбрала своим последним пристанищем море.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Пусть покоится с миром!

РЕЖИССЕР. Пожалуйста, помолчите немного! Внимание, идет съемка! Первый кадр, первый дубль! (*Обращается к Русалке.*) Чем для вас является море?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Остановись! Что ты делаешь? Она моя жена!

РЕЖИССЕР. Ты тоже живешь в воде?

СОСЕД. Нет, он живет на суше.

МУЖЧИНА. Его постоянное место проживания – земля.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я думал, что русалками могут быть только особи женского пола?

РЕЖИССЕР. Гражданин, вы женаты на русалке?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, но раньше она не была русалкой.

СОНА. Аллах наделил ее особым даром и превратил в русалку. Это счастье.

РЕЖИССЕР. Господа, тихо! Пусть Русалка сама нам все расскажет. Внимание!

Первый кадр, второй дубль. (*Обращается к Русалке.*) Расскажите, чем для вас является море?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Остановись, дорогой!

РЕЖИССЕР. Что случилось?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Объясните мне, пожалуйста, кто вас сюда послал? У вас есть командировочное удостоверение?

РЕЖИССЕР. Я же вам говорю, что снимаю документальный фильм!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я с большим уважением отношусь к телевидению и кинематографу, и если захочешь рыбу, то можешь смело обращаться ко мне. Но на этот счет... Знаешь, это в какой-то степени военная тайна...

СОСЕД. Нет, такого не может быть! Это стратегический вопрос!

МУЖЧИНА. А может, к нам ее забросили враги с диверсионной целью?!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мне в голову пришла одна мысль. Может, это они приложили руку к тому, что недавно были взорваны подводные лодки, потоплены корабли, а может даже, это они устроили и землетрясение?

СОСЕД. На такие сложные вопросы смогут ответить только лишь ученые.

МУЖЧИНА. Да еще такие достойные, как ты...

СОНА. Наш сосед молодец, во всем разбирается... (*С иронией.*) Во всем...

АСЛАН. Однако его жена ушла и так и не вернулась...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Но моя же вернулась!

РУСАЛКА. Я снова сбегу в море... (*Обращается к молодому человеку.*) Мерзавец, кровопийца, палац!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Вот сколько обвинений она выставила против тебя. (*Обращается к Молодому человеку.*) Парень, ты должен за это ответить!

РЕЖИССЕР. Прошу вас, успокойтесь! Я слышу в ее голосе дыхание моря, шум морских волн! Первый кадр, третий дубль! Чем для вас является море?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Море для нас – это все!

СОНА. Море есть море!.. Эй, мо-ло-дой-й-й-й че-ло-век-к-к-к... Ты снимаешь все это, чтобы показать по телевизору?

РЕЖИССЕР. Конечно! Дайте мне возможность, и этот фильм увидит весь мир!

МУЖЧИНА. Вам за это заплатят?

АСЛАН. А что тогда получим мы?

ЧЕРКЕЗ. Ничего!

МУЖЧИНА. Знаете, кому это понравится? (*Показывает на русалку.*) О ней узнает весь мир.

СОНА. А чем я хуже?

РЕЖИССЕР. Сестра, это она – русалка, а не ты...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Она моя законная жена!

РЕЖИССЕР. Эй, брат, не мешай. Я снимаю, потом будешь говорить.

МУЖЧИНА. В последнее время моя жена тоже мечтает о море.

СОСЕД. После смерти моей жены я тоже хотел было броситься в море...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Целыми днями я пропадаю в море, и что из того?

СОНА. А я тоже несколько раз хотела утопиться...

АСЛАН. Замолчи! Или ты думаешь, все утопленницы становятся русалками?

ЧЕРКЕЗ. Сестрица Сона и без того как русалка...

РЕЖИССЕР. Кадр первый, дубль четвертый! Море... Море...

СОСЕД. Подожди! Остановись!
РЕЖИССЕР. Что... что случилось?
СОСЕД. Нам нужно снять с ее ноги веревку.
МУЖЧИНА. Зачем?
СОСЕД. Русалку будут снимать в документальном фильме. И что на это скажут иностранцы?!
СОНА. И что они скажут, сосед?
СОСЕД. Весь мир будет над нами смеяться и проклинать. Скажут, что мы нарушиаем права людей... хм... животных...
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Конечно, наши граждане – наше богатство!
МУЖЧИНА. Она прописана в море...
ЧЕРКЕЗ. А теперь она получит прописку в бассейне.
РЕЖИССЕР. Она дитя природы, где живет, там...
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Она моя жена и прописана по адресу улица Морская...
СОНА. Вот видишь, она жила в море...
АСЛАН. Что ты заладила, море да море... Видимо, сама мечтаешь жить в бассейне.
СОСЕД. Развяжите веревку...

Звучит музыка. Русалку развязывают. Девушка отходит немного в сторону и кричит странным голосом. Кажется, то ли плачет, то ли смеется. Все с удивлением смотрят на нее. Внезапно девушка стремительно бежит в сторону двери. Все, кроме Соны, бегут за ней. Сона поднимает с пола веревку и внимательно рассматривает ее.

Раздаётся шум автомобиля. Все возвращаются обратно.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Она сбежала!
МУЖЧИНА. Она угнала мою машину и уехала!
ЧЕРКЕЗ. Нужно сообщить в дорожную полицию.
АСЛАН. Сосед, это ты дал ей сигнал бежать?
СОСЕД. Нет, это не я, она сделала это инстинктивно.
МУЖЧИНА. Моя машина, где моя машина?
РЕЖИССЕР. Это какая-то провокация...
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что мне теперь делать?
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Это нельзя так оставить, нужно начинать поиски.
СОНА. Хорошо, что она сбежала, пусть убирается!
АСЛАН. Заткнись!
ГОЛОСА. Нам нужно ее найти! Идемте к морю!

Все, кроме Соны и Аслана, уходят.

АСЛАН. Это ты ей помогла сбежать, Сона?
СОНА. Хорошо и сделала...
АСЛАН. Ты в последнее время совсем обнаглела, дай мне ту веревку!
СОНА. Ты что, собираешься повеситься на этой веревке или будешь хранить ее как память о Русалке?
АСЛАН. Мало говори, сука! Дай, говорю тебе, эту веревку!
СОНА. На, держи свою веревку и не кричи на меня!
АСЛАН. Ты сегодня тараторишь без умолку. Я тебе сейчас задам трепку.

Аслан начинает бить Сону веревкой. Та с криком выбегает на улицу. Звучит музыка. Расстроенный Аслан внимательно разглядывает веревку, затем падает на землю, обхватив голову руками. Заходит Черкез и удивленно смотрит на друга.

ЧЕРКЕЗ. Что с тобой случилось? Где Сона?

АСЛАН. Сбежала.

ЧЕРКЕЗ. Куда?

АСЛАН. Не знаю.

ЧЕРКЕЗ. Вдруг она тоже бросится в море?

АСЛАН. В море? Зачем?

ЧЕРКЕЗ. Ты, может, не обращал на это внимания, но она все время твердила о море.

АСЛАН. А вдруг она тоже попытается утопиться?

ЧЕРКЕЗ. Всякое может случиться.

АСЛАН. И что мне теперь делать?

ЧЕРКЕЗ. Ее нужно найти и вернуть обратно.

АСЛАН. У этой женщины точно нет мозгов.

ЧЕРКЕЗ. Мы тоже, к сожалению, не обладаем большим умом. Поторопись, не мешай...

АСЛАН. Может, она побежала в дом отца?

ЧЕРКЕЗ. Давай пойдем сначала туда, а если ее там не окажется, отправимся к морю.

АСЛАН. А если и там мы ее не найдем?

ЧЕРКЕЗ. И что теперь делать?

АСЛАН. Я не знаю...

ЧЕРКЕЗ. Или ты ее опять чем-то обидел?

АСЛАН. Я? Два раза только ударил веревкой.

ЧЕРКЕЗ. Вот глупая женщина, из-за такой ерунды обиделась и убежала. Наверное, побежала следом за Русалкой.

АСЛАН. Откуда нам знать. Может, они заранее договорились. Нам, мужчинам, не понять женщин.

ЧЕРКЕЗ. Быстрее... Поторопись...

*Звучит музыка. Они уходят.
Сменяются декорации. Берег моря.
Вокруг скалы. Аслан и Черкез.*

АСЛАН. Аслан, как ты думаешь, куда могла подеваться моя жена?

ЧЕРКЕЗ. Аслан, посмотри вон туда.

АСЛАН. Куда? Туда, где кружатся чайки? И что ты там видишь?

ЧЕРКЕЗ. Смотри внимательно... Кажется, в море кто-то есть. Видишь?

АСЛАН. Да, там что-то белеет... Кажется, там человек...

ЧЕРКЕЗ. Плывет прямо к берегу...

АСЛАН. Наверное, это отыхающие, что здесь такого? Какое нам до этого дело?

ЧЕРКЕЗ. Разве сейчас пляжный сезон? Не видишь, какой холод?

АСЛАН. Может, это моржи? Им наплевать, холодно сейчас или жарко?

ЧЕРКЕЗ. Это никакие не моржи. Могу спорить, что это женщина.

АСЛАН. Так ты хочешь сказать, что это может быть русалка?

ЧЕРКЕЗ. Все может быть...

АСЛАН. Это наша русалка?

ЧЕРКЕЗ. Неужели в таком огромном водном пространстве может обитать только одна русалка?

АСЛАН. Смотри, она стоит на воде и не тонет.

ЧЕРКЕЗ. Не тонет, потому что не человек, а русалка.

АСЛАН. Она идет по волнам прямо к нам.

ЧЕРКЕЗ. Давай спрячемся за скалы.

АСЛАН. А вдруг она на нас нападет?

ЧЕРКЕЗ. И что она нам может сделать?

АСЛАН. Что может сделать? Растирзать нас. Ведь не все живущие под водой твари так безобидны, среди них есть и хищники.

ЧЕРКЕЗ. Надо было все-таки взять с собой полицейского.

АСЛАН. Кажется, кто-то идет...

ЧЕРКЕЗ. Точно.

АСЛАН. Зовет нас...

Появляется молодой человек.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что вы здесь ищете?

ЧЕРКЕЗ. Во всяком случае, не твою жену, э-э-э не Русалку...

АСЛАН. Нам вполне своих бед хватает...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Слышал, твоя жена тоже пропала?

АСЛАН. Моя жена... хм... Может, это твоя жена свела ее с пути?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Во-первых, она на это не способна, а во-вторых, она не знакома с твоей женой.

ЧЕРКЕЗ. Может, ваши жены уже давно знакомы друг с другом?

АСЛАН. Чёркез, разве ты не знаешь, что моя жена редко выходит из дома?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Раньше моя жена тоже редко выходила из дома.

ЧЕРКЕЗ. И как так получилось, что твоя жена превратилась в русалку?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. В последнее время мы часто друг с другом скорились.

ЧЕРКЕЗ. Вы скорились или...?

АСЛАН. Ты же нещадно бил ее!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я? Нет... Да... Стойте! Посмотрите туда! В море кто-то есть... Человек... А может, это русалка?

АСЛАН. Она еще с самого утра там...

ЧЕРКЕЗ. Она то близко подплывает к берегу, то уходит под воду.

АСЛАН. А также ходит по волнам.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Может, это моя жена?

АСЛАН. Во всяком случае, это не моя жена. Я на сто процентов уверен в этом, потому что моя жена не умеет плавать.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Моя жена тоже не ходила на пляж.

АСЛАН. Наверное, они как-то связаны с водой...

ЧЕРКЕЗ. Всякое может быть. И что теперь нам делать, Аслан? Не будем терять время зря, мне очень холодно.

АСЛАН. Может, погреемся в машине?

ЧЕРКЕЗ. Нет, давай уйдем отсюда. Какая нам польза от пребывания здесь? (*Обращается к Молодому человеку*). А ты что собираешься делать?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нет, я никуда отсюда не уйду. Меня никто дома не ждет.

АСЛАН. Меня тоже никто не ждет.

ЧЕРКЕЗ. Аслан, я ухожу.

АСЛАН. Стой, я с тобой.

ЧЕРКЕЗ. Поторопись, становиться еще холоднее...

АСЛАН (*обращается к Молодому человеку*). Будь здоров!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Можно узнать, где вы поймали русалку?

АСЛАН. Вот прямо здесь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. У меня нет удочки.

АСЛАН. Я отдам тебе свою. Вот, возьми... Уходим. Пока.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Счастливого пути!

Аслан и Черкез уходят. Молодой человек вертит в руках удочку. Слышен плеск воды. Молодой человек испуганно оглядывается по сторонам. Внезапно перед ним появляется женщина в белом платье, похожем на бальное. Женщина напоминает ему русалку. Ее движения плавны и пластичны. Казалось, будто она не идет, а танцует. Молодой человек с изумлением смотрит на нее.

Сглотнув слюну, он робко подходит к ней.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Русалочка? Это ты, дорогая? Остановись, пожалуйста... Куда ты идешь? Прошу тебя, прости меня! Я знаю, что виноват во многих грехах. Я оскорблял, унижал тебя, часто поднимал на тебя руку, но ты все терпела и молчала. Помню, как глядя на твоё, все в синяках и ссадинах лицо, твои подруги удивленно спрашивали: «Кто это тебя так изуродовал?» Никто не мог поверить в то, что я мог так зверски избить тебя, ведь все думали, что я очень спокойный и уравновешенный человек. В последнее время я пристрастился к алкоголю, и у меня часто были галлюцинации. Я ревновал тебя ко всем, часто терял разум и сходил с ума от того, что вокруг тебя выются другие мужчины, как мне тогда казалось. Порою мне казалось, будто внутри меня живет другой человек, то есть у меня было раздвоение личности. Я следил за тобой днем и ночью, тяжелые мысли терзали меня. И, наконец, однажды я решил убить тебя. Хотя смутно, но я помню, как однажды ночью схватил тебя за горло и стал душить... Ты была сонная, помню, как от страха глаза твои вышли из орбит. Я душил тебя, и ты уже начала издавать предсмертный хрип, но кто-то невидимый словно схватил меня за плечи и оттолкнул назад. Вскрикнув, я обернулся. Вокруг никого не было, только кромешная тьма. Ты, вырвавшись из моих цепких рук, в одном нижнем белье выбежала во двор и растворилась в ночи. На протяжении нескольких месяцев я искал тебя. Ты часто угрожала мне тем, что утопишься в море, но, слава Богу, ты жива. Прости меня, моя пери. Ты всегда была набожна и верна мне. Я даже верю, что ты можешь быть русалкой, потому что кристально чистый человек. Куда ты уходишь? Остановись, прошу тебя, остановись... Умоляю... Хочешь, я встану перед тобой на колени? Остановись, русалочка... Моя пери...

Звучит музыка. Легкими, плавными движениями, будто танцуя, женщина уходит. Она исчезает, оставшись для него лишь недостижимой мечтой. Обхватив голову руками, парень громко рыдает. Музыка постепенно стихает. Парень лежит, прижавшись лицом к земле, будто просит помощи у земли и воды.

На сцене сменяются декорации.

Двор Аслана. Во дворе полный беспорядок.

Аслан сидит на пне срубленного дерева. Кто-то стучит в дверь.

АСЛАН. Кто это? Проходите! (*Дверь открывается, входит Сосед.*)

СОСЕД. Здравствуй, Аслан!

АСЛАН. Да, сосед, проходи. Что-то давно тебя не видно...

СОСЕД. Да, все это время я находился в своем саду.

АСЛАН. В своей лаборатории?

СОСЕД. Можно сказать и так. У меня есть все необходимое оборудование для экспериментов, а также многие животные, такие как собака, кошка, обезьяна, белка... Только русалки здесь не хватает.

АСЛАН. Дай Бог, и она найдется.

СОСЕД. Конечно, думаю, она скоро появится. Недавно я кое-кого выследил в своем саду...

АСЛАН. Кого?

СОСЕД. Русалку.

АСЛАН. Может, тебе это показалось?

СОСЕД. А может, и тебе показалось, что ты поймал ее и принес в свой дом?

АСЛАН. Иногда я думаю, что все это было лишь сном, миражем.

СОСЕД. Какой сон, какой мираж? О чем ты говоришь? Допустим, что у вас было помутнение рассудка. Но что тогда было со мной? Слава Богу, что я нахожусь в здравом уме. Я видел русалку своими глазами. Иногда я вижу ее в своем саду, но не могу поймать. Увидев меня, она убегает, словно пугливая газель, и прячется в камышах.

АСЛАН. В камышах? Нет, такого не может быть! Русалки живут в воде.

СОСЕД. Но иногда они выходят на берег.

Стук в дверь.

АСЛАН. Стой, кажется, кто-то пришел...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Здравствуйте!

АСЛАН. Здравствуйте! Пожалуйста, проходите!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*обращаясь к Соседу*). Как хорошо, что я застал вас здесь.

СОСЕД. Что-то случилось?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я слышал, что в вашем саду кто-то прячется.

МУЖЧИНА. К тому же еще и без регистрации.

АСЛАН. Он держит там животных.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Каких животных? (*Обращается к Соседу*.) По сведениям, дошедшими до меня из надежных источников, в вашем саду кто-то прячется.

СОСЕД. Пусть будет проклят тот, кто лжет! Кто-то дезинформировал вас! Вы позволяете грязью честного гражданина, и я обращаюсь по этому поводу в Верховный суд!

МУЖЧИНА. Да хоть в Конституционный ...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А также в Апелляционный ...

МУЖЧИНА. Если же ничего не получится, можешь обратиться даже в Международный суд.

АСЛАН. Сосед, у тебя и вправду в саду кто-то прячется? Или Сона...

СОСЕД. Никто у меня не прячется, но несколько раз я видел, как кто-то появляется в моем саду, а затем исчезает. Я же только говорил тебе об этом.

МУЖЧИНА. Сейчас повсюду говорят только о русалке.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я вообще не могу спокойно сидеть в своем кабинете. Приходят представители газет и телевидения. Все интересуются исключительно русалкой, включая американского президента. Мне пришло поручение свыше – немедленно разыскать русалку. (*Обращается к соседу*.) Нам сообщили, что вы каким-то образом связаны с русалкой.

СОСЕД. Все это клевета! Правда, недавно я дал интервью одной из местных газет, где сказал, что верю в существование этих животных и даже порою вижу одного из них в своем саду...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Сам ты животное!

МУЖЧИНА. Почему ты думаешь, что русалки – это животные? Называть такое прекрасное создание животным непростительно.

АСЛАН. Моя жена Сона...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну что, Аслан, теперь давай перейдем к твоему вопросу. Почему ты не сообщил нам о пропаже своей жены?

АСЛАН. Это мое личное дело.

МУЖЧИНА. Это не твое личное дело, а общественное.

СОСЕД. Порою личное дело становится делом общественным.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, учитель, сейчас вы правильно сказали. Что значит личное дело? Может, все-таки ты убил свою жену?!

МУЖЧИНА. Может, она покончила собой, бросившись в море?

СОСЕД. А может, превратилась в русалку?

АСЛАН. В последнее время она часто говорила о море.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что вообще происходит? В последнее время и моя жена только и говорит о море и русалках.

МУЖЧИНА. Женщины – странные существа. Они все желают теперь стать русалками.

АСЛАН. Может, моя жена тоже превратилась в русалку?

СОСЕД. Может, это Сона бродит вокруг моего сада?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В вашем саду будет произведен обыск.

СОСЕД. Для этого вам потребуется санкция прокурора.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Для этого нам будет достаточно разрешения со стороны ЖЭКа. А он и впрямь профессиональный демагог.

МУЖЧИНА. Да, он старый демагог, к тому же пропагандирует и атеизм, и суетливость.

СОСЕД. Я исхожу из реальных фактов. А вы... вы все двуличные люди!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Несколько лет назад его жена тоже пропала.

МУЖЧИНА. Может, его жена тоже превратилась в русалку.

СОСЕД. Наверное, сейчас это модно.

АСЛАН. Бог его знает. А может, какая-нибудь неизвестная болезнь поразила их всех?

СОСЕД. Это реальность. Сейчас многие люди хотят жить в море.

МУЖЧИНА. Особенно женщины...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мне бы самому понравилось жить в море.

СОСЕД. Ну, конечно, ведь тебя туда манят не русалки, а рыбы.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Рыбы? Какие рыбы?

СОСЕД. Я имею в виду рыбы, пойманные браконьерами, и ты с ними заодно.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. А ты заодно с русалками...

СОСЕД. Я все расскажу вашему министру. (*Намеревается уйти.*) Тогда ты узнаешь, на кого клевещешь.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну, хорошо, остановись!

СОСЕД. Отойди, клеветник! (*Уходит.*)

МУЖЧИНА. Ух ты! На нас обрушилось беда. Ну и демагог...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Думаешь, он пойдет на нас жаловаться начальству?

МУЖЧИНА. Безусловно. Этот человек способен на любые подлости. Он довел свою жену до такого состояния, что она бросилась в море.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Она мертва?

МУЖЧИНА. Да, мертва.

АСЛАН. А может все-таки жива?

МУЖЧИНА. Да уж, может, и жива, превратившись в русалку.

АСЛАН. Вы же видели русалку своими глазами, или вы не верите мне?

МУЖЧИНА. Почему же не верю, очень даже верю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я боюсь, что он пожалуется на меня самому министру.

МУЖЧИНА. Да, он старый динозавр...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В дверь кто-то стучится. Интересно, кто это может быть?

АСЛАН (*направляется к двери*). А вдруг это Сона?

Входит женщина, вернее, русалка. На ней строгий костюм. Мужчины смотрят на нее со страхом и удивлением и не могут понять, женщина перед ними или русалка. Женщина широким, резким шагом подходит к Аслану.

РУСАЛКА. Здравствуйте!

ГОЛОСА. Здравствуйте, здравствуйте! Добро пожаловать!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Кажется, это она...

МУЖЧИНА. Да, это она ... Это она угнала мою машину.

АСЛАН. Вы мне кажетесь знакомой...

РУСАЛКА. Вы тоже мне кажетесь знакомым...

АСЛАН. Вы вышли из моря?

РУСАЛКА (*смеется*). Моря? Нет, конечно. Что я там забыла? Я же не моряк, но я люблю море.

АСЛАН. Вы похожи на русалку.

РУСАЛКА. Может быть...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Я представляю морскую полицию. В последнее время в море появились русалки.

РУСАЛКА. Вы ведь на них не охотитесь?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что вы говорите? Мы, наоборот, бережем их как зеницу ока. В нашей стране запрещено ловить не только русалок, но и рыб, китов и прочую живность...

МУЖЧИНА. Русалки – это наше будущее!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. На берегу моря повесили транспарант с надписью: «Любите море!» Мы холим и лелеем русалок, и никто не имеет права оскорблять их.

РУСАЛКА. Наше прошлое и будущее тесно связано с морем!

МУЖЧИНА. Тем более, что люди произошли из воды.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Жизнь на земле зародилась в воде, а еще мы ценим море за то, что там обитают русалки.

РУСАЛКА. Вы верите, что русалки существуют?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Конечно, верю! Я верю в существование русалок, как в самого себя.

МУЖЧИНА. Я верю и не верю...

АСЛАН. Не смейтесь надо мной, я видел русалку своими собственными глазами.

РУСАЛКА. И где ты ее видел?

АСЛАН. Где видел? Конечно, в море. Это я поймал ее и привез сюда.

РУСАЛКА. И где же она сейчас?

АСЛАН. Не знаю, сбежала.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Все это происходило на наших глазах. Как представитель власти я могу поручиться...

МУЖЧИНА. А я ничего не видел, ничего не слышал...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Хм-м-м... Сестрица, а ты случайно не следователь?

РУСАЛКА. Как это?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Нет, я просто спросил. Я слышал, что в наш отдел направили нового следователя. Говорят, это молодая девушка, но очень властная.

МУЖЧИНА. Я ничего не знаю...

РУСАЛКА. Я вас спрашиваю, где сейчас находится русалка?

АСЛАН. Вероятно, в море. Как назло, и моя жена сбежала следом за ней.

РУСАЛКА. Куда?

АСЛАН. В море... Она в последнее время часто твердила о море.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В последнее время многие тонут в море.

МУЖЧИНА. Наверное, ходят на пляж, чтобы искупаться и ...

АСЛАН. Многие люди сейчас хотят стать русалками, и все газеты, в основном, пишут только о русалках.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. К нам даже режиссер приезжал: хотел снять документальный фильм о русалках.

РУСАЛКА. Странно, но у меня такое ощущение, что все это произошло со мной.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Почему вы так думаете?

РУСАЛКА. Мне кажется, что и я когда-то была русалкой.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Может, это и правда.

АСЛАН. Я же говорю, по-моему, это были вы.

МУЖЧИНА. Нет, я ничего не видел.

РУСАЛКА. Мне кажется, что я здесь уже была. Этот двор мне кажется знакомым, и эти ворота тоже. ..

АСЛАН. Конечно, вы были здесь.

МУЖЧИНА. Я ничего не видел...

РУСАЛКА. А где сейчас находится ваша жена?

АСЛАН. Я же вам сказал, что она исчезла. А где же ваш муж?

РУСАЛКА. Мой муж? Он тоже исчез.

АСЛАН. Он жив. Я видел его на берегу моря, он искал вас.

РУСАЛКА. Вы говорите правду?

АСЛАН. Да, правду.

МУЖЧИНА. Я ничего не знаю.

Подходят сосед и Черкез.

РУСАЛКА. Мне кажется, что я их знаю... Я даже помню, что находилась в саду этого мужчины.

СОСЕД. Это клевета! В моем саду никого не было.

ЧЕРКЕЗ. Мне кажется, мы с вами действительно знакомы. Однако я не помню, где вас видел.

Русалка безумно смеется. Все со страхом смотрят на нее. С улицы раздается шум.

Слышен женский голос. Аслан бежит к двери. Заходят молодой человек и Сона. Молодой человек держит в руке веревку, к которой привязана Сона, за ним входит режиссер. Все удивлены. Внезапно русалка перестает смеяться.

РУСАЛКА (хватает парня за воротник). Кто это? Где ты ее нашел?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Это... это русалка... Я поймал ее в море.

РЕЖИССЕР. Внимание! Идет съемка!

СОСЕД. Ее нужно бросить в бассейн. Морская тварь может погибнуть без воды.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Бросьте ее в бассейн!

АСЛАН. Это вы все твари! Она моя жена!

ЧЕРКЕЗ. Это же сестрица Сона!

РУСАЛКА. Это действительно русалка.

АСЛАН. Сона, что с тобой случилось? (*Обращается к молодому человеку.*) Ублю-
док, ты зачем связал мою жену?

СОНА. Отпустите меня! Отпустите! Оставьте меня в покое! Я хочу в море!

РЕЖИССЕР. Дубль второй!

СОНА. Отпустите меня! Убирайтесь!

РУСАЛКА. Она не сможет жить без воды. Я тоже хочу в море...

ГОЛОСА (*раздаются эхом*). И я... и я... и я... я тоже... Мы все хотим в море...

Музыка. Все присутствующие, взявшись за руки, направляются к морю.

Затем доносятся звуки, напоминающие шум морской волны.

ЗАНАВЕС

ПАМЯТЬ

НИЗАМИ МАМЕДОВ¹

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ЛЮДЯМ

Памяти Рафика Осман оглу Курбанова

В этом году исполняется 15 лет, как ушел из жизни замечательный человек, общественный деятель, известный философ, профессор Рафик Осман оглу Курбанов. В Институте философии Российской академии наук в свое время была издана книга «Гуманизм и философские ценности» (М. Канон+, 2011), посвященная его памяти. Приняв посильное участие, я написал вводную статью к этой книге. Данное эссе представляет собой расширенную, дополненную версию этой статьи.

Так уж повелось, что не замечается величие тех, кто рядом с нами. Потом, когда они уходят из жизни, осознаем, что их толком не понимали, по достоинству не ценили. Люди поглощены житейскими заботами. По традиции спрашивают про дела, однако не находятся услышать должного ответа. Считается дурным тоном говорить вслух о своих проблемах. И живет человек в окружении людей, но в принципе одиноко, весь в себе.

В этом отношении Рафик был исключением. Он поражал всех не только своей открытостью, но и тем, что жил проблемами других. И это его качество проявлялось по отношению не только к близким, друзьям, но и ко всем, кто его окружал...

Шел 1972 год, время расцвета советской эпохи. Главной ценностью в обществе считалась творческая деятельность в области науки, искусства, литературы. Все стремились к образованию, романтическим научным поискам. Интеллектуальное веяние времени увлекло и меня, я поступил в аспирантуру Института философии АН СССР.

В Баку академик Фирудин Kocharli сказал мне в напутствие, что у нас дела в Москве складываются очень хорошо. В МГУ им. М.В.Ломоносова стал профессором Заид Оруджев, а руководство Института философии, после окончания аспирантуры, предложило работу двум бакинцам – Мураду Ахундову и Рафику Курбанову. И, если в Москве тебе нужна будет поддержка, можешь обратиться к ним. Фирудин-муаллим написал небольшую записку Рафику, с просьбой содействовать мне, как он выразился, в освоении Москвы. Знакомство с Рафилем меня ошеломило. Он в течение нескольких дней занимался исключительно моими делами. Помог устроиться в общежитие, достал нужные книги, знакомил с коллегами, показывал достопримечательности Москвы... Рафик пользовался особым уважением в Институте. Причина этого, как я понял потом, заключалась в его высокой нравственности, доброжелательности, оптимизме, что позволяло ему с юмором воспринимать житейские невзгоды. Его порядочность и надежность не вызывали сомнений, а обворожительная улыбка покоряла всех. Можно сказать, что он относился к особой категории людей, которые внушают доверие с первого взгляда. Немаловажное значение для коллег, разумеется, имело и то обстоятельство, что Рафик был профессионалом своего дела и свободно говорил на английском языке. Английским языком тогда мало кто владел. Именно под его влиянием мы, аспиранты, начали серьезно изучать иностранные языки. Последующая дружба с Рафилем духовно обогатила меня и была в научном отношении очень плодотворной. Так, анализируя иностранную литературу и труды классиков науки и философии, мы вышли с ним на проблемы гармонизации техники и биосферы, противоречивого развития техносферы. Написали совместную статью, которая была опубликована в центральном тогда философском журнале СССР – «Вопросы философии»

¹Доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, действительный член Российской академии естественных наук и Российской экологической академии, эксперт ЮНЕСКО.

(потом трижды она с дополнениями переиздавалась в различных книгах). В этой статье была поставлена фундаментальная проблема: необходимость социально-экологической оценки технических нововведений, которая остается чрезвычайно актуальной и сейчас.

Работать с Рафиком было интересно и легко. Он умел поддержать разговор на любую тему, при своих феноменальных данных был абсолютно лишен амбициозных качеств. Рафик был наблюдательным человеком. Это я понял, когда в 1978 году по заданию молодежного журнала Азербайджана «Улдуз» он написал статью об аспирантах, обучающихся в Москве, в ней он достоверно охарактеризовал и мои качества как исследователя. Однако отношение ко мне не было исключением. Точно также он поддерживал других аспирантов. Об этом свидетельствуют его многочисленные совместные публикации по различным темам.

О творчестве Рафика Курбанова можно говорить много. Получив блестящее физико-математическое образование, он стал работать в области философских вопросов физики, в частности, основательно исследовал роль категории взаимодействия в физическом познании, защитил докторскую диссертацию. Он вел исследования и в области этнологии, национальных и межконфессиональных отношений. Усиление национализма в последние десятилетия воспринимал очень остро и пристально занимался этим вопросом, пытался понять суть явления. Он однозначно склонялся к мысли, что это симптом тяжелой социальной болезни. С юмором цитировал слова Бернарда Шоу: «Здоровая нация так же не замечает своей национальности, как здоровый человек своего позвоночника». Для него, по большому счету, все это было хобби, хотя его публикации, выступления на конференциях по межнациональным отношениям вызывали бурную реакцию.

Кроме того Рафик был прекрасным поэтом, но о своих стихах говорил сдержанно. Над ним довлела поэтическая культура семьи, творчество отца – народного поэта Азербайджана Османа Сарыевли. Любимыми его поэтами были Самед Вургун и Александр Сергеевич Пушкин. Рафик любил сравнивать их поэтический дар, художественную стилистику и считал, что после них нужно быть очень смелым человеком, чтобы объявить себя поэтом. Рафик трепетно говорил о творчестве азербайджанских поэтов, проживающих в Иране, особенно о Шахрияре. Обращал внимание на триединый характер духовной культуры Азербайджана, обусловленный взаимодействием в течении столетий тюрksких, арабо-мусульманских и европейских ценностей. Считал очевидным просветительское влияние России на Азербайджан в последние два столетия.

Замечательны переводы Рафика новелл англоязычных писателей на азербайджанский язык, они были изданы в Баку в начале 70-х годов.

Все это действительно очень важно, однако не это было главным в Рафике. **Он был философом от Бога, философом по жизни...** Главные аксиомы в философии Рафика Курбанова – самоценность каждого человека и незыблемость этических норм. Для него жизнь каждого человека была превыше всего. Без человека, как он говорил, разговоры о политике, культуре, государстве теряют всякий смысл. И этим обстоятельством определялись порой не понятные окружающим его замыслы и поиски путей гуманизации жестких социальных отношений, на разумной основе решать конфликтные ситуации. Он зачитывался работами Руссо, ему импонировал его девиз «Назад к природе», восхищался мыслями Фейербаха о возможной гармонизации общества на основе обожествления человеческих отношений, смеялся над его критиками, считавшими это «абстрактным гуманизмом». Когда в 1980г. была издана на русском языке книга основателя и президента Римского клуба Аурелио Печчеи «Человеческие качества», Рафик превратился в настоящего проповедника его идей. Печчеи, как известно, предпосылкой решения глобальных проблем считал изменения культуры человека, его нравственных качеств. Свои философские взгляды Рафик не только высказывал в своих статьях, но и реализовывал в благих поступках. И это было не случайным порывом, а делом всей жизни. Он пытался понять всех, содействовать реализации целей каждого человека. В этом отношении, думаю, будут интересны истории, которые разворачивались на моих глазах...

Как-то Рафик летел из Баку в Москву, в самолете познакомился с молодым человеком из Саранска. Времени полета оказалось достаточным, чтобы выяснить, чем занимается молодой человек, и убедить его заняться философией. В Москве Рафик пригласил его к себе, а на следующий день вместе с ним пришел в педагогический университет и попросил меня помочь ему быть соискателем. Мое удивление было безмерным, когда узнал, что Рафик знает его меньше суток. Сейчас этот человек доктор наук, заведует кафедрой в Саранском университете.

С другим будущим профессором, одним из известных сейчас философов Азербайджана он познакомился в центральной (тогда «ленинской») библиотеке. Обратил внимание на то, что молодой человек штудирует Гегеля. Оказалось, что он инженер-строитель, живет во Владимире, по воскресеньям приезжает в Москву, чтобы заниматься в библиотеке. Рафик сделал все, чтобы он поступил в аспирантуру на философский факультет.

Начало научной карьеры известного казахского философа, академика Казахстана также связано с Рафилем Курбановым. Это было осенью, в конце 70-х годов уже прошлого столетия. Абитуриенты из разных республик СССР сдавали в Институте философии вступительные экзамены. В конце коридора, на скамейке сидел со слезами на глазах приятный молодой человек азиатской внешности. Он смотрел куда-то вдаль, но слезы независимо от него катились по лицу. Рафик, конечно, не мог пройти мимо. За несколько минут он выяснил, что парень из Казахстана, мама его лежит в больнице после инфаркта, получил он удовлетворительную оценку и не проходит по конкурсу. Ситуация казалась безвыходной... Рафик зашел в кабинет к заместителю директора Института философии Юрию Владимировичу Сачкову. Не знаю, что он ему сказал, но этот маститый ученый, инвалид войны, с трудом передвигаясь на костылях, спустился с четвертого этажа на второй, зашел в аудиторию, где проходил экзамен по специальности, и исправил экзаменационную оценку будущего казахского академика на «хорошо». Таких примеров можно привести бесчисленное множество.

Рафика в буквальном смысле обожествляли стажеры, аспиранты среднеазиатских республик. Он абсолютно бескорыстно им помогал в учебе, публикации их статей, организации защиты их диссертаций, решении бытовых вопросов... Многие из этих ребят потом заняли высокие должности в своих республиках. Надо отдать им должное, они не забывали то, что для них сделал Рафик Курбанов. В конце 80-х годов, к удивлению руководства Института философии, Рафика периодически приглашали для чтения лекций в Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан, Таджикистан.

Рафик производил большое впечатление на людей, своим вниманием удивительным образом их возвышал. Рядом с ним преображались все, даже люди криминального мира. Они с ним говорили о поэзии, политике, о смысле жизни... Более того, нередко, через день-два он передавал собеседнику список литературы с комментариями по интересующему его вопросу.

Вспоминается в этой связи уникальная история. В начале 90-х годов, когда СССР рушился и жить аспирантам на стипендию стало практически невозможно, Рафику позвонил какой-то «вор в законе» и предложил раздать аспирантам крупную сумму денег. При этом он сказал, что решил порвать со своим прошлым, в ближайшие дни едет в Мекку каяться и обратно не вернется. Рафик долго совещался с нами по этому вопросу. В итоге, как я помню, аспиранты купили медикаменты на эти деньги и передали в Фонд помощи беженцам из Армении.

В течение многих лет каждый понедельник Рафик посещал ленинскую библиотеку, знакомился с новыми поступлениями. Он знал темы исследования многих аспирантов и передавал им записки о поступивших книгах.

В общежитии аспирантов на улице Дмитрия Ульянова Рафик всегда был почетным гостем, аспиранты ему искренне радовались и делились своими проблемами. Очень часто, благодаря Рафику, в общежитии устраивались встречи с писателями, поэтами, другими известными людьми Азербайджана.

Поучительна преподавательская деятельность Рафика. Он по совместительству преподавал философию на естественных факультетах МГУ им. М.В.Ломоносова, несколько лет был профессором университета г.Бурса (Турция). Среди студентов о нем ходили легенды. Не только потому, что в самом начале курса, когда обычно преподаватели пугают студентов своей строгостью, Рафик объявлял, что, если кто-то не желает учиться и хочет остаться в неведении о философской культуре, то может не посещать занятия, он «автоматом» поставит таким «незнайкам» удовлетворительную оценку, будет соблюдать «права человека» на незнание. Но своим авторитетом, уровнем лекций он внушал студентам интерес к предмету, и происходило чудо: на его лекциях был полный аншлаг, а во время сессии студенты старались получать только хорошие оценки.

Рафик обожествлял свою семью, очень любил дочь и гордился сыном Эльжаном, который, к счастью, оправдал его надежды и стал профессором социологии Вашингтонского университета.

В последние годы жизни Рафика тревожили неопределенные перспективы Азербайджана, разделенного в свое время Ираном и Россией и оказавшегося под коварно размахивающимся «армянским мечом». Он пытался прогнозировать судьбу Азербайджана, исходя из наметившихся тенденций в мировой политике, геополитической стратегии ведущих стран. Рафик переживал за ситуацию, сложившуюся тогда в Нагорном Карабахе, за жизнь миллионов беженцев: детей, женщин и старииков. Когда в октябре 1993 года вышла моя статья «Карабахский синдром» в газете «Бакинский рабочий», он позвонил и сказал, что перевел статью на английский язык и берет с собой в США, где попытается распространить ее как азербайджанскую позицию по данной проблеме.

Он хорошо знал историю Армении, интересовался армянской культурой. Вспоминается в этой связи встреча с армянской поэтессой Сильвией Капутиян, которая проходила в 70-е годы в Москве, в гостинице аспирантов. Капутиян читала стихи, говорила о несчастной истории Армении, обвиняя во всех грехах турок. Вечер заканчивался, когда неожиданно какая-то девушка спросила Капутиян, а как, по ее мнению, выглядит типичный армянин. Поэтесса посмотрела на Рафика и заявила: вот он типичный во всех отношениях армянин. Рафик поднялся и сказал, что он азербайджанский турок, но это не мешает ему понимать и ценить стихи уважаемой поэтессы. По лицу Капутиян было видно, что она растерялась. Чтобы снять напряжение, Рафик стал говорить о близости наших народов, которая проявляется не только в типажах лиц, но и в особенностях поэзии и музыки, образе жизни людей.

Рафик признавал, что между народами, их культурами существуют объективные различия, и это замечательно, разнообразие языков, культур – это бесценное богатство, его надо беречь, а не унифицировать. При этом подчеркивал, что преступно усугублять, раздувать эти различия, переводить их в непримиримые противоречия. Если это делается, то делается в политических целях, в интересах каких-то одиозных сил. Противопоставление народов, разжигание войн на этнической почве, по мнению Рафика, однозначно можно отнести к преступлениям против человечности. Людям, не знавшим мировоззренческого подтекста действий Рафика, казались наивными его попытки разрешать конфликты, сближать противоположные позиции. В этой связи он любил повторять слова известного физика Нильса Бора, что «противоположности не должны бороться, а должны дополнять друг друга». Он пытался выйти на диалог с иранской и армянской интеллигенцией по вопросу Нагорного Карабаха. Рискуя жизнью, ездил в Ереван и Тегеран. Будучи в Америке, неоднократно выступал с аналитическими сообщениями о событиях в Закавказье в американских университетах, по радиостанциям «Голос Америки» и «Свобода».

Я не знал другого такого человека, с которым считались бы все. С ним считались известные ученые, писатели, политики, студенты, простые обыватели. Рафик был выше мирской суеты, он действительно стал феноменом в истории азербайджанской культуры. Жизнь и творчество его, вне всякого сомнения, будут служить примером для будущих поколений.

ИЛЬХАМ ГАХРАМАН

Дилемма

Забросил семью
ради звонких стихов...
Но мысли о детях
изъели меня.
Забросил стихи,
обратившись к семье, –
Стихи доедают меня,
как болезнь...

Когда умру...

Расчесши меня гребнем своим и пролей
Мне в могилу немного любимых духов –
Вдруг и там мне придется «на людях» бывать,
Саван мой, как рубашку, бывало, нагладь,
Чтобы мог я пред ангелов очи предстать,
Если вдруг им захочется видеть меня.
Не ревнуй меня к ангелам Божьим, не злись,
Лучше в старом саду ты нарви ярких роз
И рассыпь над надгробием скромным моим,
Чтобы средь небожителей я не робел,
Отвечал бы им в лад, те вдыхая цветы...
Знаю я, было счастья немного со мной –
Ты прости меня ради подросших детей,
Расчесши меня, мертвого, гребнем своим,
На могилу пролей благовонных духов,
Смятый саван мой верной рукою отгладь...

Переводы Алины ТАЛЫБОВОЙ

Ручей и море

Ты подобна морю,
Я твой ручеек.
Ты мой свет призывный,
Я твой мотылек.
Позабыв тревоги,
Я спешу к тебе,
Не свернуть с дороги
Ни тебе, ни мне.

Любить тебя

Я полюбил тебя так сильно, –
Накрыла с головой лавина!
И чтоб не расплескались чувства,
Сложил ладони воедино.

Души влюбленной переливы,
И чувств напевные мотивы
Спешат к тебе, бегут ретиво
К истоку и первопричине.

Два чувства – точно плоть с душою
Владеют безраздельно мною,
Любовь к тебе и вера в Бога
Со мной пребудут до кончины.

Любовь

И вновь повеяло любовью,
Манящей амброй, сердцу милой.
Пленяет и бежит по жилам,
Взывает чувством сизокрылым.

В минуту добрую меня
Всевышний, видно, помянул
И, в душу искру зароня,
Разжег огонь в душе постылой.

И ожил я, затрепетал,
Оковы тягостные скинул...
Душа без патоки любви
Будто засохшие чернила.

Когда меня не станет

В день, когда меня не станет,
Вихрь чувств мятежных канет,
Помяни меня...
Не к лицу тебе страданья,
Лишь сомкни глаза.
Не по мне, по нашим чувствам
Пусть блеснет слеза...
Дни былые вспоминая,
Боль свою утешь,
И прошу за нас обоих –
Дважды веки смежь.

Гюльсенем

Дорогая моя, Гюльсенем,
Равнодушье твое, как удущье,
Пали руки мои, будто крылья поникли,
В душу беды-ненастья коварно проникли,
Потускнел, затуманился взор.
На закланье желаний
Покорно ступаю,
Как на плаху склоняя главу.

Задушевный разговор

Разлука, друг мой, –
Сметённый потоком мост,
Что оставил тебя на распутье:
То ль вернуться,
В кипящую бездну нырнув с головою,
То ль сидеть отрешенно,
Внимая безумству стихии...
Выбирай, там посмотрим,
Силен ли ты духом, иль страхом ведом...

Перевод Надии КАФАРОВОЙ

Во владениях Фатих-султана

От Аксарая до Святой Софии
Наследьем гордым древней Византии
Стволы колонн устремлены в зенит.
И каждый камень здесь, под небом чистым,
Прохожим –
и стамбульцам, и туристам –
О славном прошлом молча говорит.
Но тают тени меж колонн высоких,
И из глубин веков, уже далеких,
Встает побед позднейших волшебство –
Деяния прославленных титанов...
Стамбул –
венец династии Османов,
Турецкого господства торжество!
Здесь каждый камень шепчет неустанно:
«Стамбул –
владение Фатих-султана!»

Лиши ты да я

**Давай отсюда убежим –
Лишь только ты и я.
Пойдем, куда глаза глядят,
Туда, куда сердца зовут –
В далекие края.**

**Давай оставим за спиной
Чужого мненья суд.
Долой запреты и табу,
Мы не подвластны никому –
Они нас не найдут.**

**Бежим от чуждыих и родных –
Туда, за небосклон!
Как гильзу или скорлупу,
С тобой мы сбросим шелуху
Навязанных имен.**

**И сладость истинных имен
Себе откроем там.
Тебя, переступив черту,
Своей я Евой назову.
А ты меня – Адам.**

**Там, где никто не подглядит,
Одежды не нужны.
Нарядом станет нам трава
Да шелковистая листва –
И свежи, и нежны.**

**Пещеры свод в глубинах скал
Нас приютят с тобой.
Ее своей мы назовем,
Ее любовно приберем –
То дом наш, дом родной!**

**С утра свою забросим сеть
Мы в омут тихих вод,
А вечером с тобой вдвоем
Болтать ногами будем в нем,
Уставши от забот.**

**Вперед, за птицею судьбы –
Туда, в наш новый дом!
Где вечно яблоки растут,
Где нас с тобою не найдут,
Где будем мы вдвоем.**

Давай отсюда убежим –
Лишь только ты и я.
Туда, где все душе милей,
Где не было до нас людей –
В далекие края.

Не дотянуться

Однажды, ранним утром я исчезну,
Развеюсь белым облаком вдали.
Бумажным змеем взмою в поднебесье,
Умчусь навек подальше от земли.
Уйду тропой в предгорьях бархатистых,
Зеленым лугом близ слияния вод,
Под легкий шелест струй кристально-чистых
В страну легенд, за дальний горизонт.
Ушедших след – как борозды на жатве.
Ушли Эльдар Бахыш, Али Керим...
Вслед за Расулом Рзой и мне пора бы
Сбирать пожитки, поспешая к ним.
Конь белый в поводу – не оглянуться,
Не вспомнить и назад не повернуть.
До струй речных рукой не дотянуться...
Плесни мне вслед воды –
на добрый путь.

Перевод Наили БАННАЕВОЙ

Меняюсь

Я жду тебя
Со странным чувством,
Что меняюсь,
Как уд, который мастера рука
Настраивает, сняв с гвоздя,
Как молоко, что женщины в селе
Заквашивают, прошептав молитву.

Я жду тебя,
Чувствуя, что меняюсь,
Словно горшок с цветком,
Что выставили за окно.
Когда я вижу, как идешь ко мне,
В глазах улыбку затаив,
Меняюсь словно бутон,
Что распускается цветком навстречу солнцу.

Вечер на озере Нохур

Когда мы добрались до озера Нохур,
Уже смеркалось. Гюллюбурун во тьме
Высился усыпальницей святого...
Гёкдаг качал и убаюкивал Нохур
Словно младенца на груди своей,
И озеро сомлев, вдруг осовело
И задремало под неясный шепот леса.
Завесой опустилась тишина
На все окрестности, и палая листва
Напоминала кулачки младенца.
И сонное оцепененье охватило все –
Деревья, лодки и пологий берег.
Ты изредка смотрелась в зеркальце
И поправляла волосы украдкой,
Потом мы, взявшись за руки,
Гуляли по сырым тропам,
Дышащим осенью...
И ты стояла предо мной,
Беспечно глядя на меня,
Так мы стояли,
Прижавшись друг к другу,
Сначала лбами, а затем губами,
И крепче взявшись за руки...
Густой туман нас обнимал,
Какой-то пепельный, как дым –
Как ты сказала, «зыбкий, мятый тюль»...
Ты помнишь вечер тот на озере Нохур?..
Лишь ты да я на свете всем,
И горы в меховом туулупе леса.
Все мироздание в тот вечер
Смотрело на тебя,
И пело красоту твою.

Перевод Люсте АХУНДОВОЙ

НАШИ ГОСТИ

МИХАИЛ СМИРНОВ
(Уфа)

РАССКАЗЫ

Легенда о влюбленных

Возле степей бескрайних, около гор высоких да лесов густых и дремучих, рядом с рекой быстрой, что текла в море дальнее и глубокое, стояла деревушка небольшая, в которой жили охотники да рыбаки. Одни зверей добывали, другие рыбу ловили, по вечерам в гости друг к другу ходили, а девушки да парни хороводы водили и песни пели на посиделках.

А в глухом лесу на поляне, вдали от деревни стоял дом, в котором проживал старый колдун с дочкой-красавицей, Василисой. Души в ней не чаял отец, ласково называл Василинкой. Никого к дочке не подпускал. Не было у Василинки ни подруг, ни друзей. Пришло время, и надумал колдун обучать ее своему злому ремеслу. Но не хотела она чародейству учиться. Любила Василинка людей, которых отец ненавидел. Рвалась к ним в деревню, убегала, когда батюшки дома не было. Но колдун наказывал ее за это. Неделями не выпускал из дома, заставляя учить заклинания да зелья готовить колдовские. Много раз она упрашивала отца, чтобы отпустил ее к людям, но тот был неумолим: некому, кроме нее, передать секреты, что переходили из поколения в поколение.

Но Василинка не выдержала, пошла против воли отцовской. Как только уходил колдун куда-нибудь надолго, она выпрыгивала в окно и бежала в деревню к людям — на посиделки, чтобы с ними хороводы водить да песни добрые петь. Веселая она была, заводная. Многие ребята засматривались на Василинку, но боялись гнева отца ее, который в ярости был очень страшен. Не нравилось колдуну, что люди вольно живут, солнцу радуются, друг друга уважают да веселятся от души. Много горя он людям приносил, стараясь подчинить своей воле. То отца-кормильца в лесу закружит на охоте, заведет в непроходимую глухомань, тот и сгинет, не отыскав дороги домой. То на скотину мор наведет. Но самым страшным заклятьем было, что он мог человека превратить в камень или в зверя лесного. Случалось, что на пустом месте камень-валун появится, и в это же время в деревне кто-нибудь пропадет. То зверь лесной забредет в деревню, ломится в дом, воет голосом страшным. А семья все двери и окна на засов запирает, не зная, что это их отец или сын с охоты таким домой вернулся.

Только один парень, Матвейка, не испугался его гнева. Самым храбрым считали его в деревне, косая сажень в плечах и красавец, коих мало повстречашь. Силушку имел неимоверную. Да и характером тверд был, что задумывал, того обязательно добивался. Слыл он в деревне умелым и удачливым рыбаком. В любом месте в реку невод забрасывал и с рыбой его вытаскивал. А если в лесу со зверем страшным сталкивался — берегись зверь, голыми руками мог с ним справиться.

Да только на беду они с Василинкой встретились и полюбили друг друга. Дня не могли прожить, чтоб не повидаться. То она сбегала к нему, то Матвейка к их избе подкрадывался, пока колдуна дома не было. Надоело, наконец, ему прятаться. Решил открыться ее отцу — рассказать про то, как они с Василинкой любят друг друга, но уговаривала она Матвейку:

— Матвейка, любой мой! Не ходи ты к моему батюшке, не надо. Осерчает он.

Чует мое сердце беду большую. Изведет он нас. Разлучит на веки вечные.

— Василинка! Что ты такое говоришь? Каждый родитель хочет добра своему чаду. Он же человек, а не изверг. Упадем в ноги, просить его станем, и простит нас — даст свое благословение, — сказал Матвейка.

— Не говори так, Матвеюшка. Не человек он вовсе, а колдун страшный. Не забывай этого. Не допустит батюшка, чтобы мы были вместе. Он должен силу мне передать колдовскую, обучить делам своим черным. А если не успеет, тогда сам из-за этого сгинет. Поэтому меня никуда не пускает, — продолжала рассказывать Василинка.

— Я не боюсь батюшку твоего. Если добром не даст нам свадьбу сыграть, тогда украду тебя. Избушку срублю на берегу реки, и будем жить-поживать припеваючи. А сунется к нам — у меня силы много, легко с его колдовством справлюсь, — упрямо отвечал он.

— Нет, Матвейка. Не будет по-нашему. Большую беду надо ждать. Чует сердце, что не встретимся мы с тобой живыми. Не ворковать нам больше на посиделках, не петь песни добрые, не водить хороводы с друзьями. Ох, беда идет, приближается неминучая. Прощай, Матвейка! Прощай, лютый мой! — и Василинка заплакала.

Вскочила с завалинки и убежала домой, потеряв по дороге платочек свой кружевной. А в это время колдун, вернувшись домой, не обнаружил Василинки. Разгневался сильно. Пошел в деревню искать да наткнулся на платок. Понял колдун, куда она потихоньку бегает. Стал расспрашивать людей, пугать их, чтобы сказали, с кем Василинка встречается. Один не выдержал и признался ему: побоялся, что тот его семью изведет. Осерчал колдун да пошел на берег реки, где Матвейка в это время вытаскивал невод, полный рыбы. Налетел на него колдун, начал грозиться:

— Не для тебя дочь растил. Не для того, чтобы она замуж вышла за рыбака простого. Преемницей моей должна стать. Доля такая у Василинки. И никто не сможет мне помешать!

— Батюшка, смилийся над нами. Мы любим друг друга. Не желает она твоему ремеслу учиться, а хочет, чтобы вместе мы были. С людьми Василинка станет жить, а не отшельницей одинокой. А если не согласишься, тогда увезу ее отсюда, и никогда больше не найдешь нас, — посмотрел на колдуна Матвейка.

Сильно рассердился колдун.

— Не будет вам жизни с ней. Помяни мои слова. За то, что пошли поперек меня, я страшную кару вам придумал. Изведу, и рука моя не дрогнет. Уничтожу и тебя, и дочь свою любимую, Василинку. А потом и сам пропаду.

— Как ты можешь такое говорить? Как на дочь родную рука твоя поднимется? Нет в тебе доброты людской. Изверг ты, а не человек. Даже звери лесные детеныши своих не трогают. А ты дочку, кровинушку свою, не жалеешь. Счастья Василинке не желаешь, смерти ее хочешь. Ты не отец ей, а чудище страшное. Все равно мы забежим от тебя. Всегда вместе будем, всегда! — ответил Матвейка.

Не на шутку разозлился колдун. Не привык, чтобы ему перечили. Ударил он посохом так, что земля задрожала, и вскричал голосом страшным:

— Сбежать? Спрятаться от меня замыслили? Не получится! Я везде нашел бы вас. Но ни к чему мне за вами гоняться. Вижу теперь, что не будет от Василинки толку. Покараю вас за непослушание, как задумал. Тебя, рыбак, страшная участь до-жидается — в хранителя реки превратишься на веки вечные!

И опять ударил он посохом. Загудел, завыл ветер, поднимая пыль до небес. Молнии засверкали, и закрутился, завертелся колдун на одном месте, приговаривая свои заклинания. Топнул напоследок сильно ногой и промолвил голосом громким:

— Любил ты, Матвей, рыбу добывать, но теперь ловить не будешь. Забрасывал невод, вытаскивая рыбу всякую, но больше у тебя не получится. Каждый день становишься рыбой видеть, а поймать не сможешь. Сейчас ты — красивый парень, но превра-

тишься в старица древнего. Лицо твое каменное избороздят морщины глубокие. Вместо волос на голове вырастут березы кудрявые. В скалу превратишься, склоненную над рекою своей. Навеки останешься здесь стоять – рыбу в реке разглядывать, пересчитывать, да поймать ее не получится. Заклятие на тебя накладываю на веки вечные. Пусть свершится то, что я задумал. Да будет так, как я сказал! Камнем стань, скалою неприступной!

И еще раз топнул ногой колдун, и еще раз ударил посохом своим.

Почувствовал Матвейка, что тяжелеют ноги его. Врастают в землю, превращаясь в каменные глыбы. Наклонился он вниз, чтобы руками ноги свои сдвинуть, да не вышло. Не слушаются руки сильные. Не повинуется тело, превращаясь в камень. Хотел последний раз взглянуть на родные места, но голова не поднялась, а склонилась еще ниже к воде. Скользит его взгляд по дну речному, словно он рыбу рассматривает да пересчитывает. И понял Матвейка, что уходят силы последние. Хотел разогнуться, да не получилось. В скалу над рекой превратился рыбак храбрый.

Затрепетало в этот миг сердце Василинки. Почуяло, что беда пришла. Выскочила из избы, побежала к реке, к Матвейке своему, да на краю поляны встречала рассерженного батюшку.

– Ах ты, блудница! К жениху побежала? Только зря торопишься. Был твой Матвейка парнем удалим, а стал страшилищем каменным.

– Батюшка, что же ты сотворил? Что он плохого тебе сделал? Не жить мне без него, без любимого своего. Лучше в речке утопиться, чем с тобой, извергом, остаться, – вскрикнула Василинка, отстраняясь от батюшки своего.

– Ты против меня, своего отца, пошла. Я должен знания тебе передать. Из рода в род они переходили. И если ты откажешься, тогда пропадет наша сила, – закричал колдун, ударив посохом о землю.

– Это не сила, батюшка. Это боль людская, страдания человеческие. Погибель людям несешь, а не помошь. Не хочу этого видеть, не желаю учиться колдовству твоему, – смело ответила Василинка.

– В этом сила наша. Чем больше горя люди от нас увидят, тем мы сильнее становимся, – принялся увершевать батюшка.

– Не нужно мне твое чародейство. Я с людьми хочу жить, им помогать. К ним пойду, но с тобой никогда не останусь. Матвейку ни за что загубил. Не могу я с отцом таким жить, и не буду, – воспротивилась воле отца Василинка.

– К людышкам захотела? Про любовь вспомнила? А не боишься, что и тебя не пожалею? Тебя – дочку родную? – стал запугивать колдун.

– Нет, не боюсь. Теперь мне опасаться нечего. Нет Матвейки, не станет и меня. К скале прижмусь, в воду превращусь, но рядом с ним буду, – ответила Василинка.

Выдернула из волос своих ленту белую, бросила ее наземь, что-то прошептала и превратилась красавица Василинка в горную и быструю речку. Побежала вода, заружчала по камням. Закружила между кустами густыми, к реке торопится, к Матвейке любимому.

Разгневался на нее отец-колдун. Понял, что упускает, теряет дочь свою. Некому теперь будет власть сильную колдовскую передать. Бросился за ней, вернуть решил. Но не смог догнать Василинку. Преграду на ее пути поставил – обломок скалы в землю вогнал. Но не получилось остановить Василинку. Ткнулась чистая реченька в камень-препятствие. Забурлила, закружила на месте и пропала. Под землю ушла, скрылася. Затрясся от злобы колдун. Понял, что не сможет вернуть дочь свою единственную. Навсегда потерял ее. Разгневался он, вновь удариł посохом о землю. И опять завыл, загудел ветер. Молнии вокруг засверкали. И завертелся на месте, закружился колдун, заклятье накладывая.

– Была ты дочкой единственной и чистой. Но ослушалась меня – отца своего. Не захотела стать хозяйкой этих мест, чтобы люди боялись тебя. За них решила за-

ступиться, за Матвейку замуж выйти. Но не будет по-твоему, а станет по-моему. Заклятье накладываю на тебя на века вечные. В речку превратилась, и ею же останешься. Начнешь кружиться меж холмов высоких. Скрою тебя от глаз людских зарослями ольховыми и густыми. И серьги драгоценные не придется тебе носить. Ольха свои сережки станет дарить. К Матвейке бежишь? Ну, беги-беги... Торопись к любимому своему. Был человеком, а стал горою высокою. Теперь вместо него камень холодный будешь обнимать да ласкать. Захочешь ему песню спеть, а он вместо песни журчание услышит. Вместо теплых рук – воду холодную почует. И как бы ты к нему ни прижималась, ни ворковала, не воскресишь его. На века вместе будете. Друзьями вашими станут рыбы речные, а не люди, с кем хотели жить. Навечно останешься неугомонной, словно молодая, а Матвейка с каждым годом стареть будет. Мороз и солнце, дождь и ветер превратят его в старика древнего. Лицо иссекут глубокие морщины. И стоять ему века в таком обличье. Хранителем реки Матвейку твоего назначил, а ты его помощницей станешь. Людишек будешь отпугивать шепотом и смехом серебристым, да ужас наводить на всю округу. И забудут вас, не вспомнят о любви вашей ни разу. Да свершится то, что я сказал. Да будет так навеки, как я повелел!

Прочитал колдун заклинания и ушел. С той поры его больше никто не видел. Никто о нем не слышал. Пропал колдун. Куда? Никто не знает...

Но ошибся колдун, не подумал, что в памяти людской на века вечные сохранилась легенда о любви Василинки и Матвея. С добрым сердцем сюда приходят люди. Хороводы водят на берегу да песни поют веселые. Привыкли к тому, что иногда словно серебряный колокольчик прозвенит – это Василинка балуется, но не пугает людей, а смеется, привлекая их к себе и Матвейке – суженому своему. Берегут люди это место. Не каждого сюда приводят – лишь тех, у кого сердце доброе и зла в душе нет. А чужаков, у кого черная душа, люди не любят, повстречав их возле места затворенного. Тогда чудные дела начинают на реке твориться. Сети поставят чужаки – утром разорванными найдут их. На берегу оставят мусор, а река ни с того, ни с сего взбунтуется, выйдет из берегов да все посмывает – это Василинка с Матвеюшкой помогают людям. Добром отплачивают, что не забывают их, в гости приходят да развлекают хороводами и песнями своими, а Василинка подпевает им голоском своим серебристым. И замечают люди, радуются, что лицо Матвеюшки в такие моменты младеет, морщины разглаживаются да словно всем улыбается.

Передают жители из поколения в поколение легенду и верят, что когда-нибудь, но спадет проклятье колдовское, и оживут влюбленные, и тогда разнесется по округе смех девичий, зазывая всех на свадьбу веселую и долгожданную...

Долгая песня куряя

Чертыхаясь, когда ветви хлестали по лицу, Александр долго пробирался по густым зарослям за другом, стараясь не отставать от него. В такой гуще легко было заблудиться. Потом обратную дорогу не найдешь и Миннур не разыщешь – это точно, который легко шел где-то впереди него, словно не по зарослям продирался, а шагал по накатанной дороге...

– Ну, ничего себе! – воскликнул Александр, неожиданно ткнувшись в спину Миннур, взглянул на него, хотел было обойти, но отшатнулся и с опаской глянул под ноги. – Ты куда меня привел, Иван Сусанин? Хочешь сказать, что будем в этом месте спускаться со всем снаряжением? С ума сошел, что ли? Да мы же разобьемся!

И снова с опаской посмотрел вниз, где шумела река.

– Ай, не волнуйся, Салим, – так, по-башкирски, Миннур назвал друга. – Я много раз спускался в этом месте, и всё было нормально. И с мальчишками прибегали сюда. Не боялись, спускаясь к реке. И сейчас все будет хорошо. Поверь мне...

Взглянув на друга, он поправил рюкзак за спиной.

— А почему по тропке не пошли? — сказал Александр и ткнул в тропинку, которую заметил среди деревьев. — Мне кажется, там побыстрее бы спустились вниз. Можно за деревья придерживаться, чтобы не упасть, а тут...

Он замолчал и опять глянул вниз.

— Ай, Салим, не бойся! — сказал Миннур, махнул рукой и направился к крутыму спуску. — Ничего с тобой не случится. Айда...

Миннур кивнул, опять поправил рюкзак и, придерживаясь за кусты и корни, стал спускаться.

— И зачем я согласился пойти с тобой, не понимаю. Поехал в такую даль, а для чего, и сам не знаю, — ворчал Александр, осторожно ступая по осыпающимся камням и придерживаясь за кусты и редкие деревья, растущие на крутом склоне. — Здесь без головы можно оставаться, если слетишь вниз.

И ойкнул, когда нога скользнула по склону, и торопливо схватился за корень, стараясь удержаться.

— Правда, Салим, останешься без головы, но только не из-за того, что упадешь, а красоты, какую увидишь, — не оборачиваясь, сказал Миннур, спускаясь по крутыму склону к реке, откуда доносился громкий шум несущейся воды. — Редкое место может сравниться с этим, куда я веду тебя. Сам увидишь...

И замолчал...

Александр, продолжая ворчать, осторожно спускался, посматривая под ноги, и увидел Миннура, который уже стоял на узкой прибрежной полосе, сбросив рюкзак. Александр заторопился к нему. Не заметив корень, споткнулся и, чертыхнувшись, теряя равновесие, выскочил на берег и, пытаясь удержаться, ухватился за друга, но опять споткнулся и повалился, ударившись об острые камни.

— У, завел, Иван Сусанин! — застонал он, хватаясь за ушибленные места, и стал подниматься. — Здесь быстрее кости переломаешь, чем увидишь твое красивое место. Красивое место! Красивое мест...

И Александр замолчал, с удивлением посматривая по сторонам.

Перед ним была стремительная река в белых бурунах, а за ней скалы. Огромные скалы, изрезанные узкими расщелинами, словно старческими морщинами. Эти скалы вертикально уходили в стремительную воду, которая неслась, словно пытаясь вырваться из плена каменных исполинов, что нависли над рекой, сжимая её в крепких каменных объятьях, пытаясь преградить путь своему реке.

Приподняв голову, Александр присвистнул, удивляясь высоте. Но еще больше удивился, когда увидел в одной из расщелин невесть откуда взявшуюся березу, что выросла там. На темном старческом фоне скал она казалась невестой в белом платье, отсвечивая белизной своего ствола. Зеленая корона шелестела под ветром, который словно играл с ней, сплетая и расплетая длинные косы. И было удивительно, что береза не только смогла выжить в суровых условиях в этой расщелине, но и превратиться в сказочную красавицу. Ствол ее изогнулся, словно стан девичий, и казалось, что она прижимается к камням холодным и безжизненным...

— Миннур, посмотри... Красиво, правда? — громко сказал Александр и показал на березу, и эхо заворило вслед, постепенно затихая вдали. — Да... да... да...

Александр оглянулся на друга, снова кивнул, чтобы он посмотрел, и опять повернулся к березе, что росла в расщелине.

— Не кричи, не нужно, — тихонечко сказал Миннур, доставая палатку. — Насмотришься на нее, а еще кое-что услышишь, но это будет позже, а пока нам нужно приготовиться к ночевке.

Он направился поближе к ближайшим кустам, выбрал ровное место и стал возводиться с палаткой.

Следом подошел Александр. Скинув рюкзак, стал помогать другу.

Установив палатку, они натаскали внутрь мягкого лапника, разложили его и укрыли брезентом, поверх бросили спальные мешки, а в изголовье пристроили рюкзаки. И сразу же отправились за дровами. Ночь долгая. Дров понадобится много. В густых зарослях наткнулись на сухостой. Два небольших деревца повалили и приволокли к палатке. Следом притащили хворост. Развели небольшой костер. Открыли тушенку и поставили разогревать с краю костра. А потом уселись на бревнышко, чтобы немного отдохнуть, пока готовится ужин.

Александр сидел, с интересом посматривая по сторонам. Миннур давно уже звал съездить в эти места, но лишь сейчас он выбрал время, чтобы побывать тут. Почти весь день ушел на дорогу. И в автобусе Александр больше смотрел в окно, чем разговаривал с другом. Чем дальше забирались, тем выше становились горы, заросшие густым лесом. Мелькали проплешины полян, сверкали речки-быстрицы, и снова по обеим сторонам дороги поднимались горы. И так, пока не добрались. А потом еще долго продирались через густые заросли, чтобы попасть сюда.

– Миннур, мне показалось, там кто-то есть, – тихонечко сказал Александр и кивнул на дальний конец косы. – Глянул туда, сначала подумал, что почудилось, а потом и правда кто-то промелькнул. Я уж решил, что зверь забрел, а потом показалось, что это человек был.

Сказал и махнул рукой, показывая.

– Да, там человек, – покосившись, сказал Миннур, потом взглянул на небо. – Скоро все узнаешь, Салим. Не торопись. Потом расскажу, потом. Вечереет. В здешних местах быстро сумерки наступают. Айда, поужинаем, пока не стемнело.

И снова взгляд в сумеречное небо, которое виднелось среди высоких скал.

После ужина они подтащили стволы сухостоя. Комельками сунули в костер. Теперь костер долго будет гореть в ночи. Миннур зевнул и полез в палатку, устраиваясь на noctleg. Александр остался возле костра. Присел на бревно и закрутил головой, наблюдая, как быстро наступали вечерние сумерки. И смотрел на высокие скалы, на березку, что едва виднелась в сумерках, и глядел на стремительную воду, над которой уже закурился туман, закручиваясь в фантастические фигуры.

– Салим, что не отзываешься? – Александр очнулся от голоса друга. – Зову-зову, а ты сидишь и не шевелишься. Айда в палатку. Холодно возле реки сидеть.

Приоткрыв полог, Миннур махнул рукой, подзываая друга, а потом скрылся в палатке.

– Я не слышал, что позвал меня. Сидел. Задумался. По сторонам смотрел, – сказал Александр. – Правду сказал, красиво тут.

И снова окинул взглядом стремительную реку, высокие скалы, которые упирались в темное небо, по которому кое-где промелькнули последние лучи солнца, не-произвольно глянул на березку, что едва заметна была на темном фоне скал. Хотел было откинуть полог, чтобы забраться в палатку, как вдруг заметил старика, одетого в длинную белую косоворотку навыпуск, на плечи наброшен казакин, в отблесках огня сверкнула расшитая тюбетейка, а в руках был какой-то предмет, завернутый в холстину.

– Миннур, слышь, я старика там видел, – зачастил Александр, забравшись в палатку. – Как же он сюда спустился? И для чего пришел, а? Ночь на дворе, а он...

Александр пожал плечами и стал расспрашивать, влезая в спальный мешок.

– Молчи, Салим, и слушай, – сказал Миннур, не отвечая на многочисленные вопросы, и неожиданно сказал. – А ты любишь музыку?

Он повернулся к другу, который возился в спальном мешке, поудобнее устраиваясь.

– Конечно, люблю! – сказал Александр. – Разную музыку люблю. И классику, и джаз, и народные песни, и...

И Александр принялся перечислять, что ему нравится слушать.

– Ну, тогда лежи и внимательно слушай, – перебивая друга, сказал Миннур. – Честно сказать, Салим, я для этого и позвал тебя. А теперь молчи и слушай...

Миннур замолчал и притих, к чему-то прислушиваясь.

Затаив дыхание, Александр тоже слушал, что делается на речной косе, пытаясь уловить мелодию, но доносились потрескивание костра, были слышны шум и всплески воды, а вот музыки – этого не было. Он вздохнул и затаил дыхание, когда ему показалось, словно серебристый ковыль под порывами ветра зашелестел в бескрайних степях. И этот звук с каждой секундой становился все громче. А потом до несся быстрый топот копыт, окрики табунщиков, которые охраняли непуганых лошадей от волчьих стай, а еще ему почудился девичий голос, и разнеслась долгая песня над бескрайними степными просторами...

Александр вздрогнул, когда услышал девичий голос. Откуда ему взяться здесь, на этой речной косе, если песня разнеслась над бескрайними степями. Он хотел было повернуться, чтобы спросить у друга, но Миннур придержал его.

– Молчи, Салим, молчи! – едва слышно донесся голос друга. – Это курай разговаривает. О многом он говорит. Слушай его, слушай...

И снова Миннур придержал друга.

Александр закрутил головой, пытаясь понять, откуда доносятся эти необычные звуки. Казалось, они неслись со всех сторон, наполняя ущелье, проникая в душу, будоража её, заставляя смеяться и плакать от удивительной и чудной мелодии курая, от его волшебного голоса, который никого не оставит равнодушным, уводя за собой в волшебные дали...

Где-то зажурчал ручеек, и раздалось посвистывание перепелок: «Спать пора, спать пора...». И вдруг послышался ласковый шепот. Разнесся звон монист, что были вплетены в девичьи косы. Следом раскатился мелкий веселый девичий смех, и заворчали птички голоса, а с той стороны доносятся степные шорохи, слышны потрескивание костра и тихое сонное ржание огромного табуна, который плотной сплошной стеной окружил двух влюбленных, чтобы никто не посмел потревожить их темной ночью...

Но тут в завораживающий голос курая стали вплетаться незримые тревожные нотки, словно беду предвещали. Все громче и чаще зазвучали они. И вскинулся испуганный табун. Задрожала ковыльная степь под копытами огромного табуна, и по неслись кони в ночной тьме по бескрайней равнине, оставляя влюбленных наедине с неминуемой бедою...

В ночной тиши раздался девичий плач, но прервал его грозный окрик, а следом раздался голос юноши, который встал на защиту любимой, но не стал умолять о пощаде, а начал говорить о своей любви, но было поздно. На полуслове оборвался. И умолк смелый юноша...

И разнесся девичий крик над ковыльными степями. Полянной горечью охватило округу. Послышались быстрый бег и шорох камней, чтосыпались с крутого склона. И опять раздался отчаянный и долгий крик. Заметалось эхо, словно птица между отвесными и безжизненными скалами, ударяясь о них, взлетая к черному небу и опускаясь к быстрой воде, и медленно затихло в черной непроглядной ночи.

Едва слышно звучал курай на берегу реки, словно вымаливая прощение, но не дождался и умолк печально...

Следом донеслась тяжелая медленная поступь, зашуршали камни на круче, а потом наступила тишина, прерываемая всплесками ночной реки.

Долго лежал Александр, прислушиваясь к ночных звукам, и пытался заглянуть в свою душу, чтобы понять, что это было – сон или явь, но ответа не находил...

– Миннур, не спиши? – Александр не удержался и повернулся к другу. – Не спиши, говорю?

И, протянув руку, дотронулся до друга.

– Не спится, Салим, – задумчиво сказал Миннур. – Лежу, думаю...

Сказал и замолчал.

– Я тоже лежал и думал, – сказал Александр и непроизвольно взглянул в сторону, где разговаривал курай. – Слушал и думал. Не могу объяснить это... – он покрутил в воздухе рукой. – А ты о чем думал?

И, приподнявшись, снова прислушался. Почудилось, что заговорил курай. Александр вздохнул. Показалось...

– Я лежал и думал о судьбах людских, жестокости, которая встречается в нашей жизни, — задумавшись, сказал Миннур. – Да обо всем думал и о жизни – тоже...

Сказал и снова замолчал.

– Я много слушал и слушаю разной музыки, частенько бываю на концертах, – сказал Александр. – Но там исполняют профессиональные музыканты, а здесь... – он помолчал и в темноте пожал плечами. – А здесь пришел старик на берег реки, достал курай, заиграл, и я словно в другой мир попал. Не поверишь, Миннур, я будто в старые времена попал, увидел людей, которые жили в те времена, узнал обычай. И табуны видел в степи, которых сейчас не встретишь. Да много всего промелькнуло перед глазами, о чем я никогда не знал и не задумывался. Что-то в душе перевернулось, когда слушал музыку. Странно всё это...

Он пожал плечами, а сам нет-нет да и прислушивался к ночным звукам, а вдруг вернется курай, и тогда...

– Это была не музыка, – перебивая друга, сказал Миннур. – Это курай о жизни рассказывал. Говорил про те времена, когда этот старик, которого ты видел, был еще безусым юношей. А еще курай говорил о трагедии, что произошла в этом kraю...

И снова замолчал, задумавшись.

– А что за беда произошла? – не удержался, сказал Александр. – Ты никогда об этом не говорил.

– Я знаю, что ты собираешь легенды и сказания о старине глубокой, о необычных случаях и людских судьбах, – немного помолчав, сказал Миннур. – Если бы я рассказал об этом в городе, ты бы ничего не почувствовал. Тебя нужно было сюда привезти, чтобы ты увидел и услышал то, о чем хочу рассказать. Но главное, твоя душа почувствовала, как говорит курай, о чем он рассказывает. Но мне хотелось бы рассказать еще о старице, которого ты видел. И о его любви, которую он пронес через всю свою жизнь. И той боли, что носил в себе долгие годы. Эта боль уйдет с ним, но останется память о нем, которую будут беречь для потомков и передавать из поколения в поколение.

– Расскажи, Миннур, – чуть помедлив, сказал Александр. – И правда, я еще не слышал эту историю.

Он повернулся к другу.

– Ладно, расскажу, – задумавшись, сказал Миннур. – Расскажу, но меня не перебивай.

– Хорошо, не буду... – сказал Александр и опять насторожился, прислушиваясь к ночным звукам. – Почудилось...

Он замолчал.

– Так слушай... – Миннур помолчал, собираясь с мыслями, потом стал рассказывать. – Эта история произошла в далекие времена. В нашем ауле, откуда я родом, где жили все мои предки, когда-то жил богатый бай Минихан. Деды рассказывали, что были у него несметные табуны, несчитанные стада коров, а отары такие, что никому не удавалось сосчитать поголовье. Наверное, сам бай Минихан не знал, сколько у него домашнего скота в наличии. А характер у бая был крутой и безжалостный. Что хотел, то и делал в округе. И никакой управы на него не было. Хозяином здешних мест считал себя, потому что он владел не только табунами, стадами и отарами, но и степи, леса и горы – всё было его собственностью.

Богатый был. В большом каменном доме жил, а люди ютились в лачугах. И охрану подобрал под стать себе. Как стая волков, они рыскали по округе, готовые растерзать любого, кто слово против бая скажет или косо посмотрит на него. Вмig расправились с такими!

Очень жестоким и коварным был Минихан, а вот дочка его, Алмабика, наоборот, выросла ласковой и доброй, а красавица такая, что в округе не сыщешь. Все удивлялись, что у жестокого бая и такая ласковая дочь. Едва отец со своей волчьей охраной за ворота, как Алмабика уже бежит в аул. С одним поговорит, другому улыбнется, тому исподтишка поможет деньгами, а этому продуктами или еще чем-нибудь... Любому помогала, если была нужда. Никому не отказывала. Доходили слухи до бая, ругал непокорную дочь, грозился наказать ее, но бесполезно.

Рассмеется в ответ. Зазвенит монисто, словно колокольчики. Хлопнет дверью. И убегает из дома. По тропке взбежит на вершину скалы, что над рекой склонилась, присядет на краю, смотрит на реку, на быструю воду и синее небо, на родной аул и бескрайние степи и начинает петь. Вроде для себя поет, а голос ее звонкий уже над окружой разносится.

Останавливались люди, поворачивались к скале, на краю которой она сидела, и слушали ее удивительное пение, которое никого не могло оставить равнодушным. И Гильман слушал, байский табунщик, очарованный ее голосом и пением. А потом доставал курай, с которым никогда не расставался, и начинал подыгрывать Алмабике, а еще рассказывать о том, что полюбил ее, но подойти не смеет к ней. И затихала природа в эти мгновения. Табуны стояли, не шелохнувшись, словно прислушивались к печальным рассказам курая о безответной любви.

Но однажды, когда Алмабика спускалась с крутой горы, она услышала волшебный голос курая. Сердцем почувствовала, о чём поет – рассказывает он. И не удержалась, кинулась на его зов в ковыльные серебристые степи, где и повстречалась с Гильманом – красивым и храбрым юношей. Взглянули они друг на друга, и вспыхнула любовь в молодых сердцах. Жарким огнем опалило души. Но счастье молодых продлилось недолго.

Байская охрана признала, что единственная дочь Минихана влюбилась в бедняка – табунщика. Выследили молодых, когда они миловались в бескрайней степи. Помчались к Минихану. Всё рассказали ему.

Осерчал бай, разгневался. Хотел было с табунщиком расправиться, но другое дело задумал, чтобы сразу двух зайцев убить. А в ту пору сватался к Алмабике старый бай, что по соседству жил. И решил Минихан, что выдаст замуж единственную дочку за старика дряхлого, а потом с Гильманом расправится.

Велел жестокий бай запереть единственную дочь в доме и приказал готовиться к сватанью.

Муллу позвали, чтобы никах совершил – брак скрепить молитвой. Старый бай примчался. Радовался, что в жены отдают молодую девушку – красавицу, лучше которой в округе не найти. Гости понехали. Сидят за пологом, расшумелись, расспорились, не могли договориться, какой магар – выкуп за невесту платить. И не услышали, как Алмабика выбралась через окно и по тропке помчалась к высоким горам, что вершинами небо задевали, а у подножья находился табун лошадей и ее милый, любимый Гильман.

Но заметили в доме, что невеста сбежала. Понял Минихан, где нужно дочку искать.

Вскочил на коня, позвал верных слуг, и в погоню пустились, чтобы с Гильманом расправиться за позор, что его семье принес, оставил на всю округу.

Не успели убежать влюбленные. Услышали за спиной ржание лошадиное и грозные крики. Повернулся Гильман и увидел разгневанного бая, который держал в руках острую саблю. И встал на его пути юноша смелый, чтобы спасти свою любимую.

Заметила Алмабика, как сверкнула острыя сабля, и повалился Гильман в серебристый ковыль, окрашивая его кровью. Закричала она, проклиная отца, что убил ее любимого. Бросилась бежать от него. Взобралась на вершину скалы. На мгновение остановилась. Сорвала с груди хакал – женское украшение, бросила наземь. Обвела прощальным взглядом бескрайние родные степи, взглянула в синее небо и посмотрела вниз, где лежал окровавленный Гильман, ступила на край скалы и шагнула вниз в быструю реку. И вскрикнула раненой птицей. Заметалось эхо между высоких и безжизненных скал. Исчезла Алмабика в стремительной реке. Унесла ее вода в дали дальние...

Бросился Минихан со слугами к реке, чтобы спасти дочку, но опоздали. Лишь заметили над водой белую птицу, доселе невиданную, которая заметалась над рекой, издавая печальные крики, а потом исчезла...

На следующий день опять Минихан вернулся на это место, где Гильмана зарубил, но не нашел его. Лишь кровавый след тянулся на вершину скалы и там обрывался...

А вскоре заметили жители аула, что из расщелины появился молодой зеленый росток, протягивая к солнцу тонкие ветви. И с каждым годом росло деревце, крепло и превратилось в березу-красавицу, прильнувшую к холодному и безжизненному камню...

Замолчал Миннур, задумался...И Александр молчал, не нарушая тишины. Он ждал, когда снова Миннур станет рассказывать.

Долго лежал Миннур. О чем-то думал, а потом снова заговорил.

– Годы прошли с той поры. Минихан продал свои несметные табуны и уехал, куда глаза глядят. А куда он делся – никто не знает, но с той поры о нем не слышали. Местные жители стали понемногу привыкать к спокойной жизни. А однажды, в один из осенних ненастных дней увидели, как по разбитой слякотной дороге шагал человек в потрепанной одежде. Он добрался до полуразвалившейся лачуги Гильмана. Постоял возле нее. Открыл дверь и зашел.

Сначала жители подумали, что обычный прохожий решил остановиться в лачуге Гильмана, чтобы обогреться и обсушиться, а потом дальше пойти. Но прошел день, другой и третий, а он не уходил. И тогда жители аула решили взглянуть, что за новый сосед появился у них. Зашли и глазам не поверили. Перед ними стоял Гильман. Седой, большой шрам по всему лицу и потухший взгляд. Он стоял, смотрел на всех, но не разговаривал. Ни на один вопрос не ответил. Лишь смотрел, словно хотел спросить, а где же она – моя Алмабика, почему вы не спасли ее, но все отводили взгляд, не зная, что ответить. Ни единого слова не услышали жители от него. Навсегда замолчал Гильман.

Но в тот же вечер жители аула впервые услышали, как на берегу реки печально заговорил курай, рассказывая о той беде, что здесь произошла, и красавице Алмабике, которую Гильман до сих пор так и не смог забыть. И каждый день, в одно и то же время, нарядившись, Гильман уходил к реке. Присаживался возле скалы, что над рекою склонилась. Доставал курай, и тот начинал рассказывать за Гильмана о прошедшей жизни, о красоте родного края, про бескрайние серебристые степи, о скалах отвесных и быстрой реке, а еще говорил про Алмабику, любовь к которой он пронес через всю свою долгую жизнь. И каждый день приходит к березе, что в расщелине растет, чтобы вновь встретиться с молодостью своей, давно ушедшей...

Эту историю мне хотелось рассказать, Салим. Историю о любви и курае, который умеет о ней рассказывать печально и горестно.

Сказал Миннур и замолчал.

Долго лежал Александр, думая об услышанной истории, и вспоминал курай, который умел разговаривать. Растеребил, растревожил душу рассказ и курай, какой умеет передавать чувства людские и показывать яркие образы и живые...

Над рекой заклубился густой предутренний туман, закручиваясь в фигуры фантастические. Светало, когда Александр заснул. И снились ему степи бескрайние, высокие горы и быстрые реки, а еще приснилась ему Алмабика – птица белая, парящая над быстрой водой и береза-красавица, что прильнула к холодному и безжизненному камню, а еще услышал, как вновь заговорил курай о безответной любви, которую старик пронес через долгие годы...

Живите мирно, род людской

Старый автобус заскрипел рессорами и стал притормаживать. Водитель взглядом проводил легковушку, которая обогнала его и помчалась по трассе. Потом автобус съехал на проселочную дорогу и неторопливо заплыл в сторону далеких гор, возле подножья которых тянулся густой мрачный лес.

На переднем сиденье вихрастый паренек внимательно смотрел по сторонам, потом замахал рукой.

– Валерий Петрович, сворачивайте сюда, – заторопился он и ткнул в непримятный спуск с дороги. Сразу было видно, что здесь редкий раз проезжали машины. – Точно говорю. Я не ошибаюсь. Нам сюда ехать. А то проскочим, потом придется возвращаться.

И снова взглянул на шофера.

Валерий Петрович покосился на него, но ничего не сказал, лишь едва заметно усмехнулся.

– Ты не ошибся, Андрей? – сказала учительница, сидевшая возле дверей, и поправила косынку. – Сколько времени прошло с той поры, как вы приезжали сюда. Можно....

И не договорила, пожала плечами, и опять взгляд за окно.

– Да ну, не ошибаюсь! Я в прошлые разы тоже впереди сидел, дорогу запоминал. Как чуял, что пригодится. У Валерия Петровича спросите про дорогу. Он столько раз побывал здесь, что с закрытыми глазами доберется до пещеры. Часто приезжает. И нас раза два или три брал с собой, когда мы на каникулах были. Он с моим отцом работает. Правда, Валерий Петрович? – гордо так сказал Андрей, и было заметно, на самом деле гордился этим. Потом он повернулся, взглядом нашел друга и крикнул, заглушая громкую музыку на задней площадке автобуса. – Сашка, айда к нам! Что-то спрошу...

И взмахнул рукой, а потом снова посмотрел на дорогу.

Учительница закрыла ладошками уши и, нарочито наступив брови, покачала головой.

Сашка недовольно буркнул. Отдал магнитофон рыженькому пареньку, что сидел рядом, поднялся и, глядя под ноги, чтобы случайно не наступить на рюкзаки, осторожно стал пробираться по проходу.

– Что разорался? – снова буркнул Сашка, взглянув на друга. – Не даешь музыку послушать. Что случилось?

Он перевел взгляд на водителя, потом на учительницу и снова на друга и схватился за его плечо, пытаясь удержать равновесие, когда тряхнуло на ухабе.

– Глянь, Саня, правильно едем? – Андрей замахал руками. – Вроде правильно показал. Сгоревшее от молнии дерево увидел, за ним нужно съезжать. Так ведь, Сань?..

Он шмыгнул носом и закрутил головой.

Следом за ним закрутил головой Сашка, всматриваясь в дорогу. Оглянулся, пытаясь рассмотреть сгоревшее дерево, ветви которого словно руки поднимались к небу. И снова взгляд на дорогу и дальние горы.

– А что у меня спрашиваешь? – Сашка взглянул на друга, потом кивнул на водителя. – Валерий Петрович знает дорогу. У него нужно спрашивать, а не меня звать. Вот небольшой подъем, а потом начнем спускаться к речке. Через брод переберемся, а там по лесной просеке километра два или три, и попадем на полянку, которая возле подножья горы находится. Разобьем лагерь, как в прежние разы. А другой дороги сюда нет. Правда, Валерий Петрович?

Он посмотрел на водителя.

Водитель кивнул головой, не отрывая взгляда от дороги.

– Скорее бы добраться, – закачаешься, – Андрей мотнул головой. – Ольга Сергеевна, там есть тропка в пещеру, по которой до сих пор люди ходят к отшельнику. Его уж тыщу лет нет, а они идут и идут...

– А зачем ходят? – сказала учительница и прилипла к окну, словно хотела рассмотреть эту самую тропку. – Его нет, говоришь, а они приезжают. Одни в космос ле-тают, а другие к отшельнику едут. Странно как-то...

Учительница пожала плечами.

– А вы у Валерия Петровича спросите, – Андрей кивнул в сторону водителя. – Он знает эту историю и каждый раз рассказывает, когда в пещере бывает. Пусть расскажет...

– Отстань, Андрюха, – буркнул Сашка. – Ему некогда языком молоть. Вот доберемся до пещеры, потом расскажет. Правда, классная история! Сколько уже слышал ее, а все равно интересно.

Он мотнул головой и показал большой палец.

В салоне автобуса громко раздалась музыка. Рыженький паренек склонился над магнитофоном и покачивался, прибавляя громкость. Ребята, сидевшие в автобусе, подхватили песню и принялись не петь, а громко выкрикивать слова. Перебивая друг друга, кричали и хохотали, а потом снова принимались выкрикивать – это они пели так.

Ольга Сергеевна нахмурилась. Оглянулась на них. Погрозила. Покачала головой и опять погрозила.

Шум стал затихать. Ребята, кто размахивал руками в такт песни, торопливо скрылись за спинами других и замолчали.

– Вот неугомонные! – сказала учительница. – Столько времени в дороге, а они словно не устали. Лишь бы побаловаться.

Учительница поправила косынку и принялась смотреть на дорогу.

– Как вы справляетесь с ними? – покосился водитель. – Любого закружат...

– Привыкла, – пожала плечами учительница. – Сначала было трудно, а теперь нашла общий язык, – и опять повторила. – Привыкла...

– Ольга Сергеевна, они целый год ждали эту поездку, – засмеялся Сашка и кивнул на друга. – Андрей рассказал про отшельника. Они загорелись. Тоже захотели побывать в пещере. Весь год только и разговоров было, как про нее. Вас уговаривали, чтобы съездить в пещеру. Вот и радуются. Ничего, немного осталось. Скоро приедем.

И Сашка, ухватившись за поручень, наклонился и стал смотреть, как забурлила вода под колесами автобуса, когда стали переправляться через брод.

– Почти весь учебный год готовились к поездке, – закивала головой учительница. – Пока с руководством договорились, чтобы разрешение дали на поездку, потом нужно было автобус достать, продукты и с родителями решить вопрос, чтобы отпустили в поход, но главное – это с Валерием Петровичем договориться, чтобы показал пещеру. А откуда вы знаете про нее? Я живу в городе и не слышала, а вы будто бы каждый день в ней бываете. Откуда?

Она взглянула на водителя.

– Я был мальцом, когда пещеру показал отец, а ему – дед, а деду прадед. Если мимо еду, обязательно заверну, посижу возле пещеры, потом загляну к отшельнику,

возле него постою и домой возвращаюсь, – помолчав, сказал водитель. – Частенько привожу сюда всех, кто хочет проводить отшельника. Родителей Андрея привозил сюда. Потом и мальчишок взял с собой. Теперь они одноклассников завлекли в пещеру. А придет время, ваши ребята начнут привозить друзей или просто знакомых, чтобы они побывали в пещере, посмотрели на отшельника да испили целебной воды, в которой сила земли родной. Каждый в пещере найдет для себя то, что ищет всю жизнь...

Как-то загадочно сказал Валерий Петрович и замолчал.

И учительница молчала, о чем-то задумавшись.

Автобус задребезжал расхлябанными дверцами, въехал на небольшой пригорок, потом медленно направился по старой колее и свернул в заросшую просеку. В автобусе стало темно. Длинные ветви хлестали по окнам, того и гляди разобьют. Девчонки визжали, стараясь уклониться от веток, когда они с шумом били по открытым окнам. В салон залетали листья и мелкий мусор. Даже ребята прекратили баловаться, а сидели и внимательно смотрели в глубину темного леса, словно хотели что-то разглядеть.

– Андрей, где ваши волки? – повернулся Дамир Искужин, пытаясь пригладить разлохмаченные волосы. – Ты же говорил, что они из-под колес машины словно зайцы высакивали, потом всю ночь вокруг палатки бродили и выли, не давая спать. Где же они?

Дамир прилип к стеклу.

Девчонки завизжали, услышав про волков. Невзначай стали отодвигаться от окон, с опаской посматривая на темный и глухой лес.

Сашка не удержался. Опустил голову, и плечи затряслись – засмеялся.

Водитель тоже покосился, мотнул головой и заулыбался.

Покосившись на ребят, Андрей незаметно толкнул друга, перевел взгляд на окно, потом вскрикнул и принялся тыкать пальцем в окно.

– Пацаны, смотрите, вон волк убегает! – он замахал руками. – Не туда смотрите, не туда! Вот же он, из-под колес выскоцил и в лес помчался. Огромный – ужас! Правда, Санька? Ох, Валерий Петрович чуть было его не задавил. У, зверюга! Ольга Сергеевна, вы же видели, да?

Андрей повернулся к учительнице, потом снова толкнул друга.

– Ай, болтун, – отмахнулся чернявый невысокий паренек. – Не верю, и все тут! Ты, Андрюха, обманщик!

Он отвернулся от окна.

– Сам ты балаболка, а я всегда говорю правду, – взъерошив волосы, заторопился Андрей и ткнул в сторону водителя. – Вон у Валерия Петровича спроси. Он не даст соврать. И Ольга Сергеевна видела. Она как раз в окно смотрела, когда волк из-под колес выскоцил. Я же правду говорю, Ольга Сергеевна?

Он взглянул на учительницу, которая сидела и смеялась.

– Ты, Андрей, как всегда, в своем репертуаре, – продолжала смеяться учительница. – Дня не проходит, чтобы не...

Она не договорила. Неопределенно покрутила рукой и засмеялась.

– А что я такого сказал? – забурчал Андрей и кивнул на друга. – Вон, Валерий Петрович и Сашка знают, сколько тут волков водится. Они не дадут соврать. Правда, Санька?

Он повернулся к другу.

– Ага, они словно зайцы разбегались, когда мы приезжали сюда, – фыркнул Сашка. – Валерий Петрович гонялся за ними на автобусе. А они так и высакивали из-под колес, так и убегали...

– У, болтун! – перебил его Андрей, прислонился к стеклу и стал всматриваться в лесную чащу. – Отстаньте от меня. Надоели!

Лес стал редеть. В автобусе посветлело. Девчонки загомонили. Боялись темного леса, а теперь заулыбались. Прошло немного времени, и автобус выехал на поляну, окруженную густым лесом и кустарником, да возле подножья горы протекала узкая быстрая речушка.

В автобусе загадали.

– Ну, наконец-то, добрались! – сказал Сашка и потянулся. – Устал, пока доехали.

– Валерий Петрович, останавливайте свою колымагу, – сказал Андрей, подхватывая рюкзак, и поднялся. – Приехали. Вон следы от нашего костра виднеются. Здесь разобьем лагерь.

И быстрее подался к выходу.

– На этой колымаге я еще лет сто буду привозить желающих посмотреть пещеру, – заворчал водитель, а потом заулыбался. – Эх, хорошо здесь!

Автобус остановился на краю поляны. Валерий Петрович взял тряпку и принялся вытираять запыленное окно.

– Ребята, выходим! – повернувшись к ним, громко сказала учительница. – Не забывайте вещи в автобусе. Мальчишки, забирайте снаряжение и продукты и на выход. Нам еще палатки устанавливать. Поторопитесь!

Заскрипели разболтанные дверки. Открылись. Из кабины выбрался водитель. Ребята с поклажей в руках покинули автобус и, оглядываясь по сторонам, переговариваясь, направились к быстрой речке, на берегу которой виднелось темное пятно от старого костра. Водитель поднялся в автобус. Проверил салон, чтобы ничего не забыли ребята, а потом неторопливо направился вслед за ними, на ходу протирая уставшие глаза от долгой поездки.

Ольга Сергеевна запрокинула голову, прищурилась, посмотрела вверх. Яркая синь, а на ней застыло несколько облачков – белых и воздушных, а чуть ниже медленно кружили два коршуна, высматривая добычу. Ольга Сергеевна поправила косынку. Осмотрелась.

Вокруг огромные деревья и густой кустарник, а еще высокая трава. Вовсю стрекотали кузнечики, и со всех сторон доносилось пение птиц. Две белые бабочки замелькали в воздухе, то поднимаясь, то опускаясь, порыв ветра пробежал по верхушкам высокой травы, и они исчезли. Наверное, спрятались. Учительница еще раз окинула поляну и, глядя под ноги, заторопилась вслед за ребятами.

– А где пещера находится? – дождавшись, когда водитель поравняется с ним, сказал паренек с тяжелым рюкзаком за плечами. – Смотрю, и не вижу. Камни и лес, да трава по пояс...

Он закрутил головой, осматривая заросший лесистый склон горы.

– Не туда смотришь, – водитель ткнул пальцем. – Видишь старую осыпь в распадке? Пещера находится повыше. По осыпи будем подниматься туда. Все, кто впервые бывает в этих местах, поднимаются по распадку.

Сказал и зашагал по высокой траве.

– А как же туда поднимемся? – присвистнул паренек и зачесал затылок. – Он же вон какой кругой! У нас силы не хватит, чтобы туда добраться.

Он еще раз взглянул на склон, нахмурился и заторопился вслед за водителем.

– Ничего, доберемся. Еще ни один внизу не остался, кто сюда приезжал. Все поднялись, – усмехнулся водитель и направился к ребятам, которые уже устанавливали палатки. – А пока нужно делами заняться.

Установили палатки, разместились. Потом взялись за обед. Мальчишки принесли валежник, натаскали воды из речки, а девчонки с учительницей на скорую руку занялись простеньким супом и чаем.

Уже после обеда, когда обустроили лагерь и ребята собрались возле костра, они принялись уговаривать учительницу, чтобы подняться в пещеру.

– Валерий Петрович, что скажете? – она повернулась к водителю. – Теперь ребята не отстанут. Покажите пещеру. Вы не только водитель, но и проводник, и экскурсовод в одном лице, как говорится.

Она взглянула на водителя, который сидел возле костра и ворошил угли.

– А куда же от вас денешься? – усмехнулся он и поднялся. – Вот что, ребята, быстро собирайтесь и за мной. Переправимся на другой берег речки, а потом будем по распадку подниматься до пещеры. Готовьтесь.

Они спустились по пологому берегу к речке. Осторожно, глядя под ноги, переправились на другой берег. Вода холодная. И прозрачная, словно в аквариуме. Были заметны водоросли, камни, заросшие мхом, редкий раз мелькали юркие мальки и тут же исчезали, испугавшись шума.

Они добрались по прибрежной узкой полосе до старой осыпи и остановились, с любопытством и опаской осматривая крутой склон, где далеко в вышине виднелся темный вход в пещеру.

– В этом месте будем забираться? – загомонили ребята, осматривая склон, на котором были редкие островки травы и виднелись узловатые корни. – За воздух держаться, да?

И зашумели, и заговорили, перебивая друг друга.

– Нет, не за воздух держаться, а за землю, – засмеялся Андрей и покосился на друга. – На карачках поползете в пещеру. В легенде говорится, что к отшельнику может попасть лишь тот человек, кто сможет подняться в гору, преодолевая все препятствия. Еще говорят, что человек все грехи с себя снимает, если доберется до пещеры. Я же правду говорю, Валерий Петрович? О, видите, не вру! А у вас, девчонки, за учебный год много грешков скопилось. Вот и снимайте...

Он посмотрел на ребят, и опять взгляд на пещеру.

– А какие грехи у меня? – удивленно сказала одноклассница. – Я хорошо учусь. У меня почти все пятерки. И хорошее поведение. Не то, что у тебя, Андрей.

– Как грехов нет? Ну-ка, считай... Списывать не давала – это раз, – Андрей принялся загибать пальцы под смех ребят. – Жалуешься учителям, что за косы дергаю, – это два, обзываешься – это три, конфетку зажала в автобусе – это четыре... Ох, Ирка, тебе не на карачках придется взбираться, а по-пластунски ползти. Иначе останешься грешницей...

Андрей не удержался и снова дернул ее за косу.

– Ольга Сергеевна, а что он пристает? – отскочила в сторону Иринка и громко закричала. – Скажите ему...

И торопливо спряталась за спины подруг.

– Вот и я говорю, что ты – грешница, – засмеялся и ткнул пальцем Андрей. – Даже сейчас нажаловалась, а значит нагрешила. И теперь тебе придется до самой пещеры ползти. А иначе так и останешься грешной... Эй, пацаны, что стоите? Ну-ка, шевелитесь. Мы будем замыкающими. Давайте-давайте, забирайтесь! Что застыли? Вперед, в пещеру в гости к отшельнику!

Ребята оскальзывались на мелких камнях, падали обдирая колени и локти, но все равно медленно, но поднимались по склону. Хватались за чахлые кустики травы, за многочисленные корни, но бывало, что срывались и съезжали вниз, но снова поднимались и опять лезли по склону.

– Андрюха, а ты чего стоишь и смотришь на них? – сказал Сашка. – Ну-ка, давай на склон. Будешь помогать и подгонять отстающих, а то до вечера не доберемся. Что смотришь?

Сашка подтолкнул друга.

– Ты с ума сошел, Саня! Я же точно не взберусь туда, – Андрей закрутил головой и кивнул. – Давай лучше там поднимемся. Пока они лезут по склону, мы куда быстрее окажемся возле пещеры.

– У тебя тоже накопились грехи за учебный год, – засмеялся Сашка. – Другой дорогой пойдут Валерий Петрович и учительница, он дорогу покажет. А мы полезем с нашими. И не спорь со мной! Хватит болтать, Андрюха! Всё, полезли...

И Сашка стал быстро подниматься по осыпи.

Андрей недовольно забубнил. Не хотелось взбираться по сложной дороге. Был же более легкий путь, но друг запротивился. А теперь и ему придется залезать, как остальным ребятам.

Андрей завздыхал, а потом кинулся догонять друга.

– А как же они доберутся до пещеры? – качая головой, с сомнением сказала учительница. – А что мы стоим? Надо догонять ребят.

И она шагнула к подножию горы.

– Подождите, – сказал Валерий Петрович. – Так принято, что каждый, кто приезжает сюда впервые, должен подняться по склону горы, преодолевая трудности, а мы пойдем другой дорогой. Ну, готовы? Тогда в путь...

Посматривая на ребят, которые взирались по старой осыпи, он по едва заметной тропке, что вилась между кустами, добрался до подножия и остановился возле заросшего склона горы.

– Здесь будем подниматься, – сказал он и показал на старые неприметные, полуистертые ступени, вырубленные в склоне горы. На одной из них пригрелась на солнышке зеленая ящерица. Увидела людей, на мгновение застыла, потом юркнула в траву и исчезла. – Внимательнее смотрите под ноги. Ступени старые, можно споткнуться. Да и ящерок много водится. Не раздавить бы...

И, хватаясь за ветви, он неторопливо стал подниматься в гору.

Редкий раз останавливаясь, Валерий Петрович прислушивался к невнятным возгласам ребят, которые пыхтели, поднимаясь к пещере, падали и ойкали, съезжали вниз и опять с упорством карабкались по склону.

Вроде ступени пологие, но учительница с водителем запыхались, пока добрались до небольшой площадки перед входом в пещеру.

Уселись на плоский валун, прислушиваясь к голосам ребят, и стали ждать, когда они поднимутся.

– Ох, устала! – вздохнула Ольга Сергеевна и остановилась на краю осыпи, с любопытством осматриваясь по сторонам. – Красивые места. Отсюда заметно, как по лесу, словно по зеленому океану движутся большие волны – это ветер раскачивает верхушки деревьев. Отсюда видно речку, через которую перебирались. Она словно серебряный ручеек извивается, а потом исчезает между деревьями – волнами. А на самую верхушку горы не пытались взобраться?

Она посмотрела на водителя.

– На вершину опасно подниматься, – качнул головой водитель. – Почти отвесная стена. По ней нужно со снаряжением подниматься, а ребята не обучены, – он оглянулся на спуск, прислушался и поднялся. – Ладно, пойду. Сейчас ребята появятся. Нужно встретить.

Едва он подошел к краю, как раздались голоса. Протягивая руку, он помогал взбираться на площадку.

Недолго пришлось отдыхать. Едва они отдохнули, Валерий Петрович поднялся и показал на узкий, едва заметный вход.

– Потом будем отдыхать, – сказал он. – Немного осталось, ребята. Вон вход в пещеру. Потерпите. А там всю вашу усталость и боль, как рукой снимет.

– Опять придется ползком пробираться? – недовольно сказала худенькая девочка, осматривая грязную одежду и поцарапанные руки. – Мы устали. Где ваш отельник?

Вслед за ней загомонили остальные, показывая друг другу ссадины и перепачканную одежду.

– Не хнычьте, девчонки. Вам же сказали, что в пещере легче станет. Я на себе проверил, когда впервые туда попал. Готов был еще разок в пещеру подняться. И вы почуете, как сила появится, – засмеялся Сашка и заглянул в узкий проход, который вел в глубину пещеры. – Вы такую красоту еще не видели. Валерий Петрович пойдет первым. Я за ним полезу. Следом остальные. Андрей будет замыкающим, чтобы никто не отстал и не потерялся. Будет подгонять вас.

Он достал фонарик, проверил его, а потом исчез в темном узком проходе вслед за водителем.

– Ольга Сергеевна, идите за ними, – сказал Андрей. – Не заблудитесь. Ирка и Танька, заползайте. Не мешайте друг дружке. Успеете. А кто будет следующим? Ну, влезай, что медлишь? Пацаны, хватит рассиживаться. Шевелитесь. Девчонки, не ворчите, а то замуж никто не возьмет, а я тем более. Хе-х!

Он захмыкался, дождался, когда ребята скроются в проходе, потом взял фонарик и тоже полез за ними, то и дело поторапливая одноклассников.

Долго пробирались Сашка с водителем по узкому извилистому проходу, было, что приходилось протискиваться в узкие щели, на коленях ползли, ударялись головой и обдирали колени, и останавливались, поджиная остальных, а потом снова ползли вперед.

Вскоре до них донеслись звуки падающих капель. И чуть погодя они оказались в большом полуovalном зале. Поднялись на ноги. Вздохнули. Устали, пока добрались. Осмотрелись. Сталактиты и сталагмиты словно поддерживали неровный свод пещеры, с которого падали капли и, звонко ударяясь об пол, издавали чудную, необычную мелодию, созданную природой.

Они не заметили, как возле входа собрались ребята. Притихшие, они завороженно слушали удивительную мелодию, которая раздавалась отовсюду, окружая их со всех сторон. И казалось, от этих звуков уходила усталость, исчезала боль от царящих ссадин, словно не было долгой дороги, и не пришлось мучиться при подъеме по старой осыпи.

– Вот так чудеса, правда? – не удержавшись, кто-то негромко произнес, и зазвенело эхо, вторя и теряясь вдали. – Да-а... да-а...

– Не шуми, тихо! – зашикали со всех сторон, и опять заметалось эхо, словно насмехаясь над ребятами. – Хо-о... хо-о...

– Валерий Петрович, я такое еще не встречала, – прошептала Ольга Сергеевна. – А где же ваш отшельник?

– Он в той стороне находится, – водитель направил луч перед собой и, дотронувшись до ребят, кивком позвал за собой. – Под ноги смотрите. Не споткнитесь.

Освещая дорогу, он повел мальчишку и девчонку между колоннами, на которых искрились, сверкали мелкие капельки, словно камни самоцветные.

Ребята медленно направились за ним, и зал сразу же наполнился шумом шагов, тихими восторженными голосами и эхом, которое, вторя им, смешивалось с чудной мелодией капели.

Вдруг Валерий Петрович остановился, молчком кивнул и направил луч перед собой.

Ребята застыли, увидев в каменной нише очертания сидевшего человека с поднятой рукой. Рядом находился большой валун с плоской поверхностью, а подле него виднелась большая чаша, наполненная водой.

– Валерий Петрович, можно попить? – облизнув пересохшие губы, загомонили девчонки, искоса посматривая на каменную фигуру. – Устали, пока добрались. Пить хочется.

– Этую воду нужно пить, – сказал он, достал из кармана старенький складной стаканчик и протянул. – Эта вода целебная. В ней сила земли-матушки родной. Всю вашу усталость и боль как рукой снимет. Пейте...

Обступив чашу, девчонки и ребята начали пить, передавая друг другу маленький стакан. Потом отходили в сторону, уступая место, и с удивлением рассматривали фигуру старца, суровые черты лица с трещинками – морщинами, немного приподнятую руку, словно куда-то показывал. Ребята притихли. Им казалось, что отшельник сейчас поднимется, посмотрит на них и спросит, зачем они нарушили его покой. Но старец сидел, опустив голову, словно о чем-то задумался.

– Валерий Петрович, – тихонечко девчонки стали теребить водителя за рукав, – скажите, откуда появился отшельник в пещере? Его из камня сделали?

Валерий Петрович посмотрел на каменную фигуру и неопределенно пожал плечами.

– Отец рассказывал, что отшельник появился несколько веков назад, а может, и поболее – неизвестно. Никто из местных жителей не знал, откуда он пришел. Поселился в этой пещере. Редкий раз выходил, чтобы взглянуть на солнце, лес и горы. Постоит немного, потом возвращался в пещеру. Сидел и читал книгу, да что-то записывал. Сначала деревенские жители хотели прогнать его. Опасались, что порчу наведет на скотину и на них заклятье наложит. И однажды собрались смельчаки. Поднялись в пещеру. Смотрят, отшельник сидит, не поднимая головы, перелистывает свою книгу и что-то шепчет. Долго жители стояли, не решаясь подойти. Надеялись, заметят их, и не дождались. Один из жителей не выдержал и подошел к нему.

– Ты откуда взялся в наших краях? С добром пришел к нам или с мыслями черными? – сказал он. – Чего ждать от тебя?

Посмотрел старец на них, взглядом обжег.

– Откуда пришел, там уже нет меня, а куда уйду, самому неведомо. Лишь память обо мне останется, как осталась во многих местах, где я побывал. Смотрю на вас и вижу, что порешили изгнать меня. Опасаетесь за жизнь свою, что проклятье наложу. Ошибаетесь! Не меня нужно бояться, а тех пришлых чужаков с черными душами, что сейчас в лесной чаще склонились и ноченьку дожидаются, чтобы напасть на ваше селение. Ежели не встанете на защиту его и не расправитесь с ворогами, тогда они не токмо скотинушку угонят и молодиц в полон возьмут, а остальных погубят и скроются во тьме ночной.

Недоверчиво посмотрели на старца смельчаки.

– Откуда знаешь, старче? – загомонили они. – Ты же сиднем сидишь в пещерной тьме, носа никуда не кажешь, а говоришь, что нападут на наше селение.

– Я могу видеть то, что обычному человеку неведомо, – сказал отшельник. – Я знаю то, что вам недоступно. А вы поторопитесь. Не успеете глазом моргнуть, как ночь настанет, а вы еще к битве не подготовились. Вы должны встать на защиту матерей и дочерей да малых детушек от ворогов пришлых. Да восстановится мир в краю вашем!

Поднял руку отшельник, словно благословил, и показал на выход, снова открыл книгу, склонил голову и стал что-то шептать.

Все вышло так, как предсказывал старец. Налетели ночью вороги, но жители поднялись на защиту своего селения, своих жен, матерей и детушек малых. Долго бились они и одолели ворогов проклятых. Прогнали чужаков с душами черными с земли своей, а утром пришли с поклоном к старцу да с гостинцами разными. Ничего не взял старец. Лишь показал на чашу каменную с водой студеной.

– Здесь таится сила земли-матушки родной. Отсюда я черпаю силу великую, которая от любой хвори вылечит, из беды выречет да с любым ворогом справится. Приходите, берите ее. Сами пейте, деток малых поите, чтобы почуяли в себе силу земли родной, да хворым людям давайте и увидите, как в них жизнь возвращается. Так было и будет, пока вода в источнике не иссякнет. А чтобы она не иссякала, нужно с миром жить, род людской, – сказал отшельник и поднял руку, показал на выход и снова склонился над книгой.

Разлетелась молва об отшельнике да воде целительной, в которой заключена сила земли родной. Отовсюду потянулись к нему люди. Останавливались у подножья горы, а сами карабкались по крутой осыпи, чтобы в пещеру попасть. Кто с просьбою, кто с хворобой неизлечимой, а кто и просто поглазеть.

Никому не отказывал отшельник. Всем помогал и никогда не брал дары, что ему приносили. Выслушает, напоит водой целебной и провожает, показывая рукой на выход. А сам умоется водою, отпьет немного воды студеной и опять садится в нишу, да книгу начинает читать и что-то записывать.

Мирно зажили люди. Вороги перестали нападать. Люди трудились, свадьбы играли, детей растили и радовались каждому дню, а еще не забывали отшельника. Приходили к нему, рассказывали о жизни своей, о том, что ворогов не стало и живут они лучше прежнего. Живут и радуются...

Сколько времени пролетело с тех пор, как появился отшельник, никто уже не помнил.

Казалось, он испокон веков тут жил. Все знали, что к нему можно было прийти с любой бедой, и он обязательно поможет. Поднимутся в пещеру за водой к неиссякаемому источнику и всегда замечали, что старец сидел в нише и читал книгу. Приводили к нему больных. Он взглянет, дотронется до человека, что-то прошепчет, водой напоит, и исчезала боль, уходила болезнь, и поднимался больной, почувствав силу жизненную, полученную от земли родной, и благодариł отшельника, но тот лишь медленно показывал на выход.

– Иди с миром, человече...

И опять склонялся над книгой.

Проходили годы, а может, столетия, и заметили люди, что старец все реже и реже стал подниматься с места своего да смотреть на пришедших.

Все чаще видели его сидевшим в нише с опущенной головой над раскрытой книгой, и уже не шептал он заветные слова, и едва поднимал руку, благословляя и показывая на выход из пещеры.

А однажды зашли к нему люди и увидели, что на месте старца появилась каменная статуя с поднятой рукой, словно благословляя людей.

И поняли люди, что ушел отшельник в края неведомые, о которых говорил.

Лишь оставил память о себе да чашу с целебной водой и старца каменного, чтобы род людской никогда не забывал его, чтобы приходили сюда в любое время, зная, что всегда можно найти невидимую помощь, воды испить чудодейственной, в которой таилась сила земли родной, а если повезет, донесется едва слышимый шепот, благословляющий на дела добрые для блага людского...

Уж давно замолчал Валерий Петрович. Прислонившись к стене, он задумался. И ребята притихли, размышая над рассказом.

Исподтишка посматривали на каменную фигуру отшельника, застывшую в глубокой нише.

Капли, падая на каменный пол, разлетались на мелкие брызги, сверкающие под лучами фонарей. Они создавали чудную мелодию. Эхо дробилось и вторило ей, уносило мелодию вглубь темной пещеры.

Долго стояли ребята в темной пещере, посматривая на каменного отшельника, потом тихо развернулись, словно опасались нарушить покой отшельника и молча направились к выходу.

И вздрогнули, невольно оглянувшись, когда в темноте, в необычную мелодию капель вплелся, как им показалось, еле слышимый старческий шепот:

– Живите мирно, род людской...

Земной поклон

Дед Василий сидел на крыльце, поглядывая в сторону реки. Сидел, а на душе было тоскливо. Схоронил свою Анфиску и затосковал, да так, что места не мог найти. Днём колготился во дворе или на огороде копался, лишь бы в дом не заходить, а бывало, выходил на улицу, присаживался на лавку возле двора и весь день сидел, курил свои папироски. Думал. Да обо всём думал, но чаще про жену свою, про Анфису, с которой прожил долгую жизнь, но в то же время слишком короткую, как ему казалось. Сидел и перебирал жизнь, словно листочки переворачивал и по стопочкам укладывал. Своих-то листков маловато было, а вот Анфисина стопочка росла. А как не расти, ежли вставал с думками про неё, а ложился спать, снова все мысли про Анфису, как в последнюю ночь разговаривал с ней, а она позвала к себе или за собой, а он не понял её, и Анфиса ушла...

Дед Василий завздыхал, вспоминая жену. Всю жизнью вместе были. Никогда не разлучались. Всегда была рядом с ним. Как говорится, в горе и в радости. Сейчас большое горе, что её рядом нет. Все думки про Анфису свою, как женились, детишек родили, как радовались каждой мелочи, как... Господи, зачем же ты разлучил нас? Он взглянул на тёмные облака, нависшие над деревней, и вздохнул. Тоскливо на душе и больно. Дед Василий приложил ладонь к глазам, и посмотрел вдаль. Узкие и длинные лоскуты огородов. Между ними межа, заросшая травой, а по ней тропка спускается до речного обрыва, и там, на краю обрыва, стоит скамейка. Отсюда, со двора, её хорошо видно. Дед Василий, будучи молодым, когда поставили дом и отделились от родителей, жену послушал и вкопал эту скамейку на краю обрыва, больно уж хорошо тут было.

С весны и до ледостава, вечерами, когда выпадала свободная минутка, они спускались по меже, садились на скамейку и любовались широкой рекой, по которой сновали туда-сюда юркие катера и медлительно двигались широкие баржи. На другой стороне до самого горизонта тянулся густой лес. Почти вплотную подходил к реке, и бывало, что изредка оттуда появлялось семейство лосей. Неторопливо спускались по пологому берегу. Вожак оставался в стороне, чутко прислушиваясь к звукам, а его семейство: самки да детёныши припадали к воде. Напьются, а потом долго стоят возле реки, не шевелятся. Замерли. Может, отдыхали, а может, тоже прислушивались к речной жизни, потом медленно разворачивались и опять скрывались в густом лесу. А когда солнце садилось над лесом, по реке пробегали длинные золотистые полосы. Казалось, в этот момент всё затихало в природе. Птицы переставали гомонить, даже катера исчезали, и река успокаивалась, превращаясь в зеркало, а по нему пробегали дорожки, которые с каждой минутой всё темнее и темнее становились. И вот исчез последний луч. Тишина. Анфиса дотронется до плеча, приложит пальц к губам, чтобы не нарушил эту тишину, и опять застынет, и деду Василию всегда казалось, что вот она рядом с ним сидит, а в то же время Анфиса была где-то далеко. А вскоре над головами разгоралось небо. Небо чистое, тёмное и глубокое, а по нему звёзды рассыпались и перемигиваются. Анфиса прижмётся к нему и молчит. И хорошо было сидеть на лавке. Просто сидеть и слушать ночь...

Склон обрыва давно уж зарос кустарником да деревьями. А по реке всё так же сновали юркие катера и медленно поднимались баржи. И вечерами к реке выходили лоси. Казалось, ничего не изменилось. Всё, как прежде, всё, как обычно, только жизнь прошла. Промелькнула, и не заметил её – жизнь эту. Дед Василий спустился по меже. На небольшой полянке, увидев его, телёнок, крепко привязанный к кольышку, понёсся по кругу, смешно взбрыкивая ногами. Залилась лаем юркая чёрная собачонка, кинулась было к телёнку, но остановилась от грозного окрика и, поджав пушистый хвост, побежала и уселась рядом с лавкой, поглядывая на старика.

– Ну, чего ты разгавкалась, Чернышка? – сказал дед Василий, с укоризной взглянув на собаку. – Телёнок обрадовался, а ты пугаешь его. Нельзя так, нельзя...

И погрозил шишастым пальцем. Погрозил, потом усился на широкую скамейку, прислонился к берёзе, вытащил из кармана курево, достал спички и задымил, о чём-то думая, и поглядывал по сторонам.

Собака легла возле ноги старика, положила голову на лапы и притихла, изредка поднимая башку, когда старики натужно кашлял или снова закуривал.

Казалось, недавно дом поставили, перебрались в него, а гляди ж ты, уж жизнь пролетела. Дед Василий покачал головой. Казалось, ещё вчера с Анфиской переселились в новую избу. Радовалась она, когда в дом зашла. Хозяйкой зашла, не снохой. Хотя, что уж душой кривить, Анфиса хорошо жила с его родителями. Особенно матушке понравилась. От работы не бегала, как некоторые, всё исполняла, что ни попроси, за ребятишками присматривала и за Василием ухаживала, словно за дитём малым, а уж свёкор её любил – души в ней не чаял. Как куда уедет, так оттуда какой-никакой гостинчик привозил. А она радовалась. И Василий радовался, что в ладу жили, что жена почитала его родителей, а иначе нельзя. Так принято.

Едва перебрались в новый дом, Анфиса в первый же день пошла на речку, а когда вернулась, попросила, чтобы он поставил скамейку на обрыве, над рекой. Сказала, такой простор открывается, аж дух захватывает и душа радуется. И Василий поставил. Крепкую скамейку сделал. Вкопал под берёзкой, чтобы солнце не палило. И в первый же вечер они пошли туда. Почти до утра просидели. Всё смотрели на реку, на широкую гладь воды, на которой отражались звёздные россыпи, слушали, как в ночи переговаривались рыбаки на берегу, которые расположились на отдыхе возле костров. Кто сидел, а другие лежали и лениво беседовали. Где-то звякнул котелок, а может, кружка. Тишина. А потом снова тихий говор. Ночь тёмная, а по небу яркие россыпи, и звёзды перемигиваются, словно дразнятся. И Анфиса сидела, прижалась к плечу и не шелохнулась. Василий уж думал, что задремала, но она вздрогнула от ночной прохлады, зябко повела плечами и поднялась, домой позвала. И они направились к дому. А над головой бледнели звёзды. Начинался рассвет...

И всякий раз, когда переделывали все дела по хозяйству, они уходили на свой крутояр, как Анфиса его называла. И детишек брали с собой. Они набегаются вволю по берегу, а потом притулятся к ним и дремлют, а бывало, что засыпали, и тогда Василий уносил их на руках домой, укладывал спать, а потом возвращался к жене, и опять они просиживали почти до рассвета. Многие в деревне посмеивались над этим, над Анфисиной блажью, как говорили. Дурью мается эта городская пигалица, как её называли, а Васька потакает, а потом перестали обращать внимание. Здесь бы в своей семье разобраться, а чужая семья – потёмки...

Дед Василий закурил и опять вздохнул, вспоминая жену. Что ни говори, а хорошо прожили жизнь. Всякое бывало. И ругачки были, и скандалы, правда, до рукоприкладства никогда не доходило. Дед Василий съязмальства помнил, что отец никогда мать не трогал, и дед не махал кулаками. У них было принято, что бить бабу – это последнее дело. Так и Василия воспитали. Другие мужики частенько гоняли своих благоверных. По поводу били и без повода, чтобы боялась, как они говорили. А Анфиса не знала, что такое мужчин кулак. Да, ругались. Да, бывало, в пух и прах разлаивались, а как же без этого, но никто и никуда из избы не уходил. Разругаются, а спать ложились вместе. Отвернутся друг от дружки, сопят, пыхтят, а утром глаза откроют, в обнимку лежат. Куда злость подевалась. Взглянут друг на дружку, посмеются и снова берутся за дела. А работы в деревне всегда много было. Трудись, не покладая рук, а дела ещё останутся. И в колхозе работа была, день-ночь крутишься, чтобы успеть, особенно, когда посевная или уборочная, а ещё нужно за своим хозяйством приглядывать: свинки, овечки, куры да гуси, за ними нужен присмотр. И дети подрастали. Ух, озорники были! Дед Василий хмыкнул, вспоминая ребятишек.

Собака тут же подняла голову, услышав его голос, но снова легла и задремала. Старший сын как-то посерёзнее был. Всё книжками увлекался да всякими учебниками. Всё сидел, днями и ночами читал. А вырос, в инженеры пошёл. На заводе работает. Серьезный – страсть! А вот средний да младшенький – эти озорники. Погодки. Бывало, усядутся где-нибудь в уголочке и уговариваются, а сами так и стреляют глазами, так и смотрят за ними. А потом выскользнут из избы, и жди, чего-нибудь обязательно натворят. Ладно, сами баловались, так ещё соседских мальчишек за собой утягивали. А вечером вернутся и стоят, с ноги на ногу переминаются или на печку залезут и притихнут. Ага, значит, что-нибудь натворили. Василий-то с Анфисой не лупцевали ребят, а вот соседским доставалось. Потом соседи жаловались Василию, чтобы приструнил своих озорников. Василий хмурился, грозился, что накажет, но всё на словах оставалось. У них не принято было детей лупить. Так и росли озорниками. И ничего, тоже в люди вышли. Средний сын, Колька, уехал железную дорогу строить и там остался. Далеко забрался! А младшенький в соседнем районе живёт. И у всех семьи, и жёны неплохие, и детишек нарожали. Редко, но бывало, вместе приезжали в деревню, тогда пыль столбом! Ладно, невестки справлялись с ребятишками, а то бы умотали старика – эти озорники, внучата. Ох, шустрые! А Анфиса всегда смотрела на них и посмеивалась...

И дед Василий опять вздохнул, полез за куревом.

Собака поднялась. Потянулась, зевая, и заскулила.

– Ну, чего ты, Чернышка? – старик наклонился, потрепал по холке. – Надоело лежать? Ну, иди, побегай. Погоняй мышей.

Собака взляяла и помчалась через кусты, куда-то по берегу, лишь изредка доносился звонкий лай, а иногда злобное рычание.

Дед Василий посмотрел на реку. Взглянул на далёкий лес. Конца и края не видно. Словно море зелёное колышется. И река, какой была, такой же осталась. Может, катеров да лодок стало побольше, и всё на этом. И вечерами рыбаки собираются на берегах. Там и сям мелькают огоньки костров. Ветром доносит ленивые уставшие разговоры. Дымком пахнёт, и слышится звяканье котелка. А над головой всё то же бездонное иссиня-чёрное небо и хороводы сверкающих звёзд. Всё, как раньше, когда с Анфисой были молодыми, всё осталось прежним, лишь он состарился, да Анфисы больше нет с ним. Померла...

Что ни говори, а с Анфисой прожили хорошую жизнь. Никто не верил, что городская худенькая пигалица приживётся в деревне. Все посмеивались, повстречав Василия в форме, когда с армии вернулся, а рядом была невысокая девчушка. Думали, враз от ворот поворот сделают родители, что без разрешения привёз невесту. Они добрались до дома, зашли, Василий поклонился родителям, а потом показал на девчушку и сказал, что это его жена. Мать, как стояла, так и уселась на лавку возле окна и расплакалась. А отец, тот лишь нахмурился. Суровый мужик был! Пальцем погрозил, брови сдвинул, зыркнул исподлобья на невысокую, худенькую, словно подросток, Анфису и вышел на улицу, лишь дверь с треском захлопнулась. А они стояли возле порога и не знали, что им делать. Ладно, мать поднялась, кинулась к ним, обняла, вроде засмеялась, а у самой глаза на мокром месте. Вечером гости собрались. Долго сидели за столом, разговоры вели, а сами на них косились, оценивающие смотрели на худенькую девчушку, на Анфису и с недоумением пожимали плечами, как это городская пигалица решилась в деревню приехать, где взрослые-то не выдерживают всю эту тяжесть, а уж куда ей-то – тростиночке. И отец весь вечер сидел, хмурился, на Василия не смотрел. Осерчал, что с ним не посоветовался, привёл городскую неумеху в дом. За полночь было, когда гости разошлись. Василий вышел на крыльцо. Закурил. Сидел, поглядывая на спящую деревню, и радовался, что вернулся домой. Скрипнули доски. Рядом присел отец. Закурил. Долго молчал, искоса поглядывая на него, потом буркнул:

– Что собираешься делать? – и кивнул, словно на Анфису показал.
– Жить, – коротко сказал Василий, затушил окурок, поднялся и повторил. – Жить, как вы живёте, как другие, а может, и получше всех...
И зашёл в избу, притворив дверь.
Отец лишь качнул головой, оставшись на крыльце.

Так они стали жить. Чуть свет поднималась Анфиса. Помогала матери доить корову, потом выгоняла в стадо, убиралась по хозяйству, кормила мужиков, как мать говорила, а после этого вместе с ней уходила на работу. Анфиса не жаловалась. Не умела. Василий видел, как тяжело было ей. Иногда слышал, как всхлипывала, затаившись от всех: от боли, от усталости и тяжёлой жизни, но стоило появиться кому-нибудь, как у неё просыхали глаза, и Анфиса опять хлопотала по хозяйству.

Родители не могли нарадоваться на неё. Гляди ж ты, вон как со всеми делами справляется, аж позавидовать можно. Отец всё гостинцы привозил. По нраву пришлась невестка, а уж мать как радовалась, словно у неё дочка появилась. Наверное, так и было... Родной дочкой стала. Анфиса не была балованной. Рано без родителей осталась, всё познала: и голод, и холод, и нужду. И сама потянулась к матери, прислонилась, будто родная кровинушка. Прикроют дверь в горницу, а сами шушукаются на кухоньке, всё секретами делятся, а сунься туда, вмиг выставят. Так и жили, а потом дом поставили и уже своим хозяйством зажили. Но всё равно, то родители к ним приходили, особенно, когда детишки стали подрастать, то они к матери с отцом приходили и сорванцов приводили. Вот уж был тарарам в избе! Бабка не знала, чем угощать, хотя и жили-то неподалеку друг от друга, но всё же – это гости, а как же! И дед радовался, а ещё больше веселились сорванцы, что воля появилась, и такое устраивали, дым коромыслом, а деда заездят, тот бедняга, выберется на крыльце и отышатся не может, а ребятишки на нём висят, всё играть зовут. И дед уходил с ними играть. Что старый, что малый. А Анфиса не ругала ребят, всё смотрела на них и улыбалась...

Дед Василий завздыхал, вспоминая, как они жили. Детишек на ноги поставили и в жизнь выпустили. Сначала старший сын, Алёшенька, уехал учиться. Инженером стал. На завод устроился. Поздно женился. Еле заставили. Всё отмахивался, говорил, что на работе женат. А Василий настоял. Вроде неплохая девка досталась. Умная, а главное, что родителей уважает. Если уважает, значит, и сына будет любить. А как же иначе-то? Потом средний, Колька, ушёл в армию, а оттуда отправился на стройку, железную дорогу прокладывать. И остался там. Свою половинку встретил, и решили обживать новые места, а к ним обещали в гости приезжать. А следом младший в жизнь отправился. Правда, не захотел далеко от родителей уезжать. Нельзя, потому что младший. Он в последний путь должен проводить родителей. Так принято... И сынок остался неподалеку, в соседнем районе живёт. Часто навещает. И жена у него хорошая и работящая. Глядишь на них и себя вспоминаешь...

Давно уж разъехались ребята. Младшенький-то частенько навещает, а вот Коленька да старший – эти редко бывали. А Василий с Анфисой не обижались. Чего обижаться, ежли Коленька на другом конце света находится, а старший с работы не вылезает, днует и ночует там. И они остались одни. День проколготятся по хозяйству, лишь бы руки да голову занять, а вечерами уходили на крутояр, на свою скамейку. Спустятся по меже, усядутся, бабка Анфиса о чём-то своём думает, а бывало, носки да варежки для внуков вязала, а он сидел, поглядывая по сторонам, курил и тоже думал. О чём? Да обо всём: про ребятишек думал, про внуков, а тут ещё нужно картошку выкопать, а там забор повалился, надо бы подправить, и на кладбищеходить, родителей проводить и оградку подправить, а младшего попросить, чтобы краску привёз, нужно памятники покрасить. Не сидел бездумно. Мысли кружились в голове. Всё сидел и перебирал, что сейчас сделать, что на «потом» оставить, а ещё надо дрова заготовить, да пальтишко бы Анфисе купить, совсем поистрепалось старое-то...

Анфиса быстро сгорела. Дед Василий не замечал, что она разболелась, а может, она скрывала, не хотела расстраивать. Всё так же улыбалась ему, иногда хмурилась, младшенький приедет с семьей, она встречает, всё готовит. Правда, уставала быстро, а дед Василий как-то не обращал на это внимания. Анфиса накапает капель, выпьет, посидит и снова хлопочет. И в последний день суетилась. Всё из шкафа повытаскивала, перебрала и уложила. Везде порядок навела. Кастрюлю щей наварила, сказала, надолго хватит. А потом, как обычно, они отправились на обрыв. Она долго сидела. Всё на речку смотрела, на далёкий лес, а вечером семейство лосей вышло, давненько не появлялись, а тут вышли и долго стояли на берегу, отдыхали, а может, слушали реку и шум катеров, что сновали туда-сюда, а потом ушли. Солнце мелькнуло, последние лучи пробежали, потемнели вскоре и исчезли. Небо глубокое стало, чистое, а по нему звёзды захороводили. И рыбаки на ночёвку стали устраиваться. Яркими огоньками костры вспыхнули. Ворохнулась птица в кустах и притихла. Ночь. И они тихонечко поднялись и пошли домой. Спать легли, Анфиса про ребятишек вспоминала в темноте, говорила, что нужно сделать, потом притихла, долго молчала и неожиданно позвала за собой, сказала, что там хорошо и светло, аж душа радуется, а он отказался, мол, где ты свет увидела, коли глухая ночь на дворе, пора спать. Она опять позвала, потом ещё раз – пошли со мной, и сказала, ну, ладно, ежли не хочешь, тогда оставайся, а я пойду, там ждут меня, и замолчала. И дед Василий притих. Думал, она уснула. Утром поднялся, а Анфиса лежит. Подошёл, она не шевелится. Лицо спокойное, морщинки разгладились, и руки на груди сложены, а подле неё на табуретке одежда стопочкой сложена. Видать, чуяла, что уйдёт. Чуяла, ему сказала, даже за собой позвала, а он так и не понял. И ушла Анфиса: тихо, спокойно...

Затосковал дед Василий. Она же звала, говорила, чтобы с ней ушёл, а он отказался. Одну оставил её, Анфису свою. А говорил, что всегда будут вместе: и здесь, и там... Отмахнулся от ребят, не захотел к ним уезжать, когда они позвали. Как же можно уехать, а на кого могилку-то оставишь? Нельзя, не по-людски получается. И он остался. Не думал, не гадал, что Анфиса первой уйдёт. Всё казалось, что переживёт его, в последний путь проводит, а она ушла, и поэтому на душе тяжело было. Словно какая-то недосказанность осталась. Звала его, а он не понял...

Не сиделось в доме, всё казалось, сейчас распахнётся дверь, и она зайдёт. Не выдерживал дед Василий и уходил на улицу или к реке спускался и там до ночи просиживал. Вернётся домой, уляжется на кровать, и закрутились мысли в голове. Вроде начнёт дремать, а потом вскинется, глаза откроет – она рядышком сидит. Почти каждую ночь приходила Анфиса. Усядется возле него и молчит. Глядит и молчит. А сама вся светлая, в доме темень, а её видно. Посидит рядом, головой покачает и уходит. Дед Василий вскинется на кровати, словно хочет вернуть её, а потом плечи поникнут, сгорбится и молчит, о чём-то думает. И так до утра...

А случалось, на крыльце выходил. Набросит фуфайку на плечи, усядется на крыльце, рядом притулится собака Чернышка и поскуливает, словно чует, что хозяики-то нет с ними, а потом умолкнет и лежит подле него всю ночь. Бывало, дед Василий с вечера собирается, кликнет собаку и уходит с ней по меже на речной обрыв. Усядется на скамейку, прислонится к берёзе, а она разрослась за долгую жизнь, по-развесила косы над головой, и они шелестят-шепчутся, словно о чём-то рассказывают. Сидит дед Василий, курит, на реку посматривает. Вот уж последний луч погас, небо тёмным стало и глубоким, бездонным каким-то, там и сям звёзды замелькали. Иногда катер тарахтел, но чаще стояла тишина, нарушенная лишь рыбаками, которые устраивались на ночлег. Задумается дед Василий, а потом невольно взглянет на скамейку, всёказалось, что Анфиса рядом сидит. А может, и приходила на своё место, кто знает... Собака вскинется, заюлит хвостом, к земле припадает, словно ластится, а потом уляжется неподалёку и поглядывает на скамью, словно за стариками наблюдает, как прежде бывало...

Вечером, когда провели сороковины и соседи разошлись, в избе остались сыновья с жёнами, а дед Василий всё сидел за столом, всё на них поглядывал, словно что-то сказать хотел, но махнул рукой и вышел. Увязалась собака, заметив, что он стал спускаться по меже к речке. И помчалась впереди него. Обрадовалась. Взлаивала, когда он замедлял шаги, словно подгоняла, а потом снова останавливалась и его дожидалась, и опять несётся к реке. Дед Василий привалился к толстой берёзе и закурил, поглядывая на далёкий лес, и молчал. Наверное, жену вспоминал, кто знает... Долго сидел, а потом поднялся. Взглянул на небо, где вовсю полыхали звёзды. Показалось, новая звёздочка появилась: чистая, яркая, зовущая. Дед Василий долго смотрел на неё, а потом сказал:

– Отпускаю тебя, Анфиса. Но придёт время, я снова буду рядом с тобой, как всегда говорил, что вместе: и здесь, и там... Знаю, ты будешь ждать.

Сказал, позвал собаку и медленно направился к дому, потом повернулся, взглянул в сторону погоста и поклонился: низко, уважительно – до самой земли.

Земной поклон за прожитую жизнь...

Ладони пахли клубникой

Алексей стоял на балконе, посматривая вниз. Жарко. Очень жарко, несмотря на то, что наступил вечер. Вроде лето еще только поднялось на вершину, и на улице самое настоящее пекло, а до осени еще очень далеко, когда начнутся обложные дожди, небо затянет до горизонта низкими тяжелыми тучами, а порывистый ветер будет трепать деревья, срывая листву, и не успокоится до тех пор, пока не оголит их, а там уж до зимы рукой подать. Не успеешь оглянуться, как закрутят метели, ударят морозы, а вокруг будет светло и хрустко, но пока что на улице пекло, которое уже длится с середины весны, и люди радовались наступлению ранней весны, теплому солнышку, первой листве и первой любви, которая, как принято считать, приходит именно весной, и тогда весь мир становится ярким и красивым...

Алексей мотнул головой. Нахмурился. Лето в разгаре. Но рано или поздно, а осень придет с прохладой и дождями, с бабьим летом и осенним листопадом, и будут кружиться листья, медленно опускаясь на землю... Он вздохнул. Покосился на открытую дверь. В природе все идет своим чередом, весна и лето, осень и зима, а у него в семейных отношениях пустыня Сахара, где солнце выжгло всё живое, оставив оболочку, а внутри пепел, недовольство и почему-то еще было чувство тоски. И всё это было, как в снежную зиму, когда незначительные ссоры перерастают в снежный ком, который катится по семейной жизни, всё сметает на своем пути, раздавливая самое хорошее, что было между ними, а конечная остановка – это уже пустыня и горстка пепла на песке. А получится ли возродить из пепла сгоревшие отношения – этого никто не знает и он – тоже...

И в его семье всё начиналось с малого. Ссора и обвинение друг друга в несуществующем. Вспыхнула искорка на пустом месте, и полыхнуло пламя. Вроде удалось загасить огонь, и даже помирились, а внутри у каждого осталось чувство неудовлетворенности и обида. За этой ссорой последовала другая и третья, пятая и десятая, и в ход уже пошла тяжелая артиллерия, обвинения друг друга куда в более страшных преступлениях, чем было в самом начале, когда еще уважали и любили друг друга, как казалось. Пусть поссорились, но они боялись, как бы обидеть друг друга, причинить боль, а потом эти чувства стали исчезать. Незаметно исчезали, а на этом месте появлялась ненависть, и взгляды говорили не о любви и нежности – ненависть была в них и злоба, но при детях нужно было сдерживаться, маски менялись на лицах, и они изображали из себя счастливых родителей...

Вся реальность перевернулась с ног на голову. В глаза одно, за спиной другое, и так уже много лет. Он не винил жену. Но и на себя не хотелось вешать все грехи семейной жизни. А какие грехи, если бы кто-нибудь спросил, а ему и ответить нечего, потому что сам не знал. Просто этот, скажем, снежный ком обид вдруг вырос до невероятных размеров. И еще немного, и он лопнет, а какими будут последствия – ни жена не знает, ни тем более он, но точно чувствовали оба, если лопнет этот нарыв, обратной дороги не будет, а на дороге в будущую жизнь стоит преогромный шлагбаум, но лучше сказать, дорога заканчивается тупиком, и всё на этом...

Алексей простоял на балконе до наступления ночи. Стоял, посматривая по сторонам, потом уселся на табуретку, что была на балконе, и снова смотрел, а еще думал. Думал обо всем, вспоминая прошлую жизнь, когда познакомился с будущей женой. Случайно столкнулись на улице. Он вывернулся из-за угла и столь стремительно, что не удержался на ногах и упал, ухватившись за Геру, как впоследствии узнал имя девушки. Оба упали посреди тротуара. И Гера, вместо того, чтобы нахмуриться и обругать его, как обычно бывает, вдруг расхохоталась, продолжая лежать на снегу, и не спешила подниматься. А он, испугавшись, что не только уронил девушку, но и причинил вред ее здоровью, – все же Алексей был довольно-таки крепким парнем, – закрутился на снегу, под которым была накатанная дорожка – это ребятня накатала, а снегом ее присыпало, и поэтому не заметил, грохнувшись во весь рост, он завозился на ледяной дорожке словно огромный червяк и не мог подняться, руки-ноги разъезжались, и он снова падал на снег возле девушки. Она хохотала, глядя на его неуклюжие попытки подняться, и он сначала сопел и хмурился, что не удается встать на ноги, а потом тоже перевернулся на спину, взглянул на нее и принялся смеяться. Так они и лежали на снегу, хохоча во все горло, а люди шли, обтекая с обеих сторон, одни хмурились, глядя на них, а другие не сдерживались и тоже едва заметно, но улыбались. Ведь не каждый же день увидишь подобное. Так они и познакомились...

– Алексей, долго еще будешь стоять? – на балконе появилась Гера, облокотилась на перила и глянула вниз. – Фонари зажгли. Темно на улице.

– Что хотела? – чуть погодя, сказал Алексей, хотя как бы уже знал, что она ответит, но все же спросил. – Снова начнешь ката за хвост тянуть? Прекращала бы... И так всё ясно. Скажи уж сразу, а не ходи вокруг да около. Надоела такая жизнь.

Сказал и поморщился. Затянулся, и яркий огонек сигареты осветил лицо. Алексей резко выпустил струю дыма, а потом щелчком отправил окурок в недолгий полет до земли. Огонек описал плавную дугу, ударился об землю, вспыхнул, рассыпавшись на многочисленные искры, и они исчезли в густой траве газона.

Уже в который раз жена пытается довести разговор до конца, но что-то не дает ей, а может, ему, и, прыгая с пятого на десятое, вспоминая прошлые обиды и несуществующие, разговоры переходили в очередные ссоры. И до такой степени эти скандалы обрыдли, что Алексею хотелось только одного, чтобы все это побыстрее закончилось. А то, что все равно закончится, он чувствовал, все шло к этому. И в то же время ему хотелось, чтобы Гера хоть чуточку прислушивалась к его словам и хотя бы на один шаг смотрела дальше, а не жила эмоциями. Так-то наворотили делов, что не разгребешь, а сейчас вообще глаза бы не смотрели на семейную жизнь, но нужно было терпеть, чтобы дети не заметили. Если поймут, семья окончательно развалится. А может, они давно уже поняли, но делают вид, будто ничего не происходит между родителями...

– Не тяни резину, – буркнул он и снова закурил. – Ну, что молчишь-то?

– Снова звонил дядя Вилли... – Гера запнулась, немного помолчала и сказала.

– Поговорили с ним...

– А раньше он был дядей Володей, – не удержался, съехидничал Алексей, а внутри все сжалось в кулак.

Он знал, что ее родной дядя так просто не станет звонить, а в последнее время международные звонки все чаще и чаще стали раздаваться в доме. О чем жена разговаривала с дядей – этого Алексей не знал. Он не спрашивал, а жена отмалчивалась. Но все равно что-то подсказывало, что эти звонки до добра не доведут.

– И что же хотел новоиспеченный дядюшка Вилли? – и опять съехидничал.

– Ну не нужно язвить, – поморщившись, ровным голосом произнесла Гера. – Сам знаешь, что он звонит лишь в крайних случаях. А сейчас такой наступил...

Она замолчала.

– Слишком много стало крайних случаев, – сказал он. – Чуть ли не каждую неделю звонит и все в крайнем случае. К чему бы это, а, Гера?

Алексей покосился на нее и замолчал, попыхивая сигаретой, и снова окурок полетел вниз, описывая ровную дугу, и исчез на газоне.

– Есть возможность, вот и звонит... – жена прислонилась к перилам и взглянула вниз. – Видать, средства позволяют, чтобы звонить.

– Ага, на этих переговорах можно без штанов остаться, а он не прекращает и называет. Наверное, миллионером стал, – снова не удержался Алексей. – Ну, не тяни резину. Говори, что хотела сказать, только не обманывай меня. Я же почувствую это.

И усмехнулся в темноте. Темнота – друг молодежи, как говорится, но в то же время эта темнота дружна с враньем, с ложью, если разобраться. В основном все начинают обманывать в темноте, чтобы не было видно лица, не видно глаз, которые чаще всего выдают лгунов и то вранье, которое они стараются выдать за правду. И сейчас жена готовилась к этому. Она могла бы и днем сказать. Дядя Вилли, как она стала называть его, позвонил ранним утром. Они поговорили, и жена положила трубку. Весь день ходила, о чем-то думая, но не решалась на разговор, а тут надумала. Ночью хороши любые разговоры и обо всем, потому что лицо превращается как бы в застывшую маску, на которой отсутствуют эмоции. Можно говорить всё и обо всем, потому что в темноте не увидишь взгляд, который сразу бы выдал собеседника, а если собеседник еще и жена – тем более, потому что Алексей за многие годы настолько изучил ее характер, что заранее мог определить, что сейчас скажет. И поэтому Гертруда начала разговор ровным голосом, лишенным эмоций.

– Алеша, помнишь, я много рассказывала про свою семью, – опять ровный голос, словно не живой человек говорит, а голос робота раздается в ночной тьме, и даже в нем мелькнули металлические нотки. – Ты знаешь, когда мои предки перебрались в Россию. Я рассказывала, что нам... Нет, нашей семье пришлось пережить, когда тебя, можно сказать, за человека не считали, в спину обзывали фашистами, хотя мы никакого отношения к фашистской Германии не имели, но нас все равно унижали, пусть не в глаза, так за спиной. И это очень больно и обидно. Дядя Вилли – смелый человек. Он был первым из всей нашей семьи, кто покинул страну и вернулся на нашу историческую родину. А вслед за ним уехал его брат, дядюшка Альфред, который немного пожил на родине, но решил найти счастье в другой стране и оказался в Америке, где прошел всё с низов, а сейчас у него своя адвокатская контора. Жена, тетя Анни, устроилась в госпиталь, дети подрастают, и нужно уже думать о будущем. Дядя Альфред сообщил, что надо всю родню перетащить на родину, а там, кто захочет найти счастье в других странах, он поможет. Я к чему веду разговор... – она замолчала, и Алексею в темноте был едва заметен профиль лица, который ничего не мог ей сказать. Так, темный профиль на черном фоне ночи, и все. – Я что хочу сказать... – снова повторила Гертруда и сказала, словно выдохнула. – Дядя Вилли сделал нам вызов на родину. Ждет нас. Ждет, чтобы помочь устроиться, а там уж будем решать, оставаться на исторической родине или подадимся в другие страны, где жизнь куда лучше, тем более намного лучше, чем здесь.

И она ткнула пальцем перед собой – это было видно, а потом снова замолчала.

– Поздно родину менять, – устало вздохнул Алексей. – Мы на эту тему уже тысячи раз разговоры разговаривали, и ты не хочешь понять, что никто тебя не будет ждать, и ты не нужна этой самой родине. Ну, что ты можешь полезного дать для нее? Подумай... Ты всю сознательную жизнь проработала на заводе. Просидела на складе, выдавая тазики и ведра, да еще всякий инструмент для рабочих. Думаешь, что тебя встретят с распростертыми объятьями, чтобы вновь посадить на складе и выдавать инвентарь? Нет, Гера, ошибаешься. Таких, как ты, там пруд пруди. В лучшем случае ты в своем возрасте устроишься дворником или уборщицей, хотя и знаешь родной язык, но не более того. А наши дети и того не увидят. Подумай...

И снова окурок полетел по дуге и рассыпался мелкими искрками.

– А я считаю, что нужно ехать, – сказала она. – Ехать ради детей, чтобы у них было светлое будущее, чтобы они жили, как другие люди живут – там, а не так, как мы с тобой – здесь. Дядя Вилли не стал бы звать понапрасну. Это... – она запнулась, и это было непривычно в ее разговоре. – Это... Дядя Вилли сделал вызовы для меня и наших детей, а чуть попозже будет готов вызов для тебя, если согласишься уехать. Тебе решать...

– А, всё правильно, – перебил Алексей, а в душе почему-то заскребла кошка. – Во мне течет другая кровь и тяга не к вашей, а к другой родине, вот к этой, – и теперь он ткнул пальцем во тьму, а потом обвел окоём, словно хотел показать, что он здесь хозяин. – Это моя родина, а там чужая страна.

– Я поговорю с дядей Вилли, чтобы он побыстрее сделал вызов для тебя, – снова ровный голос в ночи. – Человек выбирает для себя родину, а не родина человека. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше, как у вас говорят...

– О, ты уже перестала считать своей родину, где родилась и выросла и прожила почти всю жизнь? – не удержался, съехидничал Алексей. – Глядишь ж ты, у вас... – он повторил за ней. – Да, у нас так говорят. А уехать... А кому я нужен там, в этой самой стране, не зная обычая и языка? Никому! Ведь любой человек, если попадает в другую страну, он должен изучить не только язык, но и обычай этой страны и соблюдать ее законы. Я при всем желании не смогу одолеть всё, что собиралось веками, – это у коренных жителей в крови, а я обязан изучить за короткий промежуток времени. Не получится. И, как бы я ни старался, до конца дней останусь чужим. Впрочем, как и ты тоже. Ты, Гера, должна понять, что поздно в эти годы переезжать в другую страну, где всё чуждо нам, где люди на мир смотрят абсолютно другим взглядом и что для них легко и привычно, для нас может оказаться неразрешимой задачей. Это ты здесь можешь подойти к любому, и тебе помогут, а там... А там я не знаю, потому что в другой стране и привычки другие, тем более взгляд на жизнь. И срываться с насиженного места и мчаться неизвестно куда и неизвестно зачем – это будет самая большая глупость в жизни, которую хочешь совершить. Не знаю, как ты, а я так считаю.

Покосился, и снова темный профиль на черном ночном фоне.

– А другие, кто уезжает, тоже глупость совершили? – ровным механическим голосом сказала она.

– У каждого свои причины, – пожал плечами Алексей. – Но уезжать тебе на родину предков, которую совсем не знала и не знаешь, лишь для того, что это – их родина, а для тебя-то она ничего не значит, – это бессмысленно. Для тебя ближе вот эта страна, – и Алексей снова обвел окоем, показывая. – Вот это и есть твоя настоящая родина, а не та, про которую пытаются вам мозги запудрить и где тебя совсем не ждут. Не нужна ты никому и дяде Вилли – тем более. Почему они решают за всю вашу родню? Для чего хотят перетащить туда, а кому не понравится, тот может поискать счастья в других странах. Получается, как в сказке «Поди туда – не знаю куда...» А ты еще хочешь детей за собой увезти. Увезти, не знаешь – куда, хотя и пытаешься доказать, что у детей будет светлое будущее. Подумай...

Он постучал пальцем по лбу, и снова тишина.

— Ты помоги с отъездом, — она долго молчала и всё же решила сделать по-своему, даже не по ее, а как дядя Вилли с братом решили, и это было самое обидное, честно сказать, что в их семье принимают решение не они сами, а чужие люди, которые и считаются близкими родственниками и заставляют принять это решение, потому что они как бы заботятся о родственниках. — Помоги с деньгами.

Да, было заметно, что Гера уже давно приняла решение перебраться в Германию — страну своих предков, и ее уже ничто не остановит. И не важно, с ним или без него, но она все равно туда отправится. Она стоит рядом, а душой давно там. И, наверное, ночами, вместо того, чтобы отдыхать, она лежит и мечтает, как уедет туда и заживет настоящей жизнью, а не останется прозябать в этой стране, которая как бы считается родиной, но в то же время она чувствует себя совершенно чужой. А теперь всё должно встать на свои места. Ведь многие уже перебрались в другие страны. Квартиры бросали, если не находили покупателей, брали билеты и отправлялись на родину предков, а оттуда еще куда-нибудь и еще... И так ездили из страны в страну, искали свое счастье. А как же родина предков, ради которой они бросили все и помчались за тридевять земель? Говорят, что родина там, где тебе хорошо. Всё может быть... Алексей пожал плечами...

— Знаешь, Гера, я заметил, что ты хочешь уехать любым путем, решив, что так будет лучше и для тебя, и для наших детей, потому что, как тебе кажется со слов дяди Вилли, там ждет другая жизнь, — он снова покосился на темный неподвижный профиль на черном фоне ночи. — Честно сказать, я уже устал доказывать, просить и убеждать, что ты ошибаешься. Устал... — он вздохнул, и еще один окурок звездочкой мелькнул в ночи и исчез среди травы. — Может быть, для тебя будет лучше, если уедешь. Может, и правда, кровь предков заговорила в тебе, и ты ради этого хочешь бросить всё, включая нашу семейную жизнь, и уехать туда. Не знаю... Но я останусь в любом случае, потому что дороже этих мест нигде не найдешь. Вспомни наше знакомство, как валялись посреди тротуара и смеялись, а люди, словно река, наткнувшись на препятствие, обтекала нас с обеих сторон, чтобы вновь соединиться. Вспомни, как гуляли по весеннему лесу, когда еще только начали проклевываться листочки, а вокруг был такой аромат, хоть ложкой черпай и воздух призрачно-зеленый. А ты помнишь, каждую осень ездили в парк и гуляли там. Ребятишки носились, бросали охапки листвьев вверх и застывали, когда на них опускалась желтая листва. А мы с тобой гуляли по аллейкам парка или сидели на скамейке возле пруда и смотрели на золотую осень. Истинно золотая! И не хотелось уходить оттуда. Уезжали, а у каждого внутри оставалась грустинка, что такую красоту мы сможем увидеть лишь в следующем году. А летом пропадали на речке. У нас даже свое место было, — он замолчал, а потом выдохнул. — А теперь ничего у нас не осталось, ни зимы и лета, ни весны и осени, а про наши отношения и говорить нечего...

Он махнул рукой и замолчал.

А вскоре жена с ребятишками уехали. Алексею удалось продать квартиру, она была в хорошем районе, и многие мечтали сюда переселиться. Проблем с покупателем не было, тем более что гараж для машины был во дворе. Раньше частенько с музыками посиживали там. Бутылочку-другую брали и скрывались от семейной жизни, от своих жен, хотя все до одной прекрасно знали, где они находятся и для чего туда ушли, но не препятствовали мужьям. Пусть посидят, по душам поговорят. Всё на глазах, а не где-нибудь в забегаловке на окраине города. А когда нужно было, выходили на балконы и звали своих мужей, и они потихонечку расходились, ссылаясь на многочисленные дела. Квартира продана, гараж тоже. Следом удалось продать дачу. Пусть не так дорого, как хотелось бы, но всё же забрали. А Алексею было жаль дачу. Она досталась ему по наследству от родителей. Уютный домик с открытой верандой, участок земли, на котором росли яблони и две груши, немного смородины и малины,

клубника была – крупная и вкусная, а дальним концом участок упирался в берег озера. И там была калитка, а в воде стояли мостки. И после работы Алексей частенько спускался к воде. Если позволяла погода, скидывал грязную одежду и, охая и вздрагивая, заходил в озеро, окунавшись с головой, а потом саженками плавал неподалеку от берега, а Гера охала и всё звала его, чтобы прекратил беситься, словно маленький ребенок, и вышел на берег. И грозила пальцем. Да, всё у них было, а теперь ничего не осталось. Ничего, кроме памяти...

Алексей до последнего надеялся, что жена откажется от поездки и останется с ним. Все же столько лет были вместе. Дочка и сын родились. Погодки были. Школа за плечами. Готовятся в институт, а потом ждет дорога в жизнь. Но жена не захотела ждать еще несколько лет, пока они одолеют институт, сказала, что там выучатся, тем более это время принесет для них больше пользы, чем если бы остались здесь. Все же новая страна, изучение языка и планы на будущее там, а не здесь. За годы учебы можно многому научиться. И она надеялась именно на это. А Алексей, чего уж тут греха таить, как бы они ни ругались, а жизнь-то прожили. Пусть не всю жизнь, а большую ее часть, но были вместе, и он в душе надеялся, что появится какая-нибудь причина и семья останется. Вернутся, а квартира продана. Да и Бог с ней – с этой квартирой. На первое время нашли бы жилье, а там что-нибудь придумали. Деньги от продажи остались. Можно было новую взять или себе однушку и детям на будущее присмотреть, или коттедж за городом и переехать туда, как многие делали, бросая города и подаваясь в природу, чтобы оставаться наедине с природой. Но объявили посадку. Он обнял детей. Они что-то говорили ему, перебивая друг друга, он кивал, соглашаясь с ними, а сам смотрел на жену, на Геру, а она отводила взгляд и всё повторяла детям, всё подгоняла. Потом мельком чмокнула его в щеку, пообещала позвонить или написать, и они ушли, а вскоре он увидел, как вырулил самолет на взлетную полосу, постоял, ожидая взлета, и стал набирать скорость, разгоняясь все сильнее и сильнее, и взлетел. А у Алексея, чем быстрее шел разгон, а потом самолет пошел на взлет, внутри него словно струнки лопались: дзинь, дзинь, дзинь...

И, вернувшись в пустую квартиру, в которой были только стул, продавленное кресло и чайник с кастрюлькой на плите, а остальное все распродали по-дешевке, Алексей запил. Крепко! Надолго запил, пытаясь заглушить в себе не разрыв, а потерю семьи. Но с каждой выпитой бутылкой становилось хуже и хуже. Боль и тоска не отступали. Они поселились в нем надолго, они были в каждой клеточке организма, и избавиться от них не было никакой возможности.

Жена обещала позвонить или прислать письмо. А куда звонить, если телефон сняли, и куда письмо придет, если квартира продана. На этот адрес, но когда? Ведь ему нужно освобождать жилплощадь для других. Они уже несколько раз приходили, но Алексей был в таком состоянии, что с ним невозможно было разговаривать, да и смотреть на его опухшее и обросшее щетиной лицо тоже не тянуло. Но с каждым приходом новые жильцы, все чаще и чаще его потирали, чтобы он покинул квартиру. Иначе... И многозначительно тыкали пальцем в потолок. Видать, хотели напугать. В другое бы время Алексей, может быть, испугался, а сейчас ему было все равно, что его ждет. Милиция приедет или какие-нибудь амбалы ввалится, переломают руки-ноги и выбросят на улицу. Ведь он же стал никем и ничем в этой жизни, лишившись семьи и детей.

– А где будешь жить? – сказала жена, когда пришло время продать квартиру и дачу, но было видно, что она спросила так, для проформы, можно сказать, потому что она уже в мыслях подсчитывала деньги и думала, что можно будет приобрести там, где их ждет дядюшка Вилли, который бывший Володя. – Где станешь жить?

– Не волнуйся за меня, – Алексей пожал плечами. – Я на своей родине останусь. Здесь каждый кустик приютит меня, ведь лето в разгаре. Ладно, я пошутил. Что-нибудь придумаю. Ну, сниму квартиру на первое время или на даче у знакомых поживу,

а может, женюсь на какой-нибудь деревенской бабе, у которой никакой родни нет в других странах, и она нарежет кучу ребятишек, а я стану с ними нянчиться...

Сказал, взглянул на нее, вроде улыбнулся жене, а у самого в глазах боль – долгая и тоскливая.

– Ну, если надумаешь жениться, я не стану препятствовать, – ровным голосом, словно говорит робот, сказала она и покачала плечами, принимая его шутки за чистую монету. – Может, правда, для тебя – это лучшая жизнь, к которой ты стремился, но я не смогла и не помогла воплотить твои мечты в жизнь. Извини!

Сказала, а в глазах – ничего, словно она не с ним разговаривала, а со стеной.

А у него опять полыхнула щемящая боль в глазах, но жена не заметила, и было видно, что она вообще не задумывалась, как он останется один без средств существования. Она уже была в мыслях далеко, и ему не нашлось местечка в ее будущей жизни.

В один из вечеров Алексей долго бродил по пустой квартире, заглядывая в углы, гремел на балконе, выискивая бутылку, но ничего не обнаружил. Долго сидел на табуретке, посматривая вниз, а в душе пустота. Он уж запутался в днях, не помнил, сколько дней заливает горе. Наверное, сколько ни пей, а горе не зальешь, лишь сильнее себя растранишь, все больше будешь себя жалеть и обвинять других. Он наклонился, всматриваясь в вечерние сумерки. Земля притягивала. Хотелось перевалиться через перила, и всего лишь несколько мгновений страха, а потом его не станет. Он бы, наверное, даже не закричал, если бы полетел вниз. Всё надоело и жизнь – тоже. Всё осталось в прошлом, а будет ли будущее – он не знал. И спроси у него сейчас, ты хочешь будущее, а он бы в ответ лишь плечами пожал. И не потому, что не знает, а для чего ему это будущее, если вся его жизнь осталась в прошлом. А может, и правда, напиться до чертиков, чтобы не так страшно было, и шагнуть вниз, чтобы этим шагом оборвать все проблемы, потому что устал от жизни, а другой уже не будет. Он опять принял бродить по квартире, а сам не мог успокоиться, вспоминая семью. И ругался, и слезы вытирали, и опять раздавался мат, но в то же время где-то глубоко в душе он думал, а может, правильно она сделала, что уехала отсюда. Если на родине предков не найдет счастья, отправится в другую страну, а там, глядишь, повезет, и жена с детьми заживут счастливо. Ведь другие люди живут, значит, и она должна устроиться в той незнакомой для нее жизни, которая называется родиной предков. Но станет ли для нее чужая страна родиной – этого жена не знает, а он – тем более. А потом отправился в магазин, чтобы взять побольше спиртного, напиться до чертиков, выйти на балкон и...

Он долго бродил по вечерним улицам. Торопиться некуда. Зашел в магазин. Стоял возле прилавка, пересчитывая деньги, но взял всего лишь две бутылки, сунул в пакет и опять побрел по улицам. Давно не ходил, чтобы вот так бесцельно шагать и ничего не думать, а просто идти и смотреть по сторонам. Кто знает, может, он в последний раз видит родной город. И не торопился. Хотелось растянуть это удовольствие, гуляя по городу. Казалось бы, он вырос здесь, и каждая улица, каждый переулок, а тем более старинные дома ему известны до последней трещинки. Ведь раньше, сколько они гуляли по городу. Везде были, а бывало, на спор бежали к скамейкам, кто быстрее усядется, того она и будет, и весь вечер подсчитывали, кому удалось больше всего занять скамеек. Вроде мелочь, а в то же время – целая жизнь в этом отрезке времени...

Не заметил, как добрался до заросшего парка, где они любили проводить время осенней порой, когда наступало бабье лето, когда летели паутинки, и казалось, воздух сверкает, и повсюду с тихим шорохом опадали листья. Желтые и еще зеленые, красноватые и совсем коричневые. Они были повсюду. И под ногами, и в воздухе и над головой, и казалось, что они с семьей находились не только среди них, но и внутри осени. И это было настоящим чудом...

Алексей бродил по аллейкам парка. Сейчас лето, и нет того осеннего благолепия в природе, но все равно, даже летней порой здесь прекрасно. Редкие фонари пробиваются сквозь зеленые кроны деревьев, освещая маленькие пяточки на земле. Там и сям виднеются скамейки. Редкие парочки на них. Одни просто сидят и потихонечку переговариваются, словно опасаются нарушить вечерний покой, а другие сидят в обнимку и нет-нет целуются. А там прогуливаются. Вроде уже поздно, но по аллее неторопливо идет пожилая пара. Он, несмотря на теплое время, в строгом костюме, галстук заметен, шляпа на голове, при ходьбе опирается на большой сложенный зонт, на который можно опереться, как на клюку, а сбоку, прижимаясь к его локти, семенит старушка в темном платье почти до пят, из-под которого видны белые носочки, а на ногах открытые босоножки. Теплая кофта на плечах и небольшая кокетливая шляпка на голове. Они прошли мимо Алексея, не замечая его. Старики редкий раз опирался на зонт, что-то вполголоса говорил старушке, и она кивала ему, соглашаясь. И никого для них не существовало в этом мире. Были только они, старый заросший парк и этот вечер, где им было хорошо...

Алексей ушел в дальний угол парка, который одной стороной примыкал к жилым домам. Присел на скамейку, и опять закружились мысли. Хотел было выпить и даже вытащил бутылку из пакета, но, подержав в руках, сунул обратно, заметив не-подалеку парочку, сидевшую на скамье. Здесь всё же парк отдыха, а не распивочная, хотя кто его остановит, и снова рука непроизвольно взялась за бутылку. Порыв ветра. Зашумели кроны над головой, и откуда-то донесся едва уловимый запах. Вкусный запах, сладкий и чуточку с горчинкой. Он что-то ворохнул в его душе, словно пробуждая, но ветер затих, и волнующий запах тоже исчез.

Алексей закрутил головой. Поднялся. Думал, ошибся, но снова порывом ветра донесло этот знакомо-забытый запах прошлого. Он задумался, пытаясь вспомнить всё, что было связано с ним. А потом торопливо зашагал к домам, примыкающим к парку. Освещенные окна, кое-где открыты настежь. Лето и жара давали о себе знать. И тут снова что-то знакомое мелькнуло в воздухе. Он остановился. Закрутил головой и торопливо зашагал к ближайшему окну, створки которого были распахнуты. Остановился возле него. Глубоко вдохнул и затаил дыхание, а потом в душе заскребло. Сильно скребануло, до крови, до далекого прошлого. Алексей не удержался, застонал и мотнул головой. Ну, как же он мог забыть этот запах. Нет, запах клубники он каждый год чувствовал, когда жена варила варенье. Дети любили его, и жене приходилось помногу заготавливать. И Алексей не придавал ему значения. А тут он был более густым, более насыщенным. Таким бывает, если варенье переварится и всего лишь чуточку подгорит, и тогда запах от него такой густой, что можно брать ложку и пробовать на вкус. Но в тот же миг клубничный запах напомнил ему далекое прошлое, когда он учился в техникуме, и летом, когда пошел сбор клубники, друг позвал его съездить к родственникам в соседний городок. Казалось, городок ничем не примечательный. Таких много на Руси. Небольшой, старинный, больше похожий на деревню, чем на город. Сонные тихие улочки. В пыли копошатся куры. А там заблеяла коза, привязанная к забору. Видать, хозяйку звала, а может, ждала, но ее хозяйка где-то задержалась и забыла про свою кормилицу. Но дело не в этом. Когда они приехали и направились улочками к родственникам друга, отовсюду доносился запах клубники. Казалось, весь городок варит варенье, и это было необычно, потому что, кроме клубничного запаха, других тут не было. Из каждого двора, из каждого распахнутого окна доносился тягучий сладко-приторный запах немногого переваренного, а потому густого и ароматного варенья.

Уже ближе к вечеру родственники друга засобирались в гости, предупреждая, что вернутся не скоро, можно укладываться спать, не дожидаясь их. А следом засобирался друг, у которого здесь была девушка. Алексей отказался его сопровождать. Остался. Посидел на крыльце, а потом зашел в сад, где тянулись грядки с клубникой,

а ее было красным-красно. И не удержался, присел на корточки и принялся обрывать одну за другой. И поперхнулся, когда из-за забора донесся тихий девичий смешок. Он вскочил, закрутил головой, и снова послышался смешок, а потом качнулись кусты малины, и возле забора показалась худенькая девушка в простеньком платье, выцветшие волосы заплетены в косички. Она стояла, крутила одну косичку между пальцами, а сама того и гляди расхохочется, глядя на его лицо, испачканное клубникой. И засмеялась, а потом она прислушалась, оглянулась на свой дом и поманила его пальцем. Сам того не ожидая, Алексей шагнул к ней...

– Вы к Филимоновым приехали? – неожиданно сказала она, когда Алексей прошел в дыру забора и чуть ли не нос к носу остановился перед ней.

Алексей непроизвольно пожал плечами. А ведь он и правда не знал, как фамилия хозяев, к кому приехал с другом.

– Я с Петькой Марковым приехал к его родственникам, а как фамилия, не знаю, – хрюпаво-осевшим голосом чуть ли не прошептал Алексей и невольно оглянулся, не услышит ли кто-нибудь. – Я с Петькой... Вместе учимся...

Девчушка прыснула, и тут же едва заметные веснушки разбежались по лицу. Она чуть придинулась. От волос пахнуло ромашками, и она принялась поправлять их, и вот здесь-то Алексей почувствовал густой сладкий привкус клубничного варенья. Казалось, протяни руку и, если не обожжешься, попробуешь его. И Алексей не удержался. Взял ее руку в свою и уткнулся в узкую ладошку, вдыхая этот клубничный запах, словно пил его. И застыл, не выпуская руки.

И девушка стояла и молчала, продолжая держать свою руку в его ладони.

– Это вареньем пахнет, – неожиданно тихим голосом сказала она. – Много уродилось клубники. Все заняты вареньем и мы тоже, – а потом сказала. – А пошли на речку? Я свое место покажу.

И они пошли.

Небольшой обрыв, на краю толстое бревно, и было видно, что она здесь чащенько бывает. Высохший пятак травы под ногами, листок бумаги исписанный, а рядом шариковая ручка валяется. Она вдруг смутилась. Подхватила ручку и листок и торопливо подсунула под бревно, подальше с глаз. Присела. Похлопала ладошкой по бревну, приглашая его. И Алексей присел, но ему казалось, что от нее до сих пор пахнет пригоревшим клубничным вареньем, а запах густой и тягучий, хоть пробуй его...

Они долго сидели возле речки. Говорили обо всем, но в то же время ни о чем. То взахлеб что-то рассказывали друг другу, то надолго умолкали, и снова перебивали друг друга, словно всю свою жизнь хотели уместить в один разговор.

– Алешка, хочешь купаться? – неожиданно она вскочила и, не обращая внимания, рывком сдернула платьишко, оставшись в белых трусиках. – Беги за мной!

И, съехав с обрывчика, она в вечерних сумерках пробежала по мелководью и забархатилась, поднимая брызги.

Алексей не ожидал этого. Остался на бревне. Танечка смеялась, шлепая руками по воде, а у него перед глазами стояла картина, как она сорвала платье, и перед ним мелькнула маленькая грудь. И Алексей растерялся. А может, напугался, потому что еще никогда с ним такого не происходило, и поэтому остался на берегу, а не помчался вслед за ней.

И снова перед его лицом мелькнула девичья грудь, когда Танечка выбежала на берег и, балуясь, принялась носиться возле него, брызгаясь водой. А потом, кое-как натянув платье, она присела рядом и притихла.

– Ты, наверное, думаешь, что я дурочка? – тихо сказала она. – Ни с того, ни с сего кинулась купаться, да еще в таком виде.

– Нет же, нет! – вскричал Алексей, схватил ее за руку и снова уткнулся в ладошку, и опять показалось, что от нее исходит густой и тягучий запах подгоревшего

клубничного варенья. Не речной водой пахло, а вареньем, и это было необычно. – Нет-нет, Танечка, я так не думаю! Ты самая удивительная девушка, которую я встретил на своем пути. Ты необычная, ты словно из прошлого появилась, чтобы со мной встретиться. И мы встретились...

Сказал и снова прижался лбом к ладошке.

– А ты хочешь еще встретиться со мной? – снова тихо сказала она. Так тихо, будто ветер прошелестел по листве. – Вот здесь, вот на этом же месте...

– Да-да, конечно! – опять вскричал он и вскочил, продолжая держать ее руку.

– Да, хочу, чтобы мы виделись. Но я со дня на день уеду на дипломную практику. Через несколько месяцев вернусь.

– Я буду тебя ждать, – она похлопала ладошкой по бревну. – Вот здесь буду ждать. Всегда. Всю свою жизнь. Ты веришь мне?

Она посмотрела на него, а взгляд словно обжигал, будто в душу хотела заглянуть, и ему становилось не по себе от этого.

– Да, конечно, верю! – он закивал головой. – Как только вернемся с практики, я приеду. А потом будет защита диплома. И я приеду, чтобы...

И не смог сказать, замолчал.

– Я всё знаю, – она провела ладошкой по его щеке. – Знаю, что придешь. Вот сюда, – она снова ткнула пальцем в бревно. – Вот здесь мы опять встретимся. А теперь пошли...

Она поднялась и пошла впереди него. Плечи поникли, голова опущена. Она шла медленно, о чем-то думая. А возле калитки остановилась. Прижалась к нему. Крепко. Сильно. Схватила в ладони его лицо и долго смотрела ему в глаза, а взгляд у нее был какой-то бездонный. Снова всем телом прижалась и оттолкнула.

– Иди, – поблекшим голосом сказала она. – Но помни, я буду ждать тебя. Иди...

И сама направилась к своему дому, ни разу не оглянувшись.

А на следующий день они уехали. Дружок посмеивался над ним, что с Танькой-дурочкой гулять ходил, а он возмущался, да никакая не дурочка, а самая что ни на есть нормальная девчонка. А дружок отмахнулся – дурочка!..

Много лет прошло с той поры. За повседневными заботами-хлопотами как-то стерся образ той милой Танечки. Закружили дела, практика, защита диплома, потом работа и неожиданная встреча с Герой, которая и решила его судьбу, а может, помогли решить еще слова дружка, что Танюшка – дурочка. И всё, что у него было в памяти о том необычном и даже немного странном вечере, как-то незаметно исчезло. А сейчас, по прошествии стольких лет, вдруг неожиданно всплыло и так ярко, с такими подробностями, что он даже помнил привкус этого подгоревшего варенья и ее узкую ладошку и милые мелкие веснушки, которые разбегались в разные стороны и прятались среди морщинок, когда она смеялась. И тот взгляд, словно в душу заглянула. Заглянула и там осталась, чтобы через много лет напомнить о себе. И Алексей поспешил домой. Заторопился, чтобы вновь встретиться с ней, с той девчонкой из далекого прошлого, которая обещала, что дождется его...

Он подхватил сумку, где была смена белья, рубашка и джинсы, бритва и зубная щетка, ну, и пара книг, конечно, и всё на этом. Всё, что осталось у него от семейной жизни. И Алексей поспешил на вокзал.

Подошел автобус. Он присел на боковое сиденье и уткнулся в стекло. Салон наполнялся пассажирами. Вскоре прохрипел динамик. Мотор взревел, и автобус отправился в соседний городок, но, скорее всего, что в его прошлое. Ведь столько лет прожил, сколько раз бывал в том городке, и ни разу в душе не ворохнулось, словно ее и не было вовсе – этой Танюшки, которая обещала его дождаться. И не было вечера на реке, когда она сбросила платье и помчалась в воду, а потом вышла из воды, а по коже мурашки пробежали и ладони пахли не речной водой, а клубничным густым вареньем, и это было удивительно, она словно пропиталась этим запахом.

А когда мелькнул пригород, сердце защемило. Куда, для чего он поехал, на что понадеялся? Столько лет прошло. Вечер у реки – всего лишь мгновение, но в то же время – это целая жизнь, где он, как ему казалось, был счастлив. Да-да, в то время он был по-настоящему счастлив, а сейчас... Сейчас он не знал. И получается, ехал в неизвестность...

Казалось, время застыло в этом старинном городке, когда он вышел из автобуса и пошел по узким сонным улочкам, залитым солнечным светом. Всё так же копошились куры в пыли, у забора привязана коза, которая продолжала ждать хозяйку. Но главное, как и в те времена, вокруг был запах клубничного варенья, а может, он сам находился в этом столь дорогом для него запахе. Тягучий, сладкий и чуть пригоревший, он со всех сторон окружал Алексея и был таким плотным, что казалось, протяни руку и попробуешь его.

Алексей долго бродил по сонным улочкам в поисках нужного дома. Он уж давно забыл, где находился дом, куда он приезжал с дружком, а теперь приходилось ходить и чуть ли не в каждый двор заглядывать, надеясь, что там увидит Танюшку. Ту Танюшку, из своего прошлого, у которой ладошки пропахли клубникой. Ту Танюшку, у которой взгляд обжигает, словно она в душу заглядывает. Скорее всего, заглянула и там осталась, а он не увидел, не понял ее и за повседневными заботами забыл о ней, а сейчас вспомнил. Для чего? Он не знал...

– Что в каждый двор заглядываешь? – неожиданно раздался старческий голос, и Алексей увидел сухонькую старуху, которая сидела на крыльце и перебиралаальный таз клубники. – Уж продаю-продаю, а она не заканчивается. И варенья наварила, и настоечку сделала, а она прет, как на дрожжах. Вот, еще разок сделаю варенье для внучат и больше не стану собирать. Устала! Пущай гниет, – и опять сказала, приложив ладошку к глазам. – Что заглядываешь, аль кого разыскиваешь? Не припомню тебя...

Сказала и развела руками.

– Я всего лишь один раз приезжал с другом, – он запнулся, нахмурился, а потом шлепнул по лбу. – Мы же к его родне приезжали, к Филимоновым. О, вспомнил!

И опять шлепнул по лбу.

– Филимоновых на мазарки снесли, – старуха махнула рукой, показывая на кладбище. – Давно уж снесли, а в доме дочка Филимоновых живет. К ней, что ли приехал? Так она за мужиком...

– Нет-нет, не к ней, – отмахнулся Алексей. – У них соседка была, Танечкой звали. Худенькая девушка с косичками ходила. Вы не скажете, где она сейчас?

И застыл, ожидая ответа.

– А, дурочка, что ли? – протянула старуха. – А что с ней сделается-то? Здесь она. С ранней весны и до поздней осени бегает на речку. Будь потеплее, и зимой бы помчалась, дурочка. Всё ждет кого-то, – и тут же глянула на него. – Вот скажи мне, мил-человек, разве умная баба станет всю жизнь кого-то ждать, а? Нет, конечно! Умная бы давно замуж вышла, детишек нарожала и мужика бы ублажала, а этой дурочке нечем заняться, вот и бегает на речку, – сказала, а потом нахмурилась и принялась всматриваться в него. – А слушаем, не тебя ли она поджидает?

И, прищурившись, внимательно поглядела.

– А где она? – у Алексея внутри всё скжалось. – Где Танечка?

Алексей не стал отвечать на ее вопрос. Не хотел, а может, не решился. И ответ старухи резанул – дурочка...

– Так это... – старуха вновь махнула рукой. – Одна живет. Родителей скоронила. Ой, давно уж померли! Вот с той поры одна и одна. Умная баба мужика бы в дом взяла, а она всем от ворот поворот показывала. Дура, как есть – дура! – и снова пристально взглянула на него. – Я ж говорю, на речке она. Сидит и ждет, когда он заявится, – и ехидно так сказала. – На своем месте, если знаешь его.

Алексей закивал головой, а потом заторопился вдоль улицы, не замечая, как старуха навалилась на забор и долгим взглядом провожала его, а сама что-то шептала, покачивая головой. Может, Танечку опять называла дурочкой, как все звали ее, а может, радовалась за нее, что дождалась его, а сложится ли жизнь или снова не того дождалась – это жизнь покажет...

Алексей проулками добрался до реки. Долго шагал вдоль берега. Остановился. Оглядывался. Столько лет прошло. Всё изменилось. Он хмурился, пытаясь вспомнить те времена, и снова пускался в дорогу. А потом спустился по пологому склону, прошел рощей до речки и оказался на небольшом обрыве, где все так же лежало старое бревно, но сейчас казалось, что оно стало поменьше – время не щадит ничего, а деревья – тем более. А на бревне спиной к нему сидела худенькая женщина в простеньком платье. Не русые выгоревшие, а седые волосы заплетены в косички. В морщинистых руках блокнот и ручка. Она сидела, смотрела на речку, на воду и небо и что-то писала в блокноте. Остановится. Задумается. Потом едва заметная улыбка на лице, и снова о чем-то пишет...

– Танечка... – сначала несмело позвал Алексей и увидел, что женщина вздрогнула, услышав его голос, и он уже погромче сказал. – Танечка, я вернулся. Да-да, я обещал, что приеду. Пусть поздно, но я...

И не договорил. Замолчал и смотрел на нее, как она медленно, словно еще не веря, поворачивалась к нему.

Алексей увидел перед собой давно не ту Танюшку, с которой провел вечер возле реки. С которой смеялся и жаром обдало, когда она скинула платье и помчалась купаться, а в вечерних сумерках была видна ее девичья грудь. И не та Танюшка, веселая и смешливая, а порой серьезная, которая все допытывалась, приедет ли он, а она будет ждать. Столько ждать, сколько потребуется, и прижалась к нему – крепко, всем телом. И не было сейчас русых косичек, исчезли мелкие веснушки в частой сетке морщин. А когда она шагнула к нему и заглянула в глаза, ему показалось, она заглянула в душу. Танюшка молчала. Смотрела на него, а потом присела на бревно и похлопала узенькой ладошкой по нему. И Алексей присел. Взял ее ладошки и уткнулся в них, и вновь ему почудилось, что от них исходит тягучий приторный запах клубничного варенья. И показалось, что снова он вернулся в далекое прошлое, где были они и река, тот вечер и долгий разговор, и её руки, пахнувшие клубникой.

– Алеша, я знала, что вернешься, – сказала она. – Ты не изменился. Всё такой же молодой и так же, как в нашу первую встречу, уткнулся в ладони. А я снова варенье варила. И опять недоглядела. Подгорело. Мыла руки, мыла, а запах так и остался.

Она говорила и говорила, смотрела на него, пытаясь заглянуть в глаза, а может, в душу, но Алексей опускал голову, избегая взгляда. Вот она, Танечка, а в то же время ее не было рядом с ним. Не было той Танечки, которой он обещал, что вернется. И на что он надеялся, когда поехал сюда, – Алексей не знал. И его не было, того стеснительного и восторженного паренька, который, какказалось ему, с первого взгляда влюбился в эту сумасбродную девушку с косичками, которой пообещал, что вернется, но за повседневными заботами забыл про нее, а потом встреча с Герой изменила всю его жизнь, а теперь на бревне возле реки сидит седая поблекшая женщина и он – пока еще не старый, но уже больной человек, который непонятно на что надеялся, когда отправился сюда. Прошлое не вернешь, а будущее уже не построишь – это нужно было понять и принять...

– Танечка, мне пора уезжать, – вскоре сказал он и опять вдохнул запах клубники, а потом, едва касаясь, поцеловал жесткие мозолистые ладошки. – Мне пора...

Сказал и поднялся.

– Алеша, ты, наверное, думаешь, что я дурочка, – старая женщина пыталась удержать его руки. – Столько лет прождала тебя. А ты появился и снова уезжаешь.

– Нет же, нет, – вскричал Алексей. – Ты самая прекрасная девушка, которую встречал в своей жизни, но мне нужно ехать.

– Ехать? – она сказала задумчиво, поднялась с бревна, потянулась к нему и внимательно посмотрела в глаза, словно в душу заглядывала, а потом отпустила и тихо сказала. – Ты вернешься, Алеша?

– Да, конечно, я вернусь! – опять вскричал он, подхватывая сумку. – Настанет время, и приеду к тебе. Обязательно вернусь!

– Я буду ждать, – она похлопала ладошкой по бревну. – Вот здесь буду ждать. Год, а может, два, пять или десять лет, да какая разница. Всегда. Всю свою жизнь буду ждать тебя. Придешь?

Она посмотрела на него, а взгляд обжигал, будто в душу заглянула, и ему стало не по себе от этого.

– Да, я вернусь, когда наступит лето и в воздухе запахнет клубничным вареньем, – Алексей закивал головой. – И я приеду к тебе, чтобы...

И не смог сказать, замолчал.

– Я знаю, – Танечка провела ладошкой по его щеке. – Знаю, что вернешься. Вот сюда, – она снова ткнула пальцем в бревно и повторила. – Через год или два, через пять лет или десять, но вернешься. Вот здесь мы встретимся, как в прошлый раз, как и сегодня, так и в будущем. А теперь иди... – Нет, подожди, – она прижалась к нему всем телом, пытаясь заглянуть в глаза, а потом оттолкнула. – Иди...

И Алексей поспешил на вокзал, чтобы успеть на последний автобус.

...Миловидная стюардесса появилась в проходе между креслами. Улыбаясь, она сказала, что вскоре лайнер совершил посадку и всем нужно пристегнуться ремнями безопасности, а потом стала говорить на немецком и английском языках. Алексей покосился в иллюминатор, за которым было видно облачное небо и редкий раз в просветах мелькали реки и леса и тут же исчезали, а потом вдалеке появился город.

– Ну вот, Алексей, теперь здесь наш дом, – сказала Гертруда и погладила по плечу, словно успокаивала. – Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше, как в России говорят. Здесь совершенно другая жизнь, которая тебе обязательно понравится...

Алексей не ответил. Ему не хотелось думать о будущем, которое было каким-то расплывчатым и нетвердым. Но в то же время не хотелось возвращаться в прошлое, от которого он сбежал, оставив ту единственную, как казалось, которую он любил многие годы, и она обещала ждать его – год или два, пять или десять лет – всю жизнь, а он пообещал вернуться. Обещал, но не вернется, потому что понял, что время ушло и поздно что-то менять в этой жизни. И тут ему показалось, что откуда-то донесся запах свежей клубники, невольно напоминая о прошлом, напоминая о Танечке. Ведь он же хотел забыть о прошлом, но почему же так сладко заныло сердце, когда в салоне пахнуло клубникой и ему показалось, что сейчас появится Танечка в простенъком ситцевом платье, подойдет к нему, и он уткнется в узкие ладошки, пропахшие клубникой, вдохнет и затянет дыхание...

– Все, Алексей, выходим, – сказала Гертруда и кивнула на иллюминатор. – А вон дети встречают. И дядя Вилли с машиной ждет. Торопись...

И она поднялась.

Алексей опять выглянул в иллюминатор, и среди встречающих он заметил детей, которые стояли и махали руками, привлекая к себе внимание, что они здесь, они ждут и радуются, что наконец-то отец с ними. Алексей нахмурился, а потом едва заметно улыбнулся, поднялся и нерешительно шагнул по проходу, но с каждым шагом он все тверже и тверже ступал по нему, навсегда прощаясь с прошлым, и шагал на встречу будущему, а каким оно будет – он не знал...

ВИКТОРИЯ ГРЕКОВА

(Донецк)

Автор сборников стихов: «Город, который умеет любить» (2016г.), «Я остаюсь, чтобы жить» (2023) и книга детских стихов «Космическая сказочная азбука» (2022).

**Бедный дом души счастливой
очень прост.**

**Три стены – роддом, крестины
и погост.**

**В изголовье сложен запах твой и смех.
Этот дом открыт ветрам.
Он не для всех.**

**Его окна – твои дети –
солнца след.
В этом доме нет шкафов,
скелетов нет.**

**Лишь любви моей
холодная вода.
Если хочешь –
оставайся навсегда.**

**Когда я отправлюсь домой,
не знаю куда, но домой
из этой уставшей планеты,
скажи, ты же выйдешь со мной,
не знаю когда, но со мной
из лета?**

**И если я вспомнить смогу,
не знаю лишь как, но смогу,
что пахнут крылами тюльпаны,
я в солнца твои убегу,
в дыханье твоё убегу,
в карманы.**

**Так больно вдруг станет в груди,
в моей несейчасной груди
от бликов и запахов сада.
Ты лучше за мной не иди,
пусть я позову – не иди,
не надо.**

Глазницы ветвей опустели.
Ослепший ноябрь за дождём
тоскует в каштановом теле,
стучится в заброшенный дом.

В заброшенном доме лучина
бросается тенью в кота.
И вышедший в морок мужчина.
И женщина спит, да не та.

Не те ослабевшие ноги
танцуют судьбу с ноябрём.
Немного, немного, немного,
чуть-чуть подождать – и пойдём,

вкрадёмся в разорванный полог
на самой на крайней стене.
И, сбросив ветшающий морок,
ты снова вернёшься ко мне.

Возьмёшь мои рыжие пальцы,
волос уяданье и стон.
И осень прошьётся на пяльцах
крестом.

Истошился в стылые туманы
карантинный висельный ноябрь.
Небо в прохудившихся карманах
носит дождь и морочность. И хмарь

протравила ложью лужи, души.
По ветру шарахнется листва.
Дымом в небо: – Господи, послушай,
Ты мне знаков вещих не давай.

Не давай навыворот одежды.
Ни зеркальной трещины в траве.
Ни с ведром встречающей Надежды.
Ни собаки, воющей на дверь.

Пусть крылом не плачет птица Сирин
В серогрустъ озябшего окна.
И с небес, уставших, блеклых, сирых
не манит растущая луна.

Треплются обрывки мыслей куцых,
хлопают, как рваный парус. Ну
дай мне завтра, Господи, проснуться
там же, где сегодня я усну.

* * *

Так больно мне, когда приходит вечер
На спинах чёрных бархатных котов.
А в их глазах я – вечное ничто.
А в шерсти их проблескивает вечность.

Мигают звёзды рыбьим плавником.
Сижу с котами в кресле возле печки.
И время – то, которое не лечит,
Вливается в их пасти молоком.

Слышнее шаг дряхлеющей зимы,
И гуще боль, заполнившая горло.
Горит в печи родной безумный город,
И за котами вслед уходим мы.

* * *

Мозг отключается, и немеют руки.
Знаешь, как холодно, когда мёрзнет сердце?
Всякого плачущего взять на поруки.
Всякому страннику поесть и согреться.

Время разбрасывать и бросаться.
Лучше б каменьями, чем такими фразами.
Всякой сестрице – здорового братца.
Всякому царству – мира и сразу бы.

Тучи тяжёлые рваным строем.
Я же как бабу – простая баба:
– Царице Небесная, не надо героем,
мне бы живого увидеть.
Нам бы...

* * *

Сон навалился грузно,
Словно сосед в трамвае.
Я робинзоном крузо
В сердце своё вплываю.

Мимо аорты устья,
Сгорбленной птицей в лодке,
Я собираю грусти
Жёлтые самородки.

Мутных ошибок грани
Больше не могут ранить.
Я наберу в карманы
Самую злую память.

Спазма привычной терцией
Всхлипнут сосуды. Будто
Тихо стучат у сердца
Камни. Слова. Минуты.

Приходи сегодня. Лето на исходе.
Толстый хруст арбуза на изломе пьян.
Сквозь жару и дрёму подступает холод.
Паучиха-осень липкий ткёт туман.

Приходи сегодня. Завтра будет вьюга.
А сейчас так хрупки августа шаги.
Опадают краски солнечного круга.
Проступают судеб бледные круги.

Пробегая ливнем по моим страницам,
поцелуешь мягко точки и слова.
Почему-то ярче тех, ушедших, лица.
Приходи сегодня. Пока я жива.

лужи такие лужи
каркает небо простужено
пару недель ему литься
в сердце моё и листья

тихо зима вступает
в хрупкую жёлтую память
первой весенней почки
вселенная в одиночке

космос стрелял листами
и вот он желтеет тает
стелется пледом шуршащим
из прошлого в настоящее

мы пробегаем насквозь
и забываем ласку
мокрых роскошных листьев
такие
зимние лица

Рыжими носками греют листья
Вымокшие ноги ноября.
Ветер носит выцветшие лица.
В городе смеются, говорят,

Плачут, ненавидят, обнимают,
Умирают, падают с вершин.
Только в сердце осени – сама я.
Только ты – за осенью – один.

И не будет правильных ответов
На простое: «Здравствуй. Как дела?»
Только уходящим горьким летом
Вязнет в снах кленовая смола.

Тихонько выходила на порог
Осенней ночи.
Неспящих окон меркло серебро.
Рвалась непрочно

Сплетённых судеб мятая канва.
Во сне влюблённо
И жёлтые, и красные слова
Шептали клёны.

И ветер, мой неосторожный вор,
Калиткой хлопал.
Я распускала сотканный ковёр.
Спи, Пенелопа!

осеняю себя осенью
простилаюсь сонной просинью
неба пьяная запазуха
меня прячет между росами

между росами и травами
между лживыми и правыми
буду липнуть соком яблочным
и дождями землю вспарывать

буду вспарывать обмётывать
прошивать зрачками вётлами
твои руки моей осени
крыльекосами залётными

залетели крылья сбросили
потекли простоволосые
мои реки руки лебеди
осеняют меня осенью

Давайте жить,
хорошие,
легко и осторожно.
Не злобно и не брошено,
в режиме «всё возможно».

Давайте так надеяться,
чтоб исключить случайное.
Вам верится?
Мне – верится.
Пусть хрупко, пусть отчаянно,

пусть вопреки, не вовремя,
но – сквозь сцепленье судорог
я уплываю волнами,
я проживаю судьбами.

Я берегу светильники
тех жизней, что мне вручены.
Переживём, мы сильные.
А может быть, –
везучие?

Сегодня вдруг пришла война.
Схватила бабушку за косы
и дикой птицей безголосой,
бosoю, зашвырнула на
вагоны, рельсы, снег, откосы.
Скирала красоту война.

Сегодня вдруг пришла война.
Сманила деда в чисто поле
и голодом, слезами, болью
лишала деда жизни, сна.
И даже света. Даже воли.
Украла молодость война.

Сегодня вдруг пришла война.
Ввалилась тушью кровавой,
когда поверил кто-то в право
сортами метить племена
людские. И творить расправу
над недостойными сполна.

Сегодня ... вновь ... пришла война.
Она опять стучит в окошко.
Разбитой детскую ладошкой
на душах чертит письмена.
Но мы ослепли все немножко:
и я, и город, и страна.

И дыры времени не сшить,
калеча, воя, убивая.
Но надо мной, в воротах рая,
сидит мой дед, чтобы спросить:
– Когда в твой дом заходит стая
шакалов подлых, всё сметая,
самую жизнь? Как быть, родная?

И я отвечу:
– Будем жить!

ЗЕМЛЯКИ

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

США

РУССКИЕ КОМПОЗИТОРЫ И ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ

Каждый еврей, особенно из иммигрантов, выехавших из Советского Союза, находясь в ресторане, в кругу своих близких друзей, может выложить сразу несколько собственных историй как государственного, так и бытового антисемитизма. Затем добавит к ним примеры от своих родственников и знакомых. Все это будет рассказано горьким обиженным, а главное, торжественным тоном, требующим сердечного сочувствия и, конечно, уважения к пережитому ужасу. Сидящие рядом друзья, получившие дозу здоровой зависти к приятелю, дабы (не дай Бог!) не посчитали их не пострадавшими, наперебой, с завидным рвением, вытащат «свои» классические случаи антисемитизма. В конце концов, все высказавшиеся заканчивают тостом «За благодатную страну (Америку, Германию и пр.), принявшую их в свои дружеские объятия.

Как правило, за таким столом не принято говорить о позитивных моментах – о согражданах, защитивших или, по крайней мере, лояльно относившихся к иудеям.

Сотрапезники (событильники) могут неправильно понять.

А надо бы помнить и хорошее, тогда, может быть, и спокойней и по-доброму вспоминали бы свою родину. Надо признать, что российская интеллигенция – это, конечно, не пресловутый Лапин (Центральное телевидение), и не Фурцева (бывшая текстильщица – министр культуры).

Это прежде всего творческие люди – писатели, художники, артисты, композиторы, ученые и т. д.

Что касается писателей, то, как ни странно, среди них самый большой процент антисемитов. Очевидно, от возможности разглагольствования на эту тему, поощряемую государственными институтами. Поэтому искать среди них сочувствующих евреям весьма обременительно. Кто как не националисты-литераторы вносят угар шовинизма в межнациональные отношения!

Другое дело, ученые, художники, артисты, композиторы. Эти люди, постоянно занятые творчеством, не имеют претензии к другим национальностям.

Мало того, они учатся, перенимают, обобщают, совершенствуют мировое понимание науки и искусства.

Родоначальником понимания еврейской мелодии является русский композитор **Михаил Глинка**. Его романс, известный под названием «Еврейская песня», создавался в 1833 году в качестве вокального номера к трагедии Нестора Кукольника «Князь Холмский». Поначалу ничто не предвещало ему сложной судьбы, скорее, напротив. Кукольник как автор имел мощную государственную поддержку. Либретто новой оперы было лихо закручено и включало рельефные и самобытные образы главных персонажей, например, еврейку Рахилю.

Известно, что накануне написания оперы Глинка вдохновился встречей с будущим прототипом образа Рахили:

«В Берлине я встретился с учителем пения Тешнером, которого знал еще в Милане. Он познакомил меня со своей ученицей Марией. Ей было лет 17 или 18. Она была несколько израильского происхождения; высокого росту, но еще не сложилась, лицом же очень красива и походила несколько на мадонну. Кроме Марии, семейство состояло из

отца, матери и двух братьев. Я начал учить ее пению, написал ей этюды (из одного из них впоследствии аранжировал «Еврейскую песню» для драмы Кукольника «Князь Холмский»), почти ежедневно видел Марию и почувствовал к ней склонность, которую, кажется, и она разделяла».

Глинка не был однозначно нацелен на создание еврейского музыкального колорита. Лишь отдельные ладовые особенности «Еврейской песни» намекают на это. Однако приверженность еврейской теме, несомненно, говорит о его лояльности к этой нации.

Особенно хотелось бы выделить великих русских композиторов, воспитавших плеяду российских композиторов еврейской национальности.

Чего стоит только высказывание гениального композитора **Н. А. Римского-Корсакова**, написавшего одному из своих учеников:

«Я очень рад видеть, что Вы пишете сочинения в еврейском духе. Как странно, что ученики мои – евреи так мало занимаются своей родной музыкой. Еврейская музыка существует; это замечательная музыка, и она ждёт своего Глинку».

Сколько теплоты в этом упреке еврейским композиторам, не увлекающимся развитием своей национальной музыки.

Знакомство **Модеста Мусоргского** с евреями произошло во время полковых маневров, где ему довелось побывать в еврейских местечках. Здесь он впервые увидел за jakiгательные пляски хасидов. Вот как он передал свои эмоции в январе 1867 г. в письме композитору М. Балакиреву:

«Евреи аж прыгают от воодушевления перед... песнями своего собственного народа, которые переходят от поколения к поколению. Глаза евреев при этом загораются благородным, идеалистическим огоньком, и мне не раз пришлось быть свидетелем таких сцен. Евреи понимают больше, чем мы, славяне».

В известном во всем мире музыкальном произведении «Картинки с выставки» – одна из сценок названа «Два еврея: богатый и бедный».

Еще в 1863 г. он написал произведение «Царь Саул» (иначе: «Еврейская мелодия для голоса и фортепиано»).

Через несколько лет, в 1867 г., им были написаны два сочинения на еврейскую тему. Это хор с оркестром «Поражение Сеннахериба» на слова Байрона «Как стая волков голодных на нас враги набежали» (Речь идет о неудавшейся осаде Иерусалима в конце 8 века до н. э. ассирийским царем Сеннахерибом) и на стихи поэта Льва Мея, переложение «Песни Песней» царя Соломона.

Однажды, во время еврейского праздника Суккот, через открытое окно Мусоргский услышал канторское пение, которое «совершенно очаровало его». Тогда и возник замысел кантаты, где в основу хора «Иисус Навин» были положены мелодии, записанные композитором с голоса Марка Антокольского, а также соседа-портного, распевавшего во дворе.

В одном из своих писем в 1877 г. Мусоргский рассказывает, как советовался с баронессой Анной Гинзбург (женой банкира и филантропа Г. Гинзбурга) – можно ли считать полюбившиеся ему мелодии близкими к «auténtичным», т.е. древнееврейским? Средняя часть произведения («Плачут жены Ханаана») была им полностью написана заново.

Современники вспоминали, что он неоднократно возвращался к истории создания «Иисуса Навина» и говорил об этом с гордостью и воодушевлением.

Слова к кантате написал сам Модест Петрович. Через 30 лет они были переведены на иврит и идиш и изданы с нотами для еврейских почитателей гения.

В большинстве публикаций о Мусоргском биографы стыдливо обходят вопрос о его симпатиях к еврейскому народу.

Легче перечислить композиторов, которые относились к евреям просто лояльно, чем то большое количество непосредственно помогавших еврейским юным музыкантам вырываться на свободу из еврейских местечек.

Именно потому и прозвали за глаза «Царь Иудейский» ректора Петербургской консерватории **Александра Глазунова**.

«Александр Константинович Глазунов, – свидетельствовал его выпускник М. Гнесин, – благодаря небывалой доброте и отзывчивости постепенно стал совершенно легендарной фигурой. Из тысяч бывших учеников консерватории трудно назвать человека, который бы не был ему обязан».

Но особенно ему были благодарны абитуриенты-евреи из черты оседлости. Презжая (нередко с кем-то из родителей) поступать в консерваторию, они сталкивались с большими, часто непреодолимыми трудностями получения вида на жительство в Петербурге.

В этих случаях приходил на помощь директор Глазунов и, пользуясь своим авторитетом в верхах, успешно добивался для них разрешения на проживание в столице, а для особо нуждавшихся – стипендии».

«Мой муж недавно получил назначение прокурором судебной палаты в Петербурге. – писала в письме подруге некая «прокурорша». – Вот к нему все время Глазунов по консерваторским делам и ездит: то за одесского скрипача похлопочет, то за бердичевского мальчика, словом, изуважения к Глазунову делаем для него то то, то се».

Или такой казус: как-то премьер-министр Столыпин послал запрос в консерваторию, сколько там студентов-евреев.

И Гнесин, еврей, – с радостью – цитировал ответ Глазунова: **«Мы не считаем...»**

Более того, Глазунов предоставлял помещение консерватории для проведения еврейских общественных мероприятий. Так, в 1907 году бундовцы устроили там литературно-музыкальный вечер в честь известного еврейского писателя Ицхака-Лейбуша Переца. А в мае 1917 года в консерватории проходил Седьмой Всероссийский съезд сионистов.

У Глазунова было немало близких ему людей среди творческих интеллигентов-евреев. Прежде всего это знаменитые скульпторы Марк Антокольский и Илья Гинцбург. Особенno был ему предан его ученик М. О. Штейнберг. Тесное общение Глазунова и Штейнberга продолжалось более двадцати лет.

Другой – известный уже в советское время русский композитор – **Сергей Прокофьев**, не ожидая всплеска еврейского самосознания, находясь в эмиграции в Америке, пишет в 1919 году «Увертюру на еврейские темы», оп 34., до сих пор исполняемую на концертах в разных странах мира.

Близость Прокофьева к евреям многие оппоненты толкуют как результат женитьбы на студентке Литературного института Мире Мендельсон.

Однако их знакомство произошло только в 1938 году, а объединились они аж в 1941 году.

Когда в 1949 году в СССР началась кампания борьбы с безродными космополитами, по стране прокатилась волна антисемитизма, инспирированная властями. Вспоминает сын азербайджанского композитора **Кара-Караева** Фарадж Караев:

«В это время отец, занимая пост директора АзГосКонсерватории, не побоялся пригласить в Баку нескольких профессоров, евреев по национальности, которые в Москве остались без работы. Эти были прекрасные педагоги, и они были очень нужны консерватории. И вот один из его коллег написал в КГБ донос, который спустя много лет показали отцу. Суть этой грязной бумажки была такова: у Кара-Караева жена-еврейка, и поэтому под ее влиянием он берет в АГК на работу безродных космополитов. И хотя в органах было прекрасно известно, что у Караева жена русская, неприятности у отца все же были. Отец рассказал мне, кто был автором этого доноса, – это был вполне уважаемый и респектабельный человек, достаточно известный в кругах бакинской интеллигенции».

Ещё один выдающийся советский композитор, **Тихон Хренников**, не избежал такого же обвинения в юдофильстве, благодаря супружеству с еврейкой Кларой Арнольдовной Вакс, с которой прожил 67 лет.

Напомню читателям, что Тихон Николаевич Хренников долгие годы (1948 - 1991) являлся первым секретарем Союза композиторов СССР.

Он пользовался большим авторитетом у власти и лично у Сталина.

Из его воспоминаний: «Я преклоняюсь перед семьей Гнесиных, их общественная и преподавательская деятельность имеет огромнейшее значение для развития русской музыкальной культуры. Они сделали не меньше, чем семья евреев Рубинштейнов. Их влияние колossalно, они по сути дела определили развитие музыкальной культуры России, музыкального образования в нашей стране. Михаил Фабианович – это, конечно, совершенно удивительная фигура, с необыкновенными человеческими качествами, и очень интересный композитор, великолепный педагог. В семье Михаил Фабианович был творческим центром. А Елена Фабиановна – вождем. Я знал таких двух женщин у нас – Елену Гнесину и Наталья Сац. К слову, Наталья Сац после пятнадцати лет лагерей заставила московские власти построить ей театр на Воробьевых горах. Какая преданность искусству должна быть, чтобы так поворачивать свою судьбу, и судьбы своих коллег и друзей!»

И ещё: «Помню, то ли в ноябре, то ли в декабре 1952 года, в самый разгар дела врачей, проходило заседание Политбюро. Мы обсуждали кандидатуры на Сталинские премии. Комитет по искусству представляли Саша Фадеев, Симонов и я. Присутствовал Сталин, Маленков вел заседание. В последний раз тогда я видел Сталина. Ни с того, ни с сего Сталин вдруг сказал: «У нас здесь, в ЦК, антисемиты завелись?! Это позор для партии, это позор для всей страны. Немедленно прекратить!»

Еще из дневника Хренникова: «Я защитил Дунаевского, когда во времена космополитизма началась его страшная травля. Поднялась невероятная истерия: «Он распустил свою семью, он богатый». Действительно, Дунаевский был вполне обеспечен – много работал и зарабатывал композиторским трудом. У него была машина; сын, из-за которого весь сыр-бор разгорелся, ездил на ней. Против Исаака Осиповича началось что-то та-а-акое, невероятное. Один замминистра культуры, черносотенец, антисемит, его все презирали, всячески поддерживал и поощрял эти гнусные нападки. Не стану называть фамилию, у него могут быть дети – они-то ни в чем не виноваты. А Дунаевский был моим другом. Бывало, и он поддерживал меня. Помогал в жизни много раз. Возмущенный всем этим делом, я пришел в ЦК и потребовал, чтобы разнужданная кампания против Исаака была немедленно прекращена. Я даже пригрозил выступить во всех мыслимых и немыслимых органах и дать свою оценку всей этой гадкой истории, преднамеренно развязанной некоторыми людьми. Я сказал, что назову все фамилии, и т.д. Видно, некоторые испугались, сразу же все было прекращено. Я ничего Дунаевскому не рассказывал, а он меня не благодарил. И так было понятно. Сына его, Женю, вновь, кажется, приняли в ГИТИС после исключения. Лишь недавно, через пятьдесят лет, я узнал о его реакции. Снимался тут один фильм, и ко мне приехал режиссер, чтобы я рассказал о Дунаевском, что знаю. – А вы не читали его письмо к сестре, где он про вас пишет? – Нет, не читал. – И мне дают письмо, где написано: «Дорогая Зиночка. Я разучился молиться. Но если ты не потеряла этой способности, то помолись нашему еврейскому Б-гу за русского Тихона. Он спас мне жизнь и честь». Я был потрясен. Вот так. Это был мой друг, любимый композитор. Я считаю его гениальным композитором, лидером нашей песенной культуры 30-х, 40-х и всех последующих годов. Это бесспорно, что бы и кто ни говорил».

Добавить к этим личным воспоминаниям композитора нечего.

Список русских композиторов, гордящихся дружбой с евреями, конечно, можно продолжить.

Но одним из первых, а, может быть, и первым в этом ряду стоит «вождь последних из могикан» – **Дмитрий Шостакович**.

И опять я обращаюсь к фактам. Только они беспристрастно показывают реальные отношения между людьми.

Вот что писал сам Шостакович:

«В нашей семье считали антисемитизм пережитком варварства. У нас антисемитов презирали, им не подавали руки. Человек с претензией на порядочность не имеет права быть антисемитом».

Это понимание антисемитизма как чего-то грязного, отвратительного, непорядочного Дмитрий Дмитриевич пронёс через всю жизнь. Великий композитор рвал отношения с самыми близкими друзьями при малейшем проявлении грязного предрассудка.

В книге воспоминаний Дмитрий Дмитриевич пишет:

«Для меня евреи стали символом. В них сконцентрировалась вся человеческая беззащитность. Я проверяю людей по отношению к евреям».

Как такое могло случиться? Невероятно и непостижимо. Почему человек, у которого нет ни капли европейской крови, становится юдофилом, глубоко переживает нелёгкую судьбу потомков Авраама? Почему европейская тема звучит так ярко и пронзительно и в его творчестве, и в его жизни? Почти все биографы Шостаковича в той или иной степени пытаются ответить на этот вопрос. Одни делают упор на воспитание, другие указывают на менталитет композитора, близкий еврейскому, третьи говорят о схожести судьбы подвергавшихся преследованиям евреев (дело врачей, обвинения в космополитизме) и самого Дмитрия Дмитриевича, которого обвиняли в формализме и буржуазной деградации.

Впрочем, есть ещё одна причина. Шостакович вставал на защиту евреев ещё и потому, что считал их, особенно после Катастрофы, самой беззащитной, самой дискриминируемой частью общества. Среди друзей Дмитрия Дмитриевича много евреев, и он приходил к ним на помощь, подчас с риском для своей жизни. Впервые европейская тема в музыке композитора прозвучала в трио N2 для фортепиано, скрипки и виолончели (1944 год). Трио было посвящено памяти И. Соллертинского, с которым Шостакович долгое время дружил. Вызовом антисемитизму можно, конечно, считать и создание композитором в самый разгар борьбы с космополитами в 1948 году сборника народных песен: «Из европейской народной поэзии». Тексты песен Дмитрий Дмитриевич (сборник текстов составлен И. Добрушиным и А. Юдицким) случайно обнаружил в небольшом букинистическом магазинчике.

Правда, исполнить эти песни на концерте в то время не представлялось возможным. Тут уместно сказать несколько слов о том, как воспринимал гениальный композитор европейскую народную музыку.

«На меня, – говорит Шостакович в той же книге воспоминаний, – европейская народная музыка повлияла сильнее всего. Я не устаю ею восторгаться. Она так многое гранна. Она может казаться радостной, а на самом деле быть глубоко трагичной»

Такой шолом-алейхемовский смех сквозь слёзы, философско-саркастический, эмоционально окрашенный взгляд на жизнь, – все это характерно для некоторых других произведений Шостаковича, написанных на европейские мелодии.

Автор обратил внимание на касту музыкантов не только потому, что она как-то по-особенному относится к евреям, а именно потому, что в принципе это простое цивилизованное понимание соседней нации.

К тому же музыкальное сообщество само по себе является уникальным в творческой среде. Ведь не секрет, что вдохновение композиторы получают непосредственно из Космоса.

А Космическое пространство, уважая искренность и доброжелательность, отдает свои лучшие космические лучи – лучшим представителям планеты Земля.

ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

ТРИ ОТТЕНКА РЕАЛЬНОСТИ

РАСКАЗЫ

Оттенок первый. ДОСТАТЬ ЗВЕЗДУ

— Что мне сделать, чтобы ты поверила в мою любовь?!

Она покосилась на своего благоверного. Тот выглядел побледневшим и уставшим. Затраханным в дупель, как говорили в старину. Но я в этом точно не виновата, подумала она с тяжелым вздохом. Рутина, полная рутин — вот главная причина их общей усталости. А от его бессмысленного вопроса насчет любви и всего такого ее просто тошнило. Мужчины, пожалуй, все эгоисты. Думают только о себе. Даже если они влюблены до умопомрачения.

— Не молчи, пожалуйста, скажи хоть что-нибудь, — взмолился он.

— Достань мне звезду, — ляпнула она, стоя к нему спиной, так как мыла в этот момент посуду. Она всегда мыла посуду, когда была в плохом настроении.

— Ты серьезно? — его лицо приняло кислое выражение, чего она не видела, но вполне могла себе представить. — И какую тебе звезду? Настоящую?

— Ну не искусственную же. Я что, непонятно выражаясь?

— Ах да, я понял. Но ты же моя богиня, — тон его сделался игривым. — И да будет тебе известно, что некоторые звезды бывают размером с тысячу таких планет, как Земля. И где найти такой трос, чтобы приволочь тебе под окно самую маленькую звездышечку размером с Африканский континент?

— Мне самую маленькую не надо, — возразила она. — Мне побольше. Чтобы как следует двор освещала, — она с мечтательным видом протирала стакан полотенцем. И чем дольше она терла этот несчастный стакан, тем больше нахмурился благоверный.

Над ним опять потешаются!

— Так, все, настроение у тебя в порядке, я твой юмор оценил. Могу со спокойной душой проваливать, как ты любишь выражаться, на свою работу.

...Вот так оно всегда, промелькнуло в ее голове, как только он чего-то не понимает, на помощь приходит его работа.

(Дело в том, что предки ее мужа были пришельцами с далекой планеты в созвездии Стрельца. Иногда на его теле вместо родинок появлялись чешуйки голубого цвета. Наверное, каких-то витаминов не хватало).

Дальше все становилось еще интересней. Как-то он вернулся с работы и, потирая руки, бодро спросил:

— Ну, что у нас на ужин?

— А чего бы ты хотел? — спросила она, передразнивая его тон. — Заячьи уши под фиговым майонезом, спагетти с прошлогодним пармезаном, макаку под соусом из бразильского авокадо, тушеного кенгуренка? Я, милый, мастер на все руки!

— Ну, все-все, не дуйся, — он обнял жену за плечи. — Я достану тебе звезду. Правда, пока не знаю, как, но достану. Это вопрос времени.

Да, подумала она, а времени-то как раз уже и не осталось. Им обоим далеко за пятьдесят.

– Бог с ней, со звездой, – попыталась она взять свои слова обратно. Но он уже не слушал, а залез в кастрюлю ложкой и выскребал оттуда холодную гречневую кашу с тушенкой. Хоть и знал, что она терпеть не может, когда без спроса лазают по кастролям, пытаясь показать свою самостоятельность.

– Каша с тушенкой, – приговаривал он. – Отлично. Люблю кашу с тушенкой.

– Не любишь, – перебила она его. – Я отлично знаю твои гастрономические вкусы. Я тоже не люблю кашу с тушенкой.

– Отлично, – сказал он. – Тогда пойдем в ресторан.

– Только после того, как официанты ногти на руках подстригут.

– Угу, – согласился он. – И на ногах тоже.

Потом они молча жевали бутерброды и пили остывший кофе.

...А в другой раз он влетел домой весь какой-то взъерошенный и прямо с порога, выхватив из-за пазухи свернутый в трубку бумажный лист, объявил:

– Ну все, мать, пляши – сбылась твоя мечта!

Тяжело дыша от волнения, он пробежал к столу и раскатал по нему лист. Это оказался какой-то документ с большими и разноцветными печатями.

– Мы летим к звезде, – продолжал он. – Полет длительностью двести сорок часов. Отдельная каюта класса люкс.

– В смысле? – опешила она.

– Я заплатил огромные деньги за твою мечту. Если ты и сейчас скорчишь недовольную мину, то не знаю, что я с тобой сделаю. Задушу. В объятиях. Правда, – продолжал он, – есть нюанс: с нами на космическом корабле будут еще две пары младоженов... в соседних каютах...

Она перестала скоблить кастрюлю, удаляя остатки гречневой каши с тушенкой. Если она правильно поняла, то соседству с ними будут сопеть... да и не только сопеть, а кое-чем заниматься влюбленные друг в друга она и он... а может быть даже он и он. Или она и она. А какая разница? Она будет прислушиваться к каждому звуку и чувствовать себя при этом, как никогда, несчастной. А по утрам все они еще и будут встречаться за завтраком, смотреть друг другу в глаза и улыбаться... Да на фиг ей это нужно! Ну спасибо за такое великолепное путешествие до какой-то там отстойной звезды! Ведь на нормальные звезды у них нет денег...

– Ах, я болван! Идиот! Кретин! – он трижды хлопнул себя по лбу с такой силой, что она испугалась, как бы он не убил себя, оставив ее вдовой раньше времени. – Я же знал, я чувствовал, что тебе это не понравится!

– Да, мне это действительно не по душе. А ты не мог бы обменять... – она недоговорила.

– Мы с тобой не так богаты, детка, как кажется. Чтобы заказать персональный космический корабль, надо выложить еще десять миллионов. В противном случае нас в дороге оставят без обеда и ужина. А полет не такой уж и короткий. Полторы недели, при хорошем раскладе.

Ах, тут еще и расклад!..

– Я согласна, пусть останется только завтрак, лишь бы мы были вдвоем, – сказала она. – Знаешь ведь, в детстве родители упрятали меня в интернат для детей привилегированных, а сами путешествовали по планетам. Работа у них была такая. Так вот, я там из чужих ячеек воровала яблоки с конфетами. Может, и на корабле во время полета ухитрюсь что-нибудь своровать. Бутерброд захудалый и чашку кофе. Но только чтоб мы летели вдвоем.

– Ну, кофе там будет хоть залейся, – не понял он сарказма.

– Пошли спать, – не выдержала она. – Утром все решим.

Но заснуть им не удавалось. Оба они ворочались, лежали с закрытыми глазами. Потом она открыла глаза и стала рассматривать его тело в лунном свете. На его коже появлялось все больше и больше чешуек. Это все на нервной почве, подумалось ей.

– Слушай, – зашептала она, догадываясь, что он не спит. – А удобства там хотя бы будут? Ну, скажем, персональный душ или бассейн?

– Угу, – пробурчал он. – И сауна с баром тоже. Спи.

– Это здорово, – обрадовалась она. – А за свои бутерброды мы как-нибудь расплатимся. Я ведь пошутила насчет воровства.

А наутро он отправился на работу, прихватив с собой путевку. Он надеялся обменять ее на что-нибудь более солидное и подходящее.

И это ему удалось.

– ...Знаешь, – начал он, скребя ложкой по тарелке с остатками перловой каши, и замолк.

– Ну, говори уж, раз начал, – подбодрила она его, на всякий случай отставив от себя чашку с кофе.

– Да тут такое дело...

– Я вся внимание.

– Я лечу один. Оказывается, это рекламная кампания. Всего на одного человека.

– То есть ты летишь на другую планету рекламировать новый туристический комплекс?..

– Ну да. Все правильно. Как ты догадалась?

– По твоей радостной физиономии. А за меня заплатить тебе как бы западло?

– Это же рекламная кампания. Лишь одного. Туда не включают никого, ни жен, ни родственников, ни друзей. Ну, ничего, зато потом...

– Никаких «потом», – прервала она. – Я подаю на развод. Мне все это надоело. И твое вранье тоже.

– В чем заключается мое вранье? – не понял он.

Тогда она грохнула о пол чашку и закричала так пронзительно, что он зажал уши:

– Во всем, черт подери!!! И в том, что ты меня якобы любишь – тоже!!!

Он схватил ее за плечи, потряс, сказал испуганно:

– Успокойся, соседи услышат...

– Тебя волнуют только соседи? А то, что ты надо мной издеваешься, это ничего?.. – кричала она, сметая со стола все, что на нем было. – То мы летим с какими-то молодоженами, делим с ними свои завтраки и ужины... То ты теперь вообще летишь без меня и неизвестно зачем!..

– Я лечу затем, что мне обещали заплатить. И тогда у нас с тобой будут деньги на полет куда захочешь – на планету, на звезду, к черту на рога...

– Убирайся сам к черту. Я больше не верю ни одному твоему слову!

Три дня они не разговаривали. Спали поврозь. Она даже перестала готовить ужины. Там, куда он летит, ему все равно никто ничего готовить не будет. Пусть заранее привыкает к сухомятке.

Да, не умею я, видимо, доказывать свою любовь, – думал он, сидя ночью на кухне в обнимку с пустой чайной чашкой. Но ведь это не повод, чтобы меня вот так ненавидеть!

А не третий день он пришел домой особенно уставший и осунувшийся. И прямо с порога вымолвил:

– Все, можешь успокоиться. Ни ты, ни я никуда не летим.

– Причина? – коротко спросила она.

– Причина – капучино, – грубо сказал он. – Мы с тобой так и не удосужились сделать прививки от космической чумы...

– Ура, – еще короче сказала она. И они помирились.

Оттенок второй. ПОЗДНИЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

...Если тебе кажется, что у тебя нет будущего, и что жизнь твоя рушится с каждым днем – перенесись мысленно в прошлое и погляди, как жили твои отдаленные предки. Чем питались телесно и духовно. Каким дышали воздухом. Что их интересовало, что радовало, а что, наоборот, огорчало. Только не задерживайся в прошлом надолго, даже мысленно, а то вдруг окажется, что там тепло и уютно, и тебе не захочется возвращаться в настоящее. Такое вполне может быть. Нет, а что? Вдруг и вправду там рай и даже мухи не кусают. Хотя мухи, пожалуй, были во все времена и будут во все времена. Их даже атомная бомба не возьмет.

Короче, сижу я как-то в библиотеке. Не просто так сижу, а работаю. Книжечки выдаю. Кому учебник по астрономии или там химии. А кому книги про любовь, про войну или фантастические – про то самое будущее, в которое порой не особенно веришь. Да и как тут верить, когда настроение паршивое. За спиной у тебя тянутся стеллажи с пыльными томами. Они занимают все твое пространство и время. Читай – не хочу. А сколько можно читать? Ну час, ну два, три... Хорошо еще, очки не надо надевать. Зрение еще ого-го! А если превращаешься, пусть и медленно, но неотвратимо, в маленькую сгорбленную старушку, надышавшуюся книжной пыли и страхающую поэтому легочными заболеваниями, седую и беззубую, да еще не имеющую за плечами никакой личной жизни... тогда как? Пиши пропало, вся жизнь под откос, как состав с развинченных рельсов...

...А за окном! То золотая осень, то зима со снегом, который нет-нет да и выпадет, а то вдруг тебе и лето, жаркое и душное. И на пляж хочется. И кондиционер врубить, которого тут и в помине нет. Зимой было особенно интересно, когда в нашу обитель вваливался, постукивая костылями по полуслонившему паркету, наш истопник-инвалид и весело орал: «Тепло ли вам, дЕвицы? Тепло ли вам, красные?» Это у него черный юморок такой. А мы тут зубами стучим, прилипнув задницами к чуть теплым батареям!

– А-а-а-апчхии!!!

– Да тише вы, и не все одновременно – потолок рухнет... Много вас. Всех не перегреешь...

Да, нас тут много. И отделов тоже много. Из них самый мною любимый – отдел иностранной литературы. Свой английский язык я пыталаюсь усовершенствовать, залившись в дебрях между стеллажами, пока наша грымза-директриса пила чай у себя в кабинете. Зубами, как мы, она не стучала. Возле нее всегда пыпал электрокамин. А нам его ставить строго воспрещалось – книжечки подпаливать можно. А сгорим ли мы сами или, наоборот, подхватим воспаление легких, – фиг с нами.

...Так вот, сидишь ты, сидишь, дышишь книжной пылью, созерцаешь крысиные какашки, а зимой еще и трясеешься от холода. Можно, конечно, принести из дома спицы, вязать что-нибудь шерстяное. Можно переписываться с заочным кавалером, который отывает срок в местах не столь отдаленных. Между прочим, очень даже интересная была переписка. Он мне все про каких-то «катал», «кидал» и «центровых», а я ему наивный вопросик:

«А центровые – это кто? Кого по кругу гоняют, что ли?»

А он мне:

«Да нет же. По кругу гоняют в наказание. А центровые – это просто крутые ребята. Они сами кого хошь по кругу погонят».

«А ты – как они? Центровой?»

«Нет, я не центровой», – признается он. А мог бы и солгать. И на том спасибо, что парень со мной так откровенен. Можно переписываться дальше. И так до бесконечности.

Если общаться на расстоянии, то это мне ничем не грозит – ну, типа там убьет, изнасилует... Правда, и в самой переписке может таиться опасность – дурное влияние криминальной среды. Глупости. Что и как может повлиять на меня оттуда, когда я сижу тут? Хотя, как знать...

Тут все дело в том, что интернета тогда еще не было, и вся переписка велась от руки. Шариковой ручкой. Кто не в курсе – это такая трубочка со стержнем внутри, стержень наполнен пастой. Трубочку надо было держать между пальцами. Не буду уточнять, между каким и каким. Лень. А вот писать тогда было не лень. Прямо дух захватывало, когда приходил конверт с письмом по обыкновенной почте. А по почерку можно было еще узнать и характер человека. Письмо шло долго, порой неделями. Зато какой восторг! Просто щенячий! Тебя услышали на другом конце Великого и Нерушимого Советского Союза, в другой точке земного шара. И не поленились ответить. И можно снова писать разные глупости, тупости и всякую философскую фигню. Что я, мол, не только красивая, молодая (пока что), но еще и умная. Только вот толку от этого... У меня, парень, если хочешь знать, та же самая тюрьма. Разница лишь в том, что тут не решетки, а стеллажи с книгами, да и на ночь отпускают домой. Иногда отпускают и раньше – когда нет читателей, то бишь когда они не идут косяком, что-то брать или записываться. И – дайте мне то, дайте мне се... Дайте мне детектив... И каждый норовит показать свой «интеллект»: «А вы знаете, что Ленин был агентом ЦРУ?» «А вы знаете, что Гитлер держал в своем бункере «летающие тарелки»?

А как же! Конечно, знаю. Более того, я в свои двадцать пять лет прям уснуть не смогла бы без всей этой полезной информации! Да отвалите вы все, наконец! Дайте самой пофилософствовать о какой-нибудь ерунде!

Все. Разошлись.

Сиди теперь одна философствуй. Дожевывай бутерброд, до которого едва не добралась зубастая длиннохвостая тварь. Крыса. Пиши письма мелким почерком, ответы парню, отбывающему срок за убийство, хотя сам он уверяет, что никого не убивал и сидит безвинно.

«Так что ты там наплел мне о круtyx? Кого ты считаешь крутым? К примеру, комиссара Каттани – считаешь?»

«Нет. Не считаю. Жалкий хлюпик, каких хоть пруд пруди. Другое дело – Сильвия Конте, прокурорша. Ты не стесняйся задавать вопросы. На что смогу – отвечу».

(А парень действительно не дурак. Ему бы в его девятнадцать в армию, а не за решетку.)

«Ну а себя считаешь крутым?»

«Не считаю. Но при случае в обиду тебя никому не дам. Могу перебить позвоночник тому, кто тебя обидит».

Я откинулась на спинку стула. Круто! Хотя немножко и пугает. Да и кто здесь меня может обидеть до такой степени, чтобы ему понадобится перебить позвоночник? Дириктриса? Сама помрет, своей смертью. Надо только потерпеть годиков пять. Неохота из-за какой-то сумасбродной старухи в тюрьму садиться или кого-то подставлять.

А, вот есть один субчик. Постоянно поджидает меня на остановке и часто остановку путает. Вечером стоит, как истукан, с той стороны, с которой я выхожу из автобуса и шкандыбаю на работу. А все как-то по глупости получилось. Чувак потребовал «порнушку с иллюстрациями». Я возьми да ляпни, что-то вроде: нечего картинки разглядывать, гораздо интересней и полезней самому заняться с кем-нибудь сексом. Я, конечно, не имела в виду себя. Просто второй моей мечтой, кроме мечты овладеть иностранными языками, была мечта стать сексопатологом. Модных журналов начиталась. Но чувачок понял это по-своему и давай меня преследовать. Парень так себе – ни рожи, ни кожи. Ни умом, ни ростом не вышел. А я девочка с принципами. Без любви ни-ни...

Но даже и в этом случае я воздержалась бы от ломания позвоночников. Сам все поймет и, в конце концов, отстанет.

В целях собственной безопасности для жалоб на свою жизнь я выбирала адресатов, отбывающих срок подальше отсюда – Воркута и Магадан самое то. Чтобы только письмами могли достать, и ничем другим. Я же домашнее растение. Мамина и папина дочка. Про таких, как я, говорят: «Жизни еще не знает». А как ее узнаешь, сидя в библиотечных четырех стенах?..

Поэтому меня жутко интересовали жизни других. Не таких, как я.

...Восьмой час уже сижу. Ура! Через полчасика можно будет шевельнуться в сторону дома...

...но не тут-то было. Кого там еще черт принес, в самом конце рабочего дня? Небось, какая-нибудь домохозяюшка спохватилась – ей понадобилась вторая часть «Доктора Живаго». Вот прямо сейчас. Она не может без нее обойтись. Ну, никак не может, у нее борщ без этого не варится.

...С порога машет мне рукой. У нее лицо скрыто под медицинской маской. Из санэпидемстанции, что ли? Под конец рабочего дня? Крыс наших травить? А мы к этим тварям уже привыкли. Они нам просто как родные. Ну, подумаешь, – кусок мыла обгрызут, которым мы все в конце дня руки по самый локоть моем. Ну, яблоко сопрут из открытой сумки... так они ж тоже люди, им тоже есть хочется.

– Деточка, вы не могли бы подойти ко мне?

Это еще зачем? Неужели так лень перешагнуть порог библиотеки?

Но тетка словно прочла мои мысли:

– Я бы вошла к вам с удовольствием. Да тут такое... Эпидемия у нас страшная, деточка. Из дома никого не выпускают больше, чем на два часа. Да еще и война...

Да уж, подумала я, попадались мне тут всякие психи. И сильно пьющие бывали – те особенно любили книжки читать. И, что удивительно, возвращали в срок. Одна наша работница даже предложила плакатик шуточный нарисовать и на дверях повесить: «Алкоголик – аккуратист. Будьте, как алкоголик!» Но вот эту тетку с ее эпидемией да еще и войной я видела впервые. Не иначе, как из дурки сбежала.

– Да вы не бойтесь, проходите, – заворковала я. – Вас тут никто не найдет, тут только я сижу, одна... – и тут же прикусила язык: а что если она вампир и укусит меня за шею? И я в отсутствие свидетелей тоже превращусь в вампира... Я ведь действительно тут одна задержалась, как примерный работник. Первая смена уже давно разбежалась по домам. Библиотека-то огромная, заходи кто хочешь и делай со мной, что вздумается. Если ты маньяк – порежь меня на куски и закопай в читальном зале, в пальмовых кадушках. Это, конечно, шутка.

Дело в том, что библиотека располагалась на втором этаже Дома так называемой культуры. Тут тебе и два кинозала, и кружок макрамэ, и курсы английского языка... и даже ритмичная музыка, доносящаяся с третьего этажа, под которую занимались аэробикой.

Жизнь вокруг библиотеки кипела и бурлила, а мы, бедные-несчастные, ничем не могли воспользоваться. Мало того, что мы получали за свою работу жалованье с гулькин нос, так еще и график нашей работенки!.. Раньше времени не уйдешь. И Боже упаси хоть на минуту опоздать.

Но сейчас во всем здании царила полнейшая тишина. Наш активно работающий Домик культуры будто вымер, и лишь в библиотеке оставалась я.

А все потому, что наша директриса, старая маразматичка, сталинистка, гореть ей в аду, решила продлить вторую смену до девяти часов вечера.

По мнению директрисы, все читатели, отработав положенное на работе и отужинав с семьей чем Бог послал, так и рвались, на ночь глядя, в библиотеку. Спотыкаясь и отталкивая друг друга, и на ходу орудуя зубочистками...

Ну не маразм?

Строго говоря, в данный момент во всем здании было два человека – я и вахтер дядя Сема. Но сейчас он не подавал никаких признаков жизни. Наверное, где-то в дебрях первого этажа допивал свой чай, досасывал свой леденец с ментолом и даже не обратил внимания на тетку в маске, сбежавшую из дурки и проскользнувшую на второй этаж.

– Спасибо, деточка, на добром слове, – пугливо озираясь, женщина переступила порог и приспустила маску на подбородок. – И вот что, деточка, я вам скажу...

– Не называйте меня «деточкой», – рассердилась я (не люблю фамильярностей!). – Я работник культуры, а вовсе не деточка.

Ненормальных, по моему мнению, иной раз полезно осаживать, чтобы на шею не сели.

– Да-да, конечно, – тетка сделала неопределенный жест. – Знаю, что вы этого не выносите.

«Надо же! А что она еще знает обо мне? – подумала я. – Эти параноики все про всех знают. А вот ты тут сидишь сиднем и не знаешь о них ничего».

– Так вот, я хочу сказать, что вы... вы самый счастливый человек на данный момент.

– Кто? Я?!

Я расхохоталась.

– Да, – повторила тетка. – Вы самый счастливый человек. Хотя вам и бывает грустно, и даже одиноко, и вам часто кажется, что нет никакого просвета в жизни...

И тут я перестала смеяться. Когда к тебе вдруг вваливается неизвестно кто и непонятно зачем и пытается вывернуть наизнанку твою душу, становится не до смеха.

– Но поверьте мне, – продолжала она, – поверьте мне, деточка, это самый лучший период в вашей молодой жизни. Вы еще будете вспоминать о нем с теплом, и не раз...

– А вы вообще собираетесь записываться в библиотеку? – перебила я тетку. – Или просто так заглянули – сообщить мне о том, как я тут счастлива... в данный момент, сидя на этом стуле?

Черт возьми, я уже десять минут как должна стоять на остановке и ждать последнюю маршрутку!

– Я вас больше не задержу, – упавшим голосом сказала тетка и вернула маску на нос. – Кстати, я была записана сюда... давно, сорок лет назад... Когда сидела на этом же самом стуле. Моя карточка у вас в столе. Вы ее найдете.

С этими словами она повернулась и вышла чуть ли не на цыпочках.

Побыв в замешательстве несколько секунд, я потянула на себя тяжелый ящик письменного стола. Ерунда какая-то... Здесь находился только мой читательский формулляр. С моими именем-фамилией, моей приkleенной фотографией и моей подписью. Наша маразматичка-директориса строго следила за тем, чтобы ни одну самую захудалую книжонку ни один работник библиотеки не взял домой без надлежащего оформления. Будто мы тут изготавляли электронику для военной промышленности или секретный сплав для корпусов баллистических ракет. В моей карточке числился лишь томик Булгакова с «Мастером и Маргаритой». Кстати, моей знакомой пора бы уже и вернуть его. Да, знакомой; для себя я такое никогда бы не взяла. Учитывая то, что я вообще читала книги прямо здесь, на рабочем месте.

Ладно, с этим потом разберемся. Схватив ключи от входной двери в библиотеку и засунув в сумку дорогое сердцу письмо из мест не столь отдаленных, я сбежала вниз по лестнице к выходу из здания, под сердитый, но не без юмора оклик вахтера: «Кто там остался – на выход! Не то уши надеру!»

– А где старушка в маске? – спросила я на ходу.

– Старушка? – озадаченно переспросил вахтер.

Оттенок третий. БАБА ШУРА, НЕ ИСЧЕЗАЙ!

(Светлой памяти моей няни, Александры Константиновны)

1

С чем могла ассоциироваться моя последняя нянька?
Что представлялось мне в первую очередь при воспоминаниях о ней?
Няnek у меня было три, и все абсолютно разные. Ну, о двух других как-нибудь потом, а вот баба Шура...

Это был морской бриз во время прогулок по побережью. И искривленные, пустынные крепостные улочки, мощенные бульжником, то сужающиеся, то расширяющиеся, ведущие то на подъем, то на спуск. Катание на троллейбусе по всему Баку в дождливый осенний день. Поездки за город на электричке. И, наконец, походы на кладбище...

Александра Константиновна, а проще – баба Шура... Она как-то сразу поняла, что меня бесполезно утрамбовывать в кровать во время «тихого часа», тем более петь колыбельные. Я под них ревела – чувствительной натурой я была. Да и не знала баба Шура никаких колыбельных.

«Моя дочь получила глубокую психологическую травму. Я надеюсь, что вы... что у вас получится...», – голос моей мамы дрогнул.

Третья по счету нянька, в платочек, молча покивала, скользнув по мне добрым взглядом светлых глаз, и неожиданно подмигнула.

«Да, и прошу вас – поменьше контактов с другими детьми. Девочка не выносит сверстников...»

Баба Шура оказалась первым человеком, от общения с которым я не испытывала никакого дискомфорта. Первый раз в жизни мне не хотелось бежать куда глаза глядят. Даже когда мой детский взгляд блуждал по темному помещению, в котором почти не было свободного пространства. Это меня нисколько не пугало! Меня, в те времена боявшейся темноты и шарахавшейся от собственной тени. Меня, готовую накрыть голову подушкой или забиться в дальний угол от присутствия кого-то постороннего. Являлась ли баба Шура образцом благородного самопожертвования? Или, взясь с чужими детьми, она таким образом боролась с собственным одиночеством?.. Или поправляла свое материальное положение? Бог ее знает. Меня все это совершенно не волновало.

Жаль, что я тогда так мало о ней знала. А то написала бы о ней гораздо больше. Я могла бы писать о бабе Шуре сколько угодно, писать, пока не закончится бумага в доме или не иссякнут мегабайты в компьютере... Мне даже не пришлось бы ничего сочинять о ее жизни. Это чуть ли не единственный человек, при воспоминании о котором не хотелось зажмуриться и переводить мысли на что-нибудь другое. От воспоминаний о своей третьей и последней няньке моя жизнь переставала казаться протухшой замусоренной гаванью, в которую никогда не заходят корабли надежд... а проплывали в памяти маленькие добрые лодочки со спасательными кругами.

«...Да, вот еще что: ребенок совершенно не спит в чужой квартире...»

«Не беспокойтесь. Все будет хорошо», – уверила нянька маму. И снова подмигнула мне.

От бабы Шуры можно было ожидать всего чего угодно, кроме повышенного тона и шлепков по мягкому месту. Если у нее и имелось какое-то образование, то, похоже, не выше среднего. Она не только не пела заунывных колыбельных песен – она никогда не рассказывала сказок. И не читала стихов. И не донимала нравоучениями. Она вообще не пыталась меня как-то воспитывать. Но скучно с ней не было – это точно.

Баба Шура могла меня просто так, безо всякого повода, затащить в Театр музыкальной комедии в разгар спектакля. При этом на сцене творилось не совсем предназначенное для детских ушей: давали «Свадьбу в Малиновке». Во тьме зрительного зала, поминутно вздрагивая от громких реплик со сцены, мы пробирались к первому ряду, где как будто специально для нас были припасены два свободных места.

«Смотри, смотри! – усевшись поудобнее, с восторгом шептала я на ухо няньке, тыча пальцем в актера оперетты, отца будущей певицы Ирины Аллегровой. – Это же наш сосед! Но почему он на меня ни разу не посмотрел?»

Ходили мы и на детские спектакли, и точно так же не поспевали к началу. Мы никогда ничего не планировали заранее – просто проходили мимо театра, покупали в кассе билеты и заходили на действие, будто в гости. Во время прогулок по Приморскому бульвару нянька могла подобрать рыжую кошку, постоянно следовавшую за нами по пятам, и запихнуть ее в обыкновенную продуктовую авоську. Из таких вот отвисших до земли под тяжестью продуктов авосек нередко вытекали струйки молока из лопнувших пакетов, высыпались мелкие картофелины, торчали в разные стороны перья зеленого лука. В нашем случае из сетки торчали кошачьи усы, лапы и хвост. И раздавались истошные кошачьи вопли. Бедное животное не догадывалось, что таким образом могут приглашать в гости, а не только тащить на живодерню.

Квартира моей няни больше напоминала блиндаж времен Великой Отечественной. Может быть, в ней в свое время размещался военный штаб. Вход закрывала железная решетчатая дверь с большими промежутками между прутьями; я любила проехаться на ней, оттолкнувшись ногой от пола. Баба Шура не очень-то обращала внимание на мои шалости, поскольку были они нечастыми и безвредными. Правда, как-то раз в ответ на одну из моих шалостей с ее языка слетело: «Будешь себя так вести, папа с мамой не подарят тебе братика!» Я с удивлением уставилась на нее, потому что знала наверняка – такого подарка мне от родителей никогда не дождаться.

В моей дальнейшей жизни много чего разного появлялось, но только не брат или сестра. Появлялись, например, огромная черная пищущая машинка времен чуть ли не Марка Твена, на которой я пыталась строчить свои первые опусы с чудовищными ошибками в каждом предложении и даже в каждом слове. Или кассетник Sanyo, на который я записывала не только иностранные шлягеры с телевизора, но и матерную речь пьяных соседей. Или настоящий двухколесный велосипед, правда, с двумя «помощниками» по бокам. Он ехал сам по себе. Я носилась, как угорелая, попадая в выбоины, пока не погнула «помощник». Меня догоняли испуганные родители. При воспоминании об этом меня бросало в дрожь и начинал ныть копчик. Ездить на велосипеде я так и не научилась. Может, и оттого, что бабы Шуры тогда уже не было.

…За первой дверью находилась другая, с замком. Подозреваю, что замок мог открыть любой, даже самый неопытный жулик. Но баба Шура ничего не боялась. Тогда, в семидесятые, можно было жить, ничего не боясь. Особенно если ты ничего не имел. Три скругленные ступеньки вели вниз, в темный коридор и далее – в кухню с большим дубовым столом, маленькой раковиной и старой четырехконфорочной плитой. Между столом и стеной угнездился крохотный холодильник «Саратов», на котором возвышалась стопка старых газет и журналов. Казалось, если хлопнуть хорошенъко дверцей холодильника, то вся эта груда свалится с шуршанием. Но баба Шура была человеком аккуратным. Она не хлопала дверцей, не гремела посудой, ступала в шлепанцах по линолеуму чуть слышно, по-кошачьи, чтобы не разбудить меня утром, когда я оставалась у нее ночевать. Просыпалась я всегда поздно, в одиннадцатом часу. Но однажды нам удалось-таки вместе встретить рассвет на Приморском бульваре. Я в первый раз увидела огромное красное солнце, проглядывающее сквозь узкие, длинные, сизые облака, словно закатившееся в пасть аллигатора. Это был теплый сентябрьский денек. Баба Шура заметила, что я уже не сплю, и велела немедленно одеваться.

– А куда мы идем? – сонно спросила я, при свете настольной лампы натягивая платье задом наперед. После любования восходом я, сидя на скамейке, с большим аппетитом поедала сырники, которые нянька приготовила с ночи и заботливо уложила их в банку. Потом я насобирала целый ворох осенних пестрых листьев и понесла их домой к бабе Шуре. У нее нашелся небольшой глиняный кувшин.

В самом темном углу таился радиоприемник «Рига», который давно уже не работал. На него она и поставила мою простенькую икебану из влажных от росы листьев.

А вот телевизора в этом доме не было отродясь, от чего баба Шура не страдала нисколечко.

И, несмотря на кажущийся беспорядок, все предметы находились на своих местах. И даже тонкий налет пыли гармонировал с обстановкой.

Еще имелся так называемый «азиатский» туалет – дырка в полу с поставками для ног по обеим сторонам.

Кухня переходила в крохотную комнатенку-спальню, с одним-единственным окошком, выходящим на кухню же. На широком подоконнике стояли настольная лампа с оранжевым абажуром, швейная машинка, накрытая белой скатеркой, еще какие-то предметы. Удивительным образом в спаленке умещались две железные кровати, и между ними – громоздкий платяной шкаф, на котором висел портрет внушительного вида мужчины, нянькиного покойного мужа. Я назвала вид мужчины «внушительным», потому что он был облачен в военный мундир. Причем в мундир белого офицера. Не то чтобы я разбиралась в мундирах, просто внешность мужчины была интеллигентной, можно даже сказать – аристократической. Бледное лицо с утонченными чертами. Именно такие лица я видела в фильмах про революцию и Гражданскую войну. С таким мужем не заболеешь, подумалось мне, но расспрашивать об этом я не решалась. Да и что могла поведать баба Шура чужому шестилетнему ребенку? Да и вообще нянька редко с кем откровенничала. Никто не мог похвастаться, например, что знает ее девичью фамилию.

...Рыжая кошка была выпущена из авоськи. Она обошла кухню, высоко задрав хвост и все обнюхивая. Угостилась кусочками докторской колбасы. Вздумала было осмотреть и спальню, но туда ее категорически не впустили, захлопнув дверь перед самым ее носом.

Соседка примерно тех же лет, что и баба Шура, но не такая опрятная и менее приятная, заглянула проведать и прямо с порога, завидев кошку, заявила:

– Рыжая? Хм, не люблю рыжих.

Судя по ее тону, она точно так же могла сказать: «Не люблю белых, серых, в крапинку» и так далее. Наверняка она точно так же выразилась бы и о китайцах, латиноамериканцах, неграх – «косоглазых, черномазых, краснокожих...» – и так далее.

Но бабу Шуре это нисколько не смущило. Она с любезностью усадила гостью за стол, налила чашку чаю, поставив рядом белую, с матовым отливом сахарницу с кусковым сахаром.

...Что я обожала тут, так это сладкий чай!

И белую вазочку с крышечкой, которую легко можно было разбить, поэтому я избегала брать ее в свои неловкие руки. Но именно из нее, из матовой, будто запотевшей вазочки извлекался чрезвычайно вкусный сахар вперемежку с полукруглыми лимонными дольками!

А вот эклеров и прочих пирожных у бабы Шуры не водилось. И вряд ли тому причиной была ее небольшая пенсия – просто она не нуждалась в кулинарных излишествах. Разве что родители ее подопечных могли чем-нибудь таким побаловать. Но вот неизвестно – принимала ли баба Шура подарки?..

Ходила она всегда в одном и том же, ни стиля не меняя, ни обновляя свой гардероб, умещающийся в старом платяном шкафу. Нянька носила широковатые одно-

тонные юбки и вязаные (или не вязаные) кофты. Во все времена года, кроме лета, баба Шура повязывала голову платком, летом же ходила с непокрытой головой, за- плетая свои пепельного оттенка волосы в тугие косы.

…Спустя годы я пыталась представить себе, как бы выглядела моя третья нянька, перенеси ее чудесная сила из середины двадцатого века прямиком в середину двадцать первого. Скорее всего, точно так же и выглядела бы. Она обладала даром всегда, при любых обстоятельствах оставаться самой собой. И в любом веке служила бы примером для всех других нянь. В одном я уверена точно: не появись баба Шура в моей жизни – она, жизнь моя, выглядела бы намного скучней, а детство оказалось бы короче. А однажды я попробовала представить себя на ее месте. Оказалось, что я во многом проигрываю ей, так как совершенно не умею всецело отдавать себя другим. За плату ли, бесплатно ли – неважно. Меня ожидало одиночество. А таких, как баба Шура, – вряд ли.

Как удавалось моей третьей няньке блюсти чистоту, живя без ванны, душа и каких-либо приспособлений для помывок и постирушек, – для меня было большой загадкой. Не иначе, она ходила в баню и посещала прачечную.

А вот что делал лет, скажем, тридцать – тридцать пять назад ее ныне покойный муж, прия со службы усталым, голодным и потным, привязав коня к железному кольцу во дворе? Если он, конечно, потел и приходил именно сюда, в эту тесную и затемненную квартирку? Где стирались и куда вывешивались для сушки его белые (а может, и не белые) рубашки?..

Об этом в силу своего характера я не расспрашивала. Я вообще старалась не терроризировать няню лишними вопросами. Лишь подолгу рассматривала портрет на шкафу. Впрочем, иных развлечений в доме бабы Шуры не водилось. Разве что можно было поиграть в куклы, принесенные мною из дома. Куклы разбрасывались повсюду; нянька терпеливо собирала их вместе, в одну компанию на столе. В такие минуты казалось, будто куклы обретают душу и общаются между собой, приоткрыв рты и разведя руки. Еще можно было неловкими движениями, пронося нянину шкатулку над столом, рассыпать из нее цветные пуговицы…

– А что у твоей девки с руками? – интересуется старушечка-соседка, с шумом втягивая в себя чай из блюдца.

– Нервы, – коротко отвечает баба Шура, ставя чайник на огонь и протирая раковину губкой. Точно такой же губкой, тщательно намыленной, нянька вымывала грязь из-под моих ногтей после каждой прогулки.

– Не люблю нервных. А ты на кладбище когда собираешься?

– Да вот как будет Пасха, так и схожу.

– А кавалера-то с собой возьмешь? Вместе, поди, веселее, – не унималась соседка.

– Да что ты такое несешь при ребенке? – не выдержала баба Шура и сделала вид, будто хочет щелкнуть приятельницу по затылку.

– А то и несусь, – не испугалась та. – Твоего друга видели, как он по кладбищу рыскал. Забыл, небось, где клад закопал.

– Не было у него ничего, – осадила нянька настырную соседку. – Еще в двадцатые годы все отобрали. Сам едва жив остался.

– Угу, угу, – притворно согласилась соседка. – Ну, я пошла. Спасибо за чай, за сахар.

Кошки и котята, принесенные в дом бабы Шуры, долго не задерживались. Чистоплотная нянька спровоживала их сразу после того, как меня забирали домой. Баба Шура, может, и не прочь была бы завести кошечку на потеху себе и своим подопечным, но ее тесный мирок не умел расширяться, как по взмаху волшебной палочки, и кошкам с котятами здесь не хватило бы пространства.

А вот с куклами творилась иная история. Романтическая.

Летом я к няньке не ходила. Ведь лето – это жаркие пляжи с пенными морскими волнами или деревенская жизнь вдали от города. А представить бабу Шуру загорающей и ныряющей в море, да и хотя бы наполовину раздетой было трудно. Хотя с ней наверняка случалось такое когда-нибудь в молодости. С тем же мужем или с таинственным кавалером, о котором упоминала соседка. Так что баба Шура с летом никак не вязалась. Так же, как и не вязался ее нынешний облик с распущенными волосами, накрашенными ресницами и напомаженными губами. И представить ее молодой, шкодливой, легкомысленной девушки было невозможно. В доме не во дилось ни одной ее фотографии. Разве что снимки покопались в глубине одного из выдвижных ящиков, нагло запертого на ключ, который давно потерялся. Может, фотографии времен молодости расстраивали бабу Шуру, действовали ей на нервы.

Я даже не знала, страдала ли баба Шура варикозным расширением вен, как это часто бывает у пожилых людей. Но двигалась она, несмотря на свой солидный возраст, легко и свободно. На подъемах никогда не задыхалась. Летом нянькины ноги скрывала длинная плиссированная юбка. А зимой на ноги были надеты хлопчатобумажные чулки бежевого цвета.

Но вот куклы... По возвращении из лета я находила их наряженными в шелковые сарафаны с разноцветными лентами, в роскошные плащи, в кружевные чепчики. И в пошитых на скорую руку, но, тем не менее, изящных цветных ботиночках, с резинками по краю, чтобы не спадали. Особенно повезло двум пластмассовым «немкам». Одна из них была блондинкой, другая – жгучей брюнеткой. К их замусоленным коротковатым платьям добавились белоснежный, расшитый золотистыми нитками передник и клетчатая юбка. Я долго не могла налюбоваться «немками», поочередно беря их на руки. Мне хотелось взять их с собой на прогулку.

– Нравится? – подмигнула мне баба Шура. – Это все моя внучатая племянница из Саратова, прилетела на каникулы. Заняться ей было нечем, и вот... Посмотрим, может, я вскоре к ним сама перееду.

К кому именно баба Шура переедет – к своей внучатой племяннице или... к куклам? Я как-то не усекла. И от этого в няньке лишь прибавлялось таинственности... Моя нянька намерена превратиться в куклу – как-то пригрезилось мне. С тем, чтобы никогда со мной не расставаться.

2

Куда бы нянька ни направлялась (а направлялась она часто, видимо, самой не хотелось надолго оставаться в своем сумрачном блиндаже без окон), она всюду таскала меня с собой. Это было несложно – я никогда не сопротивлялась. Мне всегда было интересно, куда же меня поведут на этот раз. У няньки были ласковые, надежные руки, я это знала, хотя за руку она меня держала крайне редко – доверяла.

...Мы блуждали по напоминающим катакомбы улочкам Старого города, и из какой-то сумрачной квартирки к нам вышла глухонемая тетка с курицей в руках; на ладонь она положила попку от огурца, и курица принялась послушно ее клевать; тетку мне было не жаль, а вот ее курицу – прямо до слез; и баба Шура поспешила меня увести;

мы тащились по какой-то узкой каменной лестнице, ведущей в другие катакомбы, но там нас встретила шумная мужская компания, и мы, усевшись за стол, наблюдали за их игрой в лото или домино; какой-то мужик не мог отвести взгляда от моих голубых глаз; баба Шура погрозила ему белым, без тени маникюра, пальцем, мы встали и пошли дальше...

бывали мы и в квартирах, где царило веселье, из недр одной из таких квартир, более просторной, чем бабышурин блиндаж, на меня вдруг выплыла необычных габаритов – Рубенс отдыхает – красотка, весьма жизнерадостно настроенная...

Звали ее тетя Римма. От самого ее имени веяло чем-то воинственно-романтичным, как от древнеримских гладиаторов... Тетя Римма вечно носила квадратные сарафаны, не имеющие талии и более напоминающие чехлы от автомобиля, чем одежду. Чехлы свои она сооружала, видимо, сама, поскольку у окна, как в любом приличном доме тех лет, стояла швейная машинка. И это почему-то вызывало у меня грусть. Я вспоминала одежки для своих кукол, сшитые на такой же машинке. Они мне казались более привлекательными, чем сарафаны тети Риммы. И в чем, интересно, она выходила на прогулку зимой? Как можно было на такой хлипкой машинке пошить себе, скажем, пальто девяносто пятого размера?..

У тети Риммы была своеобразная болезнь, в просторечии называемая «слоновой». Ноги ее выглядели, как две мраморные колонны, а талию было не обхватить никаким ленточным сантиметром. Под белым лицом с огромными черными маслянисто поблескивающими глазами тряслись три мраморных подбородка.

При всем при том удрученной тетя Римма вовсе не выглядела. Скорее, наоборот. Чуть ли не с порога она обдала меня залпом таких хулиганских стишков и песенок, что сердце мое дрогнуло и прониклось к толстушке если не любовью, то уж точноуважением. Стишки и песенки легко запоминались. Я декламировала их дома, шокируя маму с папой и соседей.

Кроме тети Риммы в квартире присутствовал кто-то еще, но она всех напрочь затмевала. А остановить поток ее красноречия никто не осмеливался – видать, толстушка сильно и больно дралась, кулаки у нее были что кувалды, и с тушей ее не сорвать было даже тяжелоатлету. Говорят иногда, что уши бывают и у стен; если это так, то в доме тети Риммы стены затыкали свои уши...

Она могла в один присест опустошить кастрюлю борща, а после уничтожить килограмм пирожных и запить все это самоваром чая. Поэтому на столе у нее в обеденный час и во время ужина стояла большая ваза с эклерами, пирожками с повидлом, а также восточные сладости, пахлава, шякярбура и тому подобное.

...А на другой день мы с бабой Шурой карабкались по крутой лестнице в старом доме без лифта. И нас ждал длинный коридор и комнаты с высокими потолками...

...и два брата.

Это была любовь с первого взгляда. Та, что остается в памяти на всю жизнь.

Младшего из братьев звали Кянан, ему шел пятый год. В прихожей мы долго обнимались при встрече и прощании. Правда, были и обиды, и ссоры, и даже драки. Все, как и положено нормальным людям пяти-шести лет от роду.

Его старший брат Азик уже учился в школе, но это не мешало нам всем троим играть в прятки или, в отсутствие взрослых, устраивать гонки друг за другом по всем комнатам, включая гостиную, детскую, отцовский кабинет и большую ванную, которая закрывалась на старинный железный крючок. Один взрослый в доме при этом все-таки был – баба Шура, но она предоставляла нас самим себе, а сама на кухне жарила сырники и варила суп с фрикадельками или какой-нибудь другой суп. Кстати, супы у нее получались вкусными, потому что были простыми, безо всяких там вредных добавок и приправ. А комнаты оставались на целый день в нашем распоряжении еще и потому, что родители братьев занимали ответственные посты и возвращались домой поздно, когда мы все трое уже сопели в подушки. Да, мы с нянькой иногда оставались тут ночевать; баба Шура устраивалась рядом со мной на краю кровати. Спала она чутко, так, как могла спать только дикая кошка в обнимку с котятами посреди саванны.

О, да, моя нянька временами напоминала дикую кошку, бросающуюся на помощь ребенку, собирающемуся перебежать дорогу в неподложенном месте. Или, например, когда появлялась медленно ползущая поливальная машина. Наверное, со стороны это выглядело забавно: немолодая нянька в своей длинной юбке, мчащаяся по дороге с криком: «Стой там, я иду к тебе!»

Кянан, иначе Нанка, был сладким ребенком. Смуглым, кареглазым, с неподслушными кудрями. Его брат Азик, нескладный, с длинными конечностями, копной нечесанных волос, писклявым девчачьим голосом выглядел куда менее привлекательным по сравнению с младшим братишкой. Азик постоянно ходил за бабой Шурой по пятам и таким вот голосом выклянчивал трешку на приглянувшуюся ему в витрине «Детского мира» новеньку модельку легкового автомобиля неизвестной марки. Но просить деньги у бабы Шуры не мог никто.

Однако разок я сама дала маху, принеся совсем маленькую машинку, слегка побитую, открытую мною в какой-то песочнице.

– А у меня вот чего! – похвасталась я. Машинка тут же была отобрана моей любовью. Весь день я думала, как ее вернуть, избегая при этом ссор и драк. Помог мне неожиданно Азик. Он каким-то образом стащил у братца машинку и незаметно сунул ее мне в руки.

– А у меня вот чего! – повторно похвасталась я, подняв над головой игрушку.

Такого не вынесла сама баба Шура, и машинка была надежно укрыта ею от всех нас. Это был первый и последний воспитательный урок моей няни: «Не хвастай тем, что имеешь ты и не имеют другие».

И вот зимой, когда выпал нечастый в нашем городе снег, случилось так, что предмет моей влюблённости подхватил на прогулке жуткую ангину, уплетая снежный ком. Собственно, мы оба были застуканы за одним и тем же занятием. Только я, будучи постарше и поумнее, лишь дотрагивалась кончиком языка до «лакомства». А он ел снег взаправду, спрятавшись за деревом.

– Ну, баба Шура, когда мы пойдем проведать Нанку? – канючила я до тех пор, пока няня не согласилась.

И вот мы пришли.

Больной ангиной Кянан сидел на кровати с перевязанным горлом и держал перед собой настоящую гитару, из-за которой едва был виден сам. При моем появлении он воодушевился и стал изо всех сил рвать струны. Профессионально, ничего не скажешь, вот только какая при этом звучала мелодия – никто не брался определить, но все равно было забавно. Особенно, когда час спустя мы оба прыгали по кровати, как ненормальные, размахивая несчастной гитарой, рискуя разбить ее лакированный корпус о металлическую спинку кровати. Потом гитара была отставлена, и в ход пошли традиционные подушки. И полетели перья, вначале как мелкие снежинки, а потом все гуще и гуще...

Где ты теперь, Нанка?..

Число приятелей и особенно приятельниц у бабы Шуры возрастало с каждым месяцем.

Однажды в погожий день нас понесло за город на электричке. Мы смотрели в окно, как упливают назад городские улицы с многоэтажными домами. А впереди нас встречали частные домики под скособоченными крышами из красной и зеленой черепицы. Они были у кого-то побольше, у кого-то поменьше, у кого-то рос во дворе дикий виноградник, у кого-то – инжирные и гранатовые деревья, кое-где виднелись палисадники, и почти везде – собачья конура. А вот в дом, к которому мы направились, сойдя с электрички, пройти можно было беспрепятственно, потому что ни кошурой, ни собакой тут и не пахло, и даже калитка была не заперта. Зато на штакетнике сидели две белоснежные кошки с зелеными глазами. Судя по всему, вольнолюбивые, но, к моему счастью, предрасположенные к ласкам.

– А я как-то никого и не ждала сегодня, – заговорила вышедшая нам навстречу пожилая, коротко стриженная тетка с горбатым носом и зеленоватыми, как у своих кошек, глазами. Она прихрамывала и опиралась на палочку.

– А мы как-то без объявления, – пошутила баба Шура.

Минут через пятнадцать на деревянный, покрытый kleenкой стол во дворе выставлены были сахар, традиционные карамельки и окаменевшие пирожки, испеченные не менее трех дней назад. А еще – малюсенькие бутербродики с маслом, намазанные посередке еще чем-то черным. И закипал электрический самовар, включенный в розетку на дереве. В дом нас с няней не пригласили, да и ладно: погода вполне располагала к чаепитию во дворе.

– Это что ж – твоя новая воспитанница? А чего молчит?
– Она всегда молчит.
– А конфеты почему не берет?
– Она шоколадные любит.
– А бутерброды почему не ест?
– Стесняется, – объяснила баба Шура, оправдывая мою заторможенность от вечной боязни чем-то перепачкаться.

– У меня нет шоколадных, – помолчав, ответила хозяйка. – Были, когда сын в Москву летал. Теперь не летает. Осел там навсегда. Меня зовет. Ты ведь тоже тут не останешься, верно?

– Ясное дело, – сказала баба Шура. – Кто ж на старости лет за мной ухаживать будет?

– Вот и я о том же. Тем более, с нашим дворянским происхождением...

– Да ну его, это происхождение...

– Не скажи, – возразила хозяйка. – Твой дед при Николашке из царского пруда осетров на обед вылавливал. А ты, к примеру, картошечкой с маслицем довольствуешься. На твою-то пенсию много икры черной возьмешь?

– Я эту икру в рот никогда не брала и не возьму. А пенсия у меня нормальная. Да и родители моих детишек помогают...

– Знаю, знаю, – сказала горбоносая приятельница. – То-то нахватала себе чужих детишек. И почему икру черную не ешь – тоже знаю. После того, как Николашку скинули, многие опасались в рот что-либо дороже черного хлеба брать. Пролетарские кумовья по ресторанам все высматривали...

– Давай оставим в покое те времена, – перебила ее баба Шура и положила на мою тарелку бутерброд. – Икру я просто не люблю, и все тут. А она у меня сейчас одна (кивок в мою сторону). И проблем с ней нет.

– Да. Послушная, – согласилась хозяйка дома и наклонилась ко мне. – А ты тетю Манану не слушай, она просто болтает, о своем, о наболевшем...

Потом она опять обратилась к бабе Шуре, откусившей кусочек карамельки и поднесшей ко рту блюдце с горячим чаем:

– Мой отец был грузинский князь, царских кровей. А что я имею? Этот вот дом, четыре пустые комнаты, несколько картин да люстру из хрустяля. Все это и не прощаешь толком. Засудят. Да, и твой орденок я храню.

– Оставь его себе, – равнодушно сказала баба Шура.

– Ты чего, Шурка, совсем охладела к своим предкам на старости лет? – повысила голос тетка Манана и сразу же рассмеялась. – Через каких-нибудь лет пятнадцать-двадцать цены ордену не будет! Вот увидишь. Любой коллекционер... Времена еще настанут. Я это чувствую. И не дай Бог какие времена. Вот увидишь, – повторила она и добавила: – Даром, что ли, меня в округе все считают провидицей.

– Так меня тогда вообще на свете не будет, – засмеялась и нянька. – Как же я все это увижу?

– Ну так дети...

– Не дал мне Бог детей...

...Мысль о том, что бабы Шуры когда-нибудь не станет на белом свете... а значит, когда-нибудь не станет и меня самой... – крепко-накрепко засела в мою детскую голову. Толстым гвоздем. Таким, каким приколачивают крышку гроба.

Невеселые мысли эти подкреплялись еще и «веселыми» походами на кладбище. Баба Шура и туда в скором времени не постеснялась отправиться в компании со мной. И случилось это на Пасху.

— Мы идем в гости, — объявила няня. — Только чур не плакать. Хозяева этого не любят.

... — Здравствуйте, дорогие мои, — поприветствовала баба Шура могильные холмики с мраморными надгробьями. Она вытаскивала из своей сумки разрезанные вдоль пасхальные куличи и яйца, крашенные отваром из луковой шелухи. И раскладывала все это по холмикам, приговаривая: «Бедным все пригодится, они съедят».

Холмиков за бабой Шурой значилось несколько. Все они так и лежали в ряд: покойный муж, покойные родители мужа, еще кто-то из родни... То, что существуют какие-то там «бедные», которые собирают по кладбищу все съестное и запихивают его себе в рот, шокировало меня. Как и тот факт, что с мертвецами можно еще и общаться...

И тут, как на заказ, где-то вдали грязнул похоронный марш. Со всей фальшью не попадающих в ноты духовых и диким металлическим лязгом тарелок. И мне показалось, что начался марш мертвцев, идущих на запах бабышуриных гостинцев. И когда только нянька успела замесить тесто для куличей, испечь их, посоветовать в сумку?

А похоронный марш звучал все громче и громче. По моей спине забегали мурашки. А бабы Шуры рядом не было. Она сказала, что пойдет за водой, и исчезла из поля зрения. Надолго. Не иначе, ее окружили покойные родичи и требовали ключевой водицы, запить куличи и сваренные вкрутую яйца...

Тут рядом со мной возник «сердешный друг» бабы Шуры.

Друг был особенным. Его можно было узнать даже издали, по длиннополому синему пальто, с которым он никогда не расставался. Так же, как и со своей каракулевой шапкой. Я подумала, что ему подошло бы прозвище «Штатский советник» (именно так: «штатский»). Причем бывший советник. Теперь он был просто пенсионер, хотя и сохранил свою былую важность и стать.

Несмотря на исходящее от него обаяние, старик иногда вызывал и негативные эмоции — например, когда неожиданно возникал, как из-под земли, во время наших с няней прогулок по Приморскому бульвару. «Штатский советник» пристраивался рядом и негромким, но внушительным голосом вел светскую беседу, в смысл которой я тогда не особенно вникала.

— Посмотрите, как чайки разыгрались над водой, — скажет, например, баба Шура.

И тут же «Штатский советник» поправит ее:

— Это не чайки, Шурочка. Это черноголовые мартыны.

И пойдут беседовать дальше.

После окончания прогулки мы расставались со стариком. В дом к бабе Шуре он никогда не заходил, словно боясь чем-то скомпрометировать ее перед соседями.

Наверное, при другом раскладе он мог бы стать ее любовником. Но их годы, как говорится, уже улетели. Остались только общие воспоминания. Если, конечно, они действительно были общими, а не ограничивались временем бульварных прогулок.

Обращаться с детьми «Штатский советник» не умел. Похоже, он вообще не выносил детей. Попадись ему на улице ребенок, идущий навстречу, он просто перешел бы на другую сторону улицы. Во всяком случае, рядом с бабой Шурой вредный старик меня в упор не замечал. И тут, на кладбище, он просто стоял рядом, не пытаясь завязать хоть что-нибудь похожее на беседу. И когда я, истерзанная собственным воображением, нарисовавшим мне картину оживших покойников, обступивших любимую няньку, исторгла громкий истеричный вопль, — оркестр сбылся с такта. А на надменной физиономии псевдолюбовника бабы Шуры появилась брезгливая гримаса. И все.

3

— Александра Константиновна, дорогая, ну как вы могли взять **такого** ребенка на кладбище?!

— Какого «**такого**»? — непонимающе хлопала глазами баба Шура. — И я даже и не предполагала, что во второй половине дня будут хоронить...

— Так вы что — еще и на ночь глядя туда потащились?!

...Несмотря на все протесты моих родителей, которым вновь пришлось напоминать упрямой няньке про мою нервозность и бессонницу, заботливая и сердобольная баба Шура не переставала ухаживать за могилами не только родственников своих, но и друзей. А также умерших друзей своих друзей, переехавших жить в другие города. И при этом брала меня с собой.

— Глупо бояться покойников, — втолковывала нянька, вопреки обыкновению крепко держа меня за руку, чтобы я не испугалась вновь, потеряв ее из поля зрения.

— Посмотри, какие они все смиренные лежат. Опасаться надо живых.

И тут на нас вышагнул откуда-то «Штатский советник». Ввиду теплой погоды он был без пальто и каракулевой своей шапки, и теперь видно было, как он тощ и плешил. И не таким высоким он уже казался. И уже мало походил на «Штатского советника».

— Доброе утро. Вы нас прямо-таки напугали, Павел Казимирович, — промолвила нянька. — Ну как, все в округе, небось, перекопали?

— Что вы, Шурочка, как можно! Вы меня под статью подведете, ей-богу! — жалобным голосом сказал тот, кого звали, оказывается, Павлом Казимировичем. — И почему я должен расплачиваться за грехи вашего покойного батюшки?

— А вы хорошенько подумайте, прикиньте, так сказать, куда **ваш** батюшка мог закопать икону **моего** батюшки! И зачем, спрашивается, он это сделал?

— Он это сделал, чтобы спасти вашу семью от ссылки в Сибирь!

— Скажите, пожалуйста, какой благородный поступок, — съязвила баба Шура. — Что ж он вам даже карты никакой не оставил?

— Оставить-то он оставил, — Павел Казимирович из последних сил старался выглядеть достойно. — Но она сгорела вместе с конюшней... Вас проводить?

— Не стоит, — отрезала баба Шура и добавила не без юморка: — Мы не маленькие, сами выберемся.

— Тогда позвольте откланяться.

— Позволяю. Только не исчезайте надолго, Павел Казимирович, вы мне еще понадобитесь...

...В детский сад меня не принимали: «Слишком маленькая, едва на ногах держится, толкнут, уронят, а нам потом отвечать».

Потому-то в моей дошкольной жизни и появились няньки.

Первую звали баба Ната.

Она отличилась тем, что крепко связывала ребенку руки перед тем, как запихнуть ему в рот ложку с горячей и невкусной кашей. Перемазанный ребенок вопил на всю округу, но у бабы Наты было каменное сердце.

Вторую няню звали баба Зоя.

Она была хоть и помоложе первой, но страдала небезопасными психическими отклонениями: так, когда ей что-то встrevало в голову, она могла вывести своего воспитанника на самую середину проезжей части и оставить там, а сама убегала и наблюдала потом из-за угла, как напуганного ребенка огибают яростно сигналящие автомобили.

Третья няня, баба Шура, несмотря на все свои великолепные качества как няни, так и человека, принялась водить меня по кладбищам.

Пусть и не часто, но все же. Да еще и устраивала там разборки со своим несостоявшимся любовником, охотником за старинными иконами. Но для меня баба Шура все равно оставалась самой любимой нянькой на свете. Я всякий раз буквально бежала к ней со всех ног и всем с гордостью о ней рассказывала.

А вот дома...

– Что же мне делать? – причитала мама. Она нервно расхаживала по всем трем комнатам, время от времени поднимая взор к потолку, будто ждала ответа свыше.

– Бросай работу, сиди сама со своим ребенком, – хладнокровно советовала моя бабка, мамина мать, которая ни в какую не желала сидеть со своей единственной на тот момент внучкой. Что было тому причиной? Скорее всего, дурной характер и себялюбие. А может, причина крылась гораздо глубже и была намного интереснее...

– Бросай работу, – повторила бабка. – Как это сделала я в свое время. Я вас всех воспитывала без всяких нянь... и воспитала на свою голову.

– Замолчи, – с надрывом сказала мама. – Ты же ничего не понимаешь...

– Я не понимаю? Сама замолчи. Развела на кухне грязь. Ленишься даже сковородку за собой помыть. А ребенка учишь...

– Не твое дело! – повысила голос мать.

Их голоса становились все громче и громче, поднимаясь до истеричных нот. И вот уже полетела в кого-то грязная кухонная тряпка, а следом за нею еще что-то... только что не ножи и вилки.

Я сидела на кухне и мелко дрожала, как собачонка в ненастную погоду, к тому же еще поскуливая тихонько. Табуретку, добротную, широкую, на которой я сидела, не доставая ногами до пола, сколотил когда-то мой дед. На столе передо мной лежал на тарелке мой любимый бутерброд – с плавленым сыром, яйцом и зеленым луком. Но я к нему даже не притрагивалась.

Мысли мои витали где-то там, далеко отсюда. Мне так и хотелось соскочить с табуретки и помчаться домой к бабе Шуре. Но я понимала, что это не имеет смысла: во-первых, через несколько дней начиналось жаркое лето – пора, когда я переставала ходить к няньке., а во-вторых, баба Шура, скорее всего, укатила на поезд в Саратов, как и обещала. И, возможно, уже не вернется.

Пока, баба Шура!

...Все куклы возвращены домой. Все кошки отпущены на свободу. Все высохшие листья сожжены дотла.

Прощайте, Александра Константиновна. Как сложилась ваша судьба вдалеке от меня?..

Продолжили ли святое дело свое в чужом городе? Сравнивали ли своих новых воспитанников со мной?..

Но только в одном у меня нет сомнений. В том, что, глядя на меня с небес, вы простили бы мне все то, что я нафантазировала про вас, разукрасив ваше прошлое, о котором я ничего не знала, а также настоящее. Вы бы только улыбнулись лучезарно и погрозили мне пальчиком.

Распрощавшись со своей любимой, несмотря ни на что, нянькой, я автоматически распрощалась и с другими связанными с ней людьми. С тетей Риммой – музой гладиаторских боев, красоткой с Берега Слоновой Кости, – почему-то мне именно так хотелось ее называть... Со «Штатским советником», которого больше никогда не встречала, ни на Приморском бульваре, ни на кладбищах, словно его и не существовало вовсе.

А главное, я напрочь позабыла, какая дорога вела нас в дом к моей незабываемой первой любви, к двум братьям с удивительными именами: Азер и Кянан.

По мере того, как я росла, мир вокруг меня менялся. И менялся так стремительно и бесповоротно, что я за ним не поспевала и поэтому часто ощущала себя потерянной. Мне так хотелось порой, чтобы кто-нибудь взял меня за руку и повел встречать рассвет, накормил меня сырниками, напоил сладким чаем, закутал в плед. Со мной многое произошло. Я побывала замужем, но так и не повзрслела окончательно.

Прошло лет двадцать, а может, и больше – кто их подсчитывает, эти годы.

Как-то раз, проходя мимо Крепости, мне вдруг взбрело в голову навестить тот самый переулок. Оказалось, он никуда не исчез. Все переулки Крепости были на месте...

...а вот самого дома уже не было. Не было и того самого узкого дворика с тесно прижавшимися входными дверями, ведущими в квартиры. Все превратилось в руины, груды камней и досок. И среди них одиноко стояла всеми позабытая кровать, голая, с продавленной железной сеткой, на которой навален был строительный мусор, ощетинившийся гвоздями и битым стеклом. Не присядешь, чтобы предаться воспоминаниям, подумать о наболевшем.

Уцелела еще и часть стены, на которой когда-то висел портрет. Сам портрет сейчас валялся под ногами. С покореженной рамкой и треснувшим стеклом, сквозь которое проглядывала мутная фотография.

Я подняла портрет. От былого величия и значительности не осталось и следа, с трудом можно было разобрать вообще, кто там запечатлен. Тем более, что глаза человека на фотографии кто-то выжег сигаретой, а «георгия» на груди замазали красной краской. Внутри меня все похолодело и сжалось: ну как, как могла нянька поступить так с портретом своего покойного супруга?..

И тут пространство вокруг меня засветилось каким-то голубоватым сиянием. Кучи мусора расплылись, потеряли свои очертания, все стало виднеться как через очки с темно-синими стеклами. И зазвучали где-то на грани слышимости невнятные голоса. Постепенно они стали слышны все громче и громче, и теперь можно было разобрать, что это мужской и женский голоса.

– Какая у нас узкая кровать, ты не находишь, дорогая? – произнес мужской баритон.

– Да нет же, она просто квадратная, – засмеялся грудной женский голос. – Но мне она нравится.

– Я рад, о, моя графиня, что тебе все нравится. Хотя в твоем замке...

– Ха-ха, я давно уже не графиня, и я совершенно не помню, что происходило в моем замке.

– Ах, вот как? Ну тогда я, пожалуй, тоже не граф... Прошу тебя – когда я уйду на фронт, присмотри за детьми Павла. Помоги его жене. У тебя это получается лучше всех.

– А вы что, мой граф, уже и на фронт собирались? Одну меня решили оставить? – женский голос погрустнел.

– Такое может случиться в любой момент, – тихо ответил мужской голос, и был он преисполнен печали.

И тут послышался громкий, настойчивый стук в дверь – похоже, стучали не то сапогами, не то прикладами ружей... в дверь, которой давно не существовало. Синее пространство наполнилось шумом. Топали многочисленные ноги. Раздавались громкие окрики, звуки ударов...

– Вы что тут делаете? – послышалось сзади.

Синий свет исчез. Призрачные голоса и звуки тоже пропали. Окружающие предметы вновь приобрели знакомые очертания.

Но я все еще не решалась обернуться.

Когда я все-таки решилась, то увидела совсем молоденькую девушку, которая сидела на полу, поджав ноги, обмотанные подолом сарафана, опираясь спиной о железную кровать. Она о чем-то думала. Выражение ее лица было печальным, казалось, она вот-вот заплачет. Чувственные губы, маленький носик, светлые глаза с чуть приподнятыми уголками... Именно эти глаза мне показались до боли знакомыми. И еще – коса, туго заплетенная, опускающаяся ниже талии.

Она подняла на меня взгляд и спросила:

– Вы из новых жильцов?

– Почему вы так решили? – растерялась я. – Впрочем, может быть, да... а может, и нет.

В конце концов, передо мной сидел лишь призрак. Плод моего воображения. Имело ли смысл объяснять что-либо призракам? Здесь было важно просто поддержать разговор, хотя бы из любопытства.

– Вы не знаете, кто вы есть? – взгляд девушки сделался ироничным. – И одеты вы как-то странно.

– У нас такая мода.

– Правда? И подстрижены слишком коротко. У вас был тиф?

– Это тоже мода. Я из будущего. А вы... вы моя будущая няня.

– А откуда у вас фотография моего жениха? – девушка нахмурилась.

– Это ваш жених?.. – я взглянула на фото, которое все еще держала в руках. Портрет удивительным образом преобразился. На нем ясно виден был молодой красавец, белый офицер.

– Да, это мой жених. И он ко мне вернется, – горячо заверила она меня. – Вернется. И мы поженимся. Вот увидите...

– Я не увижу, – вырвалось у меня.

– Увидите, увидите, – повторила девушка. – И у нас будет много детей. Ведь он вернется, правда?

Надо же! А говорят, что духи неуязвимы... Я не знала, чего в этих глазах, обращенных на меня, было больше – сомнения, боли или мольбы... Мне надо было просто пожалеть ее. Но вместо этого в моей душе вдруг вспыхнула глупая ревность. К кому я, собственно, ревновала предмет своей симпатии – лицо на фотографии? К той, которой уже не существовало. И не могло существовать. И не могло уже существовать того мужчины, в которого мы обе были влюблены.

Она его знала живым, он больше принадлежал ей. А у меня в руках был всего лишь его портрет. Это было как-то несправедливо по отношению к судьбе.

– Отдайте мне фотографию моего возлюбленного, – проговорил призрак.

– Не отдам, – я прижала портрет к груди. – Обойдешься!

Затем я повернулась и ушла, поскольку уже сгущались сумерки. И оставаться рядом с призраком, пусть даже призраком моей молодой няни, было как-то неприятно. Для меня любой призрак ассоциировался с загробным миром.

Я уносила с собой портрет и плакала.

Плакала от жалости к той, что сидела на полу в ожидании своего возлюбленного. К той, что сохранила на всю жизнь верность к одному-единственному мужчине.

Но теперь я знала, почему портрет, когда-то висевший на стене, никто не тронул.

Его оставили мне.

(Баку, октябрь 2022)

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

АЛИНА ТАЛЫБОВА

КТО ПОСТРОИЛ БАКСОВЕТ?

Размышления на Улице польских архитекторов

Об Иосифе Гославском мне доводилось писать с вариациями в разные годы для разных изданий.

В очередной раз проходя по небольшой уличке, которая с недавних пор носит знаковое название «Улица польских архитекторов», я вспомнила, как в свое время впервые столкнулась с этой темой, и как она, словно магнит, стала притягивать к себе все новые крупинки воспоминаний, воплощенных то в старинной, поблекшей от времени фотографии, то в случайном разговоре, вдруг вспыхнувшем в старом бакинском доме, полном городских легенд и теней, то в обнаруженному в домашней библиотеке прошловеком номере «Литературного Азербайджана» с «польской» подборкой... Все эти кусочки мозаики в итоге и сложились в текст, который мы сегодня предлагаем вниманию читателей с небольшими поправками на прошедшие годы...

Часть 1 Шкатулка с секретом

Поистине наш город, как шкатулка с секретом, и невозможно угадать, в каком из его уголков отыщется еще одна бусина, соскользнувшая с нити Времени...

Наш рассказ начинается на заре XX века с упоминания о братьях Анатолии и Аполлоне Семеновых. Братья Семеновы были заметными фигурами в тогдашнем Баку, переживавшем на стыке двух столетий оглушительный нефтяной бум. А Семеновы как раз были инженерами нефтяного хозяйства (тогда слово «инженер» еще звучало гордо), занимались тем, что мы теперь называем нефтехимией. Наверное, все бакинцы знают очаровательный особнячок, расположившийся у подножья нашего фуникулера, но мало кто знает, что в те давние годы, когда не было еще ни Дворца ручных игр, ни фуникулера, ни ресторана «Уайт Клуб», много лет занимавшего первый этаж особнячка, дом этот принадлежал Анатолию Федоровичу Семенову с семейством.

Как согласно поговорке, все пути ведут в Рим, так и в Баку тогда все замыкалось на нефти. Нефть означала деньги, и не просто деньги, а очень большие деньги. Оговоримся сразу: деньги сами по себе ни плохи, ни хороши – это люди вкладывают в них то или иное содержание. Знакомясь с документами тех лет, очень трудно удержаться от аналогий с событиями, грязнувшими на исходе все того же ХХ века: и тогда фантастически быстро создавались капиталы, строились роскошные дома в черте города и за его пределами... Но, пожалуй, главное отличие той эпохи от «новых» реалий заключалось в том, что, как правило, тогдашние обладатели звездных капиталов были заняты своим Делом и благосостояние свое зарабатывали собственными знаниями и умениями, не забывая при этом и о «вспомоществовании нуждающимся». Вот интересная информация к размышлению: в самом начале ХХ века Совет очередного съезда нефтепромышленников принимает решение о финансировании строительства в Баку Народных клубов (говоря современным языком, Домов культуры) – тогдашних нефтемагнатов, оказывается, беспокоило, что ввиду дороговизны билетов в профессиональный театр театральные представления недоступны для простого народонаселения (!). Как известно, меценатами становятся не по расчету, а по любви.

В те годы, о которых идет наш рассказ, склонность к меценатству была еще одним непременным отличием людей состоятельных, и именно поэтому рядом с дорогими магазинами, банками, веселительными учреждениями строились читальни, музеи, театры... Передовые люди того времени были совершенно справедливо озабочены развитием народного образования, связывая прогресс государства, его будущее в первую очередь с образованием народа, его населяющего, – соответственно, в образование вкладывались немалые деньги. И семья Семеновых в этом смысле не была исключением: под покровительством Анатолия Федоровича и его супруги Михалины Карловны, польки по происхождению, состояла школа для детей рабочих в Балаханах. Кроме этого, супруги являлись официальными попечителями одного из самых солидных образовательных учреждений того времени – женской гимназии Вальд. Причем, слово «попечитель» не было для них пустым звуком, а означало серьезную материальную и моральную ответственность за своих питомцев. Михалина Карловна активно участвовала в школьной жизни, устраивала костюмированные балы... Полистаем пожелавшие страницы инструкции того времени: «...Вместе с образованием ума школа заботится и об образовании сердца, об образовании убеждения, укреплении добрых нравов, прилагает все свои усилия к тому, чтобы из школы выходили люди, не только знающие и умеющие, но и честные, и добросовестные...» Сегодня, когда только ленивый не говорит о драматическом коллапсе образовательной системы, можно, пожалуй, только горько усмехнуться над этими словами.

Заботясь о единстве формы и содержания, та же инструкция предписывала, что «здание, где располагается школа, должно быть светлым, просторным, приспособленным и оборудованным для намеченной цели» – и вот здесь мы и подходим к главной теме нашего рассказа. Во второй половине XIX века, с началом плановой разработки каспийских месторождений бывший уездный город фантастическими темпами превращается в крупнейший промышленный и торговый центр. В газетах тех лет Баку называли «Кавказской Пенсильвией», «Азиатским Клондайком»... Бурно разраставшийся город привлекал к себе классных специалистов в самых разных областях, в том числе и архитектуры – город строился не по дням, а по часам. Архитектура требовала больших затрат, и затраты эти покрывались также из «нефтяных» денег. Промышленники и финансисты не скупились вкладывать средства в камень и мрамор, в пиластры и капители и, как показало время, оказались совершенно правы. Как люди со вкусом (что тоже выгодно отличало их от нуворишей новейшей истории), они привлекали к своим проектам Профессионалов с большой буквы, людей по-настоящему талантливых. Выстроенные ими здания лучше любого компьютера донесли до нас за-программированную в них память о своих создателях и владельцах, на целый век (и более) пережив и тех, и других.

В те давние годы, в числе прочих, по приглашению городских властей в Баку приезжает выпускник Петербургского института гражданских инженеров Иосиф Гославский. Между прочим, он – двоюродный брат Михалины Карловны Семеновой. В тогдашнем Баку вообще проживало достаточно много поляков – Польша была чем-то вроде того, что мы теперь называем ближним зарубежьем.

Город, в который приехал молодой инженер (ему немногим за 20), еще совсем не похож на тот Баку, который мы с вами, дорогой читатель, знаем с детства. Давайте пройдемся вместе с нашим героем по Николаевской улице (позже Коммунистическая, ныне Истиглалийят). Трудно представить, но на ней еще нет ни одного из тех великолепных зданий, мимо которых мы с вами проходим, пробегаем, проезжаем, порой даже не поднимая головы. (Одно время вообще планировалось просто разбить бульвар вдоль крепостной стены и этим ограничить благоустройство одной из центральных бакинских магистралей.) Гославский часами ходит по городу, профессиональным взглядом присматривается к городской перспективе, вдыхает густой соленый воздух с моря и – работает, работает... Блестящие способности, помножен-

ные на фантастическую работоспособность, не замедлят принести свои плоды: уже в 1892 году Иосиф Гославский назначается Главным городским архитектором – эту должность он будет занимать все последующие 12 лет, оставшиеся до его бессрочного ухода из жизни. Но пока что наш герой жив и здоров, и полон творческих сил. В свободное время он – частый гость в том самом семеновском особнячке, где он с удовольствием общается с родственниками, завязывает новые знакомства...

Часть 2 **Союз Таланта и Капитала**

Отдельного разговора в нашем рассказе заслуживает сюжетная линия «Тагиев – Гославский». Знакомство «кавказского Растрелли», как уже называют тогда Гославского, с известнейшим нефтепромышленником и меценатом, позднее перейдет в многолетнюю личную дружбу – Гаджи Зейналабдин Тагиев сумеет по достоинству оценить профессиональные и человеческие качества архитектора. Этот союз Таланта и Капитала окажется удивительно плодотворным: в результате их встречи на свет появятся такие жемчужины бакинской архитектуры, как, например, Дворец Тагиева (сейчас Музей истории Азербайджана), где не только общая планировка, но и великолепная внутренняя отделка залов, дизайн мебели и паркета – всё, до самых последних мелочей принадлежит Мастеру. Гославский строил для Тагиева и жилые дома, и дачу в Мардакане, а Тагиевская текстильная фабрика, возведенная им на Зыхе, с полным правом может служить образцом промышленной архитектуры того времени. Кстати, под словом «фабрика» подразумевалось не скучное промышленное здание, а хорошо организованный фабричный поселок с широкими улицами, небольшим сквером, просторным зданием школы.

Перечисляя то, что Гославский строил для Тагиева, отдельно следует вспомнить и тот самый Тагиевский театр (позже Государственный театр музыкальной комедии), судьба которого с самого начала складывалась не слишком удачно. Построенное в 1883 году здание оказалось неудачным: тесное, небезопасное в пожарном отношении, с невыразительной архитектурной физиономией. Театр этот неоднократно горел (последний раз уже на памяти нашего поколения), неоднократно восстанавливался... В 1898 году Тагиев принимает решение подвергнуть театр коренной реконструкции и привлекает к участию в работе Иосифа Гославского, который в рекордно краткий срок представил отличный проект и осуществлял общее руководство строительством до его полного завершения. В результате колossalной работы, проделанной архитектором, удвоилось количество зрительских мест, были со вкусом отделаны лепкой и позолотой зал и ложи, перестроены служебные помещения... Театр как бы обрел новую жизнь.

Часть 3 **«Лебединая песня»**

В том же 1898 году на той же самой Николаевской улице (ей вообще суждено было сыграть особую роль в жизни нашего героя) затевается сразу несколько архитектурных проектов, среди которых был и проект... базара. Да-да, на месте, где сейчас возвышается великолепное здание «Исмаилии» (ныне Президиум Академии наук Азербайджана), планировалось построить большой крытый базар. Возникла эта идея на том основании, что городские власти в то время проводили кампанию борьбы за чистоту центральных улиц и избавление их от мелких торговцев и грязи, ими порождаемой (неизменно актуальные проблемы большого города...). Чтобы уличная

торговля наконец приобрела «в видах благоустройства вполне приличный вид», Гославскому поручили разработать и представить проект базара с тем, чтобы это было «просто, удобно, красиво и дешево», что он и сделал, несмотря на столь разноречивые требования. Но в последний момент все же было решено, что подобному сооружению не место на центральной городской магистрали рядом с уже строящейся (закладка состоялась в том же 1898-м) женской школой, а также реальным училищем и планируемыми к возведению губернаторским домом и городской думой. Кстати, первая частная женская мусульманская профессиональная школа (ныне Институт рукописей Академии наук Азербайджана) тоже была детищем (или, как сказали бы сейчас, проектом) Тагиева, который совершенно справедливо видел в просвещенности будущих матерей залог духовного здоровья последующих поколений. (Автором проекта и строителем этой тагиевской школы выступал традиционно Гославский.) Итак, было решено, что базар будет выстроен в каком-нибудь другом месте. Возведение школы уже подходило к концу, когда 18 мая 1900 года на все той же Николаевской улице состоялась закладка здания, которому суждено было стать пиком профессиональной карьеры Иосифа Гославского и одновременно его «лебединой песней».

Постройка и отделка здания Бакинской Городской думы, вошедшее в наш с вами обиход под названием «Баксовет» (кстати, многие годы то же название носила и расположенная рядом станция метрополитена, ныне «Ичери Шехер»), были завершены в 1904-м, но его создатель – увы! – этого уже не увидел, скончавшись ранее в том же году. Строительство велось с размахом: 400 тысяч рублей, фантастические по тем временам деньги, было выделено властями на создание административной постройки, которая достойно бы представляла лицо городской администрации, а также придала бы выразительность и законченность всей улице. Среди многих и многих зданий, рожденных талантом архитектора, именно это больше всех остальных несет на себе отпечаток неординарной личности его создателя, разбега творческой фантазии, уравновешенной глубоким профессиональным знанием. Давайте остановимся и всмотримся в такое привычное бакинскому глазу здание, наполовину завешенное зеленой листвой разросшихся за прошедший век деревьев. Все в нем необычно: и композиция – четко прорисованная башня, устремленная ввысь, органично вписанная в классический фасад, и смелое цветовое решение – сочетание декоративного красного кирпича (его специально доставляли из Италии) с традиционным бакинским белым камнем. Те, кому довелось побывать внутри здания, могли по достоинству оценить и великолепный парадный интерьер: летящая мраморная лестница, мозаичные полы, лепные барельефы, колонны, бронзовые светильники, хрустальные люстры – во всё это также была вложена частичка души Иосифа Викентьевича Гославского.

Если бы мы захотели перечислить всё построенное Гославским на бакинских улицах, пришлось бы приводить длинный список, в котором оказались бы и многочисленные жилые дома (многие из которых сегодня объявлены памятниками архитектуры), и здания Технического училища и Технического общества, и комплекс зданий «казизбековской» больницы... Предполагалось, что Иосиф Викентьевич примет участие и в постройке еще одного из знаковых зданий города – Театра оперы и балета, но этому не суждено было осуществиться. Гославский скончался от туберкулеза, не дожив даже до своего 40-летия. Приходится только удивляться, какой емкой и яркой оказалась эта недолгая жизнь...

Вообще всякий, кто возьмется писать об Иосифе Гославском, окажется в затруднительном положении, столкнувшись с почти полным отсутствием каких-либо данных о Гославском-человеке. Вся информация, которую можно обнаружить в специальных изданиях, в газетных статьях разных лет, и даже та, что выложена за последние годы в мировой сети, по сути ограничивается перечислением его построек и пересказом некролога из «Кавказского вестника» за 1904 год. Прибавим сюда еще

единственный растиражированный портрет – вот, собственно, и все, чем мы располагаем.

сразу же берет девушку, оказавшуюся в чужом городе без родных и друзей, под свое крыло – Евгения вошла в их семью на правах старшей дочери. Когда в Баку наступала удушающая летняя жара, все семейство отправлялось в Польшу и дальше в Европу: Франция, Швейцария... Эти поездки на всю жизнь остались самым ярким воспоминанием в жизни Евгении Петровны Кутаржевской. Прошло время, выросли дети и внуки Евгении Петровны, которые и сохранили это уникальное фото, передавая его из поколения в поколение, из рук в руки. Всю жизнь прожила в Баку и племянница Гославского, Валентина Анатольевна Семенова – та самая девочка в «матроске» с той самой старинной фотографии. К сожалению, и семейная память сохранила совсем немного информации о ее знаменитом дяде, возможно, потому, что он слишком рано ушел из этого мира... Остались разрозненные рассказы о мягком, застенчивом, болезненном человеке с проблемными легкими и слабым сердцем, беглые наброски, сделанные рукой архитектора, которые тоже берегли, как реликвию, все эти годы. Как известно, «лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье...» Сегодня, «через сотню разъединяющих лет» нам захотелось попытаться еще раз воскресить из небытия светлую фигуру Иосифа Викентьевича Гославского...

Часть 4 «Растет береза средь Кавказских гор...»

Наш город – город неповторимой индивидуальности и почти магического обаяния, недаром он пожизненно снится ночами даже тем своим гражданам, кто покинул его много лет назад, разлетевшись по отдаленным городам и весям. Облик Баку создавался людьми самых разных национальностей и эстетических пристрастий – это и создало уникальную разноголосицу стилей и направлений, где Европа на равных соседствует с Азией, а модерн – с традиционными минаретами. Польский вклад в азер-

Но мне в свое время удалось заполучить в качестве иллюстрации к материалу уникальную фотографию, где Гославский снят с сестрой Михалиной Карловной и ее детьми. Со дня, когда свернула та давняя вспышка в старинном ателье, прошло сто с лишним лет, и это столетие было не самым спокойным в истории человечества. Как же сохранилась эта давняя, пожелтевшая на углах фотография? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нам опять придется вернуться в давно минувшие годы. В 1902 году в ту самую школу для детей рабочих в Балаханах приезжает учительствовать молоденькая полька Евгения Кутаржевская. Семья Семеновых-Гославских

байджанскую архитектуру оказался весьма значителен. 80-е годы XIX века стали периодом становления, формирования архитектурного облика города. Именно в эти годы в Баку трудилась целая плеяда блистательных выпускников Петербургского университета гражданских инженеров: тот же Гославский, И.К.Плошко, К.Б.Скуревич, Е.Я. Скибинский... Даже работая на заказ (в большинстве своем для частных и таких разных заказчиков), эти архитекторы сумели поднять заказную архитектуру до уровня большого искусства. Именно поэтому их имена с полным правом могут быть упомянуты рядом с именами гениальных зодчих средневекового Азербайджана. Школы, гостиные, банки, пассажи, жилые дома, мечети... Да-да, и мечети – к примеру, тот же Иосиф Плошко, автор потрясающих готических палаццо «Исмаилии» и Мухтаровского особняка (ныне Дворец счастья), строил Мавзолей Хаджи Абу Тураба в Мардакане и мечеть на бывшей улице Свердлова (ныне Салатын Аскеровой). Будучи выходцами из разных культур, архитекторы того времени, впитав в себя дух и очарование древнего Востока, талантливо вводили в свои постройки национальные мотивы, подкрепленные классической европейской традицией, еще раз наглядно подтверждая, что взаимопроникновение этносов и культур неизменно обогащает все стороны.

В 40-е годы XIX века на Кавказе жил и работал польский поэт Тадеуш Лада-Заблоцкий, один из подвижников азербайджано-польских отношений. Он в те годы за какие-то политические провинности был сослан рядовым в «Южную Сибирь», как тогда называли Кавказ. Будучи человеком разносторонних интересов, Заблоцкий изучал историю, литературу, этнографию народов Кавказа, собрал большой материал об азербайджанских писателях, объездил Кубу, Шамаху, другие регионы... Поддерживал тесные связи с видным ученым и поэтом Аббасом-Кули-ага Бакихановым, помогал ему в переводе на русский язык «Истории восточной части Кавказа». В свою очередь Бакиханов знакомил Заблоцкого с популярными азербайджанскими народными песнями, помог ему перевести их на польский язык, составить необходимые комментарии. Польский поэт оставил множество интересных стихотворных зарисовок о природе и людях Азербайджана, вызывавших в нем живой интерес и искреннее восхищение.

Среди стихотворений Лады-Заблоцкого есть одно с символичным названием «Растет береза средь Кавказских гор...» Разрозненные польские семена, занесенные ветрами истории на Кавказ, не пропали даром – польская береза пустила прочные корни на благодатной азербайджанской земле. Немногочисленная, но сплоченная польская община всегда принимала активное участие в жизни Азербайджана, являясь полноправными гражданами своей новообретенной родины. В свое время бакинские улицы украшал выразительный двухбашенный костел, построенный незадолго до революции все тем же архитектором Плошко. После его сноса в 1930-е наши католики долгие годы не имели собственного храма, но на фоне новых исторических процессов, вошедших в нашу жизнь на стыке веков, когда мы стали избавляться от греха нетерпимости, руководством республики было принято решение, что эта историческая несправедливость, наряду с другими, должна быть исправлена. В 1997 году была восстановлена католическая община, а в 2000-м Папой Римским была создана новая миссия в пределах Азербайджана, и у азербайджанских католиков появился первый постоянный пастырь. А в 2006 году на одной из бакинских улиц поднялся новый храм Непорочного зачатия Пресвятой Девы, унаследовавший свое название от снесенного некогда предшественника, но решенный уже в современном архитектурном стиле с элементами неоготики. Функционируют посольство, польский культурный центр, общество «Польша-Азербайджан». Растет береза средь кавказских гор...

ГЮЛЯР АБДУЛЛАБЕКОВА

ВОСТОК В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ ЕВРОПЫ

Начало исторической известности Востока в европейской культуре относится к эпохе античности. В лучших классических произведениях историографии, добросовестно и объективно созданной в античной Греции и Риме такими писателями, как Фукидид, Ливий, Тацит, Аммиан Марцеллин, находит свое отражение тема Востока.

С развитием товарно-денежных отношений европейцы приобщаются к достижениям материальной культуры, которые в основном определялись ростом городов и развитием товарного производства. Значительную роль сыграли при этом усилившаяся торговля и знакомство с культурой мусульманского Востока, вынесенной отчасти из крестовых походов (1096-1270). Прямой контакт западноевропейского рыцарства с народами Востока расширил их умственный кругозор, познакомив с огромным миром новых жизненных форм и понятий, поэтических сказаний, с продуктами более сложной и тонкой культуры. В обстановке и под влиянием всех этих умственных приобретений европейцы культурно растут и развиваются, перестраиваются. Рыцарство сохраняет свою классовую природу со всеми его типичными чертами, феодальные войны и грабежи по-прежнему остаются основным его занятием, его быт и нравы сохраняют свою первоначальную грубость и жестокость. Но под влиянием восточной культуры вместе с тем в передовых кругах рыцарства формируется новый морально-этический идеал и намечаются ростки светской культуры: возникают пышные дворы, где приняты хорошие манеры, красивые наряды, занятия музыкой, поэзией, вырабатываются изящество, умение тонко и нежно чувствовать, петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах, слагать стихи, ухаживать за дамами. При дворе на службе состоят певцы и поэты. Новый стиль оказывает свое влияние на реформу европейского языка и метрику; язык рыцарской поэзии стремится к чистоте, изяществу, в ней утверждается жизнерадостный идеал в противовес церковно-аскетической догме.

Большой интерес, в аспекте раскрытия влияния Востока на духовную культуру европейцев представляет книга английского востоковеда Петера Малькольма Хольта «Ближний Восток от крестовых походов до 1517 года», в которой показано крушение существовавшего некогда мифа о том, что военные и культурные успехи западной цивилизации связаны с моральным превосходством западного, европейского мира над восточным, азиатским, африканским. Во время IV похода крестоносцы завоевали в 1203 году Константинополь, совершив при этом страшную резню, насилие, профанацию многих костелов и святых реликвий. Факты, приведенные П.М.Хольтом, доказывают, что ислам от начала своего существования был религией более демократичной, чем христианство; что женщины в мусульманских странах играли часто важную роль в политической и даже религиозной жизни, что исламская армия была преисполнена большей гуманностью, нежели крестоносцы и католические рыцари; и, наконец, к удивлению высокомерной Европы, христиане Востока высоко оценивали толерантность и снисходительность арабских и сельджукских властителей, нежели преисполненное самоувренности владычество западных европейцев, которых еще в IX веке Анна Комнен, известная византийская писательница, упрекала в безмерной несдержанности, непостоянстве характера, недостатке решительности, жадности, алчности к прибылям и вороломстве. Книга английского востоковеда Петера Малькольма Хольта, основанная на древнейших античных и средневековых источниках, представляющая собой опыт многолетних исследований, размышлений, переведена на многие языки мира, в том числе и на польский, представляет собой огромную ценность и важность в разрешении много-

гих проблем, касающихся взаимоотношений различных культур, их места и роли в развитии мирового культурного процесса. Она учит тому, что любое историческое, культурное явление должно предваряться изучением, а затем уже оценкой.

Исследования многих европейских и русских ученых показали, что наиболее значительное влияние на культуру рыцарства оказало арабское мировоззрение: испано-арабская наука и философия. Некоторые формы и мотивы испано-арабской музыки, поэзии оказали значительное влияние на передовую науку и литературу Франции; как пример, можно привести провансальскую лирику.

Возникновение такого типа рыцарского романа, как византийский (роман приключений), в большой степени обусловлено влиянием сюжетов восточного (персидского, арабского) происхождения, это был роман, подобный серии сказок «Тысяча и одна ночь».

Во французских авантюрных романах можно также проследить восточную тематику со следами арабских имен.

Такой жанр французской литературы, как фаблио – небольшие стихотворные рассказы о забавных и нелепых происшествиях в обыденной жизни, вызывающие смех, – был заимствован на Востоке; существует возникшая в XIX веке теория об индийском, восточном происхождении этого жанра. Эта теория и до сих пор насчитывает многих сторонников. Учитывая культурные влияния, шедшие в XII-XIII вв. преимущественно с Востока на Западную и Восточную Европу, нельзя отрицать восточного происхождения этого жанра.

Восточная тематика находит свое отражение и в таком жанре средневековой драмы, как мистерия. Особой пышностью и великолепием отличается мистерия о восточных царях, пришедших с драгоценными дарами поклониться младенцу Иисусу.

Большой интерес к жанру мистерии можно проследить и в Польше. Одним из первых переводчиков и интерпретаторов мусульманских мистерий из жизни святых: имама Гусейна, Али, Фатимы и т.д. – был польский ученый-востоковед XIX века Александр Ходзько. Первые дипломатические отношения Речи Посполитой с Турцией датируются XV веком (согласно записям Я. Длугоша, в 1414 году польский король Владислав Ягелло выслал в Турцию своих первых послов). XVI век характеризуется оживлением этих связей, обусловленных торговлей, а также военными стычками, которые приводили к заключению мира, это создавало необходимость знакомства со страной, изучения обычав и турецкого языка в Речи Посполитой. Приехавший в Польшу из Турции в 1469 году итальянский писатель и политик Каллимах (Ф.Буонаккорси) в своих трудах, содержащих богатую информацию о турецкой империи, описал также историю смерти Владислава Варненчика (изд. 1487 г.), сына польского короля Ягелло, погибшего в битве под Варной. Ко II половине XV века относится знаменитое произведение «Воспоминания янычара» или «Турецкая хроника», содержащее описание пребывания молодого серба в плену, известное в Польше из хроник (среди них и литературная обработка С.Отвиновского). Описание военно-политической мощи Турции было представлено в записях Папы Леона X.

Угроза со стороны Османской империи и особенно ее последняя победа в Венгрии способствовали созданию многочисленной литературы, поэтической и прозаической на польско-латинском языках (А.Кшицки, К.Яницки, М.Хуссовский, Я.Дантышек, сборник *Pannomialluctus*, 1544); публистики (С.Ожеховский, П.Грабовский, В.Папроцкий, М.Стрыйковский, К.Варшевицкий). Отмеченные выше авторы создавали пристрастный образ противника, наделенного чертами сарматской религиозности и чувством своего превосходства среди других культур. Способствовали созданию такого рода произведений неспокойное положение на границах и военные конфликты.

Одновременно с этим во II половине XVI века (эпоха короля Зыгмунта) было заметно оживление дипломатических и торговых отношений от Стамбула до Крымского ханства; сюда направлялись послами Е.Отвиновский (1557), А.Тарановский (6 раз 1566-

79), а сопровождали их М.Броневский, В.Папроцкий, М.Стрыйковский. Заметки, сделанные во время путешествий, содержали непосредственные наблюдения поляков, описания обычаяев султанского двора, особенности страны. Эти заметки находили свое выражение в литературных произведениях различных жанров: от эпистолярного до поэзии. Здесь следует отметить две поэмы, которые занимают важное место в польской барокковой литературе: С.Твардовского «Прерванное посольство» и Кшиштофа Збарского «Турецкое царство Мустафы в 1621» (изд. в 1633 году).

Интерес представляет активно развивающаяся в этот период в польской литературе военная тематика, отражающая истории знаменательных битв и сражений в различных жанрах: в поэзии – П.Горчын, С.Витковский, дневники Якуба Собеского, на основе которых была написана «Хочимская война» Вацлава Потоцкого, или поэтический репортаж С.Маковецкого, который долгое время использовал в своем творчестве Генрих Сенкевич. В польскую литературу попадали и произведения зарубежных авторов стурецкой тематикой. Как, например, «Двор турецкого султана» в переводе на польский Я.Старовольского (1646) или «Турецкая монархия» по П.Рикоту, переведенная с французского К.Клокоцким (1678).

Многие польские посланцы владели турецким языком, обучением турецкому языку занимались семьи Отвиновских, Любенецких, Джержков. К.Джержек был отправлен на учебу в Стамбул польским королем Зигмунтом Августом, впоследствии он стал послом и переводчиком, известны его переводы турецких сказок и фрагмента повести индийского происхождения «История сорока визирей».

Первый в Европе учебник турецкого языка был написан М.Пашковским. Он же является автором книги «История Турции» (1615). В XVII веке отуреченным поляком В.Бобовским (Али Уфки-бей) с латинского на турецкий были переведены произведения Гугю Гроция и Яна Амоса Коменского. Али Бей стремился наводить мости между европейской и мусульманской культурой. В 1653 году он перевел на османский язык христианские молитвенники, а также Библию.

Велики заслуги в области тюркологии Ф.Мезгниен-Менинского, автора турецко-арабско-персидского словаря (1680) и турецкой грамматики, где он впервые транскрибировал звуки турецкого языка с помощью латинского алфавита, инициатора создания школы восточных языков, которая по приказу польского короля Станислава Августа (1766-1796) была открыта в Стамбуле спустя столетие. Ян Потоцкий в 1794 году совершил многомесячное путешествие по Турции, его труд под названием «Путешествие в Турцию и Египет», написанный на французском языке, был переведен Юлианом Урсыном Немцевичем и издан в книге «Путешествия». Эти перечисленные выше многочисленные и разнообразные контакты Речи Посполитой с Турецким Востоком были позитивно восприняты польской культурой, что проявлялось и в обычаях, искусстве, словарном составе польского языка, особенно в военной лексике. Исследованием этих влияний в эпоху Просвещения активно занимался А.К.Чарторыйский, автор «Словаря выражений, вошедших в польскую речь из восточных языков» (1828).

Активным центром востоковедения был в 1803-1832 годы Виленский университет, студентами которого были известные в будущем ориенталисты Ал.Ходзько, Е.Ковалевский, Ю.Сенковский, А.Мухлинский, продолжавшие свою учебу в Санкт-Петербургском университете, где первым деканом восточного факультета был азербайджанец Мирза Казым-бек, а педагогом персидского и турецкого языков – его коллега и земляк профессор Мирза Джафар Топчибашев. Следует отметить, что в формировании польской ориенталистики, тюркологии и иранистики XIX века значительна роль азербайджанских ученых, подготовивших первых известных польских востоковедов, среди которых особо следует выделить Ал.Ходзько.

Профессором Санкт-Петербургского университета Ю.Сенковским был написан труд «Collectanea z dziejopisow tureckich rzeczyd o historii polskiej sluzacych» (1824-1825), который был главным источником для интересующихся, изучающих Восток романтиков.

Стендентиозно антипольскими переводами Ю.Сенковского вступал в полемику другой польский тюрколог, профессор Берлинского университета Игнаций Петрашевский, автор исследования «Nowy przeklad dziejopisow tureckich dotyczacych historii polskiej a szczegolnie» Tarychy Wasif Efendiego» (1846) – «Новый перевод турецких хроник, касающихся истории Польши», в частности, «Tarixi-Vasif Efendi» Podroze I poselstwa polskiego do Turcji wyd. J.L.Kraszewski. Krakow, 1860.

Интерес к турецкой литературе ограничивался вниманием к турецкой исторической прозе. Здесь следует выделить Ал.Ходзько, занимающегося исследованиями и переводами турецкой литературы, и Е.Дунина-Борковского, создавшего подражания и переведившего газели талантливого турецкого поэта Махмуда Баки.

Территории, входившие в состав турецкой империи, являлись своего рода фоном при создании байронических поэм, тематически связанных с национально-освободительным движением: поэмы Ю.Словацкого «Ламбро», «Змей», «Беневски», «Вејрам» Г.Корсака, «Погребение бея» Е.Дунина-Борковского, созданные в Стамбуле и в Крыму, «Крымские сонеты» А.Мицкевича, однако поэма «Ренегат», названная им «турецкой балладой», является лишь ориентальным романтическим камуфляжем.

Тесно связано было с Турцией (особенно с Анатолией) творчество солдата и поэта К.Бжозовского, который много лет жил в Турции, прекрасно знал Ливан, Сирию, Ирак, находящихся в то время под турецким игом. По Анатолии путешествовал Эмир Вацлав Жевуский, следует отметить, что именно ему было посвящено стихотворение А.Мицкевича «Тадж-уль-Фахру». Е.Рачиньским было написано эссе о путешествии по Турции «Dziennik podrozy do Turcji odbytej w 1814 r.» («Дневник путешествия по Турции, совершенного в 1814 г.»).

Во II половине XIX века часть польских эмигрантов отличалась туркофильскими настроениями, и это имело свои причины, т.к. единственным государством, не признавшим разделов Речи Посполитой и верившим в ее возрождение, была Турция.

С этой страной связывали поляки свои надежды на национальную независимость. В 1848 году Стамбул стал важным центром польской эмиграции. Именно здесь Адам Чарторыйский учредил польское представительство (М.Чайковский – Садых-паша), здесь поляки создавали польские легионы в местечке недалеко от Стамбула, названного впоследствии в память о героической личности Адам Чарторыйского – Адамополь, сегодня турки называют это место также Polonez Köy. В 1855 году в Стамбул для участия в создании польских легионов прибыл А.Мицкевич. Выше нами было отмечено его страстное увлечение Востоком. В польских архивах сохранились интересные письма польского поэта, его записи, посвященные турецкому периоду его жизни. В одном из последних писем он пишет, что изучает турецкий язык по самоучителю, который написал для польских легионеров в Стамбуле Ал.Ходзько («Ledrogmanturc», 1854).

Значительное число поляков осталось в Турции на постоянное поселение в местечке Polonezköy, многие из них приняли ислам, сыграли важную роль в политической и культурной жизни Турции XIX – нач. XX века. В 1887 году, во II половине XIX века были изданы книги Е.Кромера «Из путешествия на Восток», С.Бэлзы «В столице падишаха» (изд. 2-е под названием «Над золотым рогом», была переведена на турецкий язык) и А.Залесского «Поездка на Восток». Залесский вместе с Г.Сенкевичем в 1886 году отправился на Балканы и в Анатолию для изучения восточных реалий, которые он должен был воссоздать в своем знаменитом романе «Пан Володыевский». Долгое время живший и работавший в Турции ориенталист Е.Гжегожевский свои впечатления о Турции отразил в книге новелл «Под восточным небом» (1900).

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

1 ИЮНЯ – МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

*В июне 2023 года детскому писателю ТОФИКУ АГАЕВУ
могло бы исполниться 90 лет.*

ИЗ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Перевод Тофика Агаева

Гасан-охотник

Птицу взял Гасан
На мушку,
Оказалось –
Сбил лягушку.
Думал гостя
Угостить,
Потерял тот аппетит.
Взял лягушку
Наш Гасан,
Положил ее
В казан.
День варил,
Два варил,
Ел лягушку
И хвалил....
В пруд свалился,
Не заплакал,
Как лягушка,
Он заквакал.

На ковре сидит герой

На ковре сидит герой
С перевязанной рукой.

С перевязанной рукой
Он не ходит за водой.

Он не жнет, не сеет в поле
И дрова никак не колет.

С перевязанной рукой
На ковре сидит герой.

Как на стол поставят плов,
Враз вскочил, он есть готов!

Искендер Ахундов

Художник

Я рисую маму,
Я рисую папу,
Посредине я.
Папа чуть побольше,
Мама чуть поменьше.
Я – до середины
Папиной ноги.
Я похож на папу,
Я похож на маму:
Голова – кружочек
И четыре палки
Вместо рук и ног.

* * *

Ночью сегодня
Прошёл звездопад,
Упали звёзды все,
Попрятались
В траве.
Я пойду искать
Звезду свою.
Найду,
Снова к небу
Приколочу.

Этибар Ахмед

* * *

Не дотянувшись до ветвей
короткой рученькой своей,
ежонок несказанно рад –
не камнепад,
не снегопад,
в саду, пускай и невпопад,
стучит
большой
яблокопад.

* * *

К кукле тянется братишка
и добрался до конфет.
– Ты, братишка, кто? Мальчишка.
Вот сухарь и пистолет.

Александр Родионов

Мальчик мечтает

Жизнь не построить по планам и схемам,
Прошлого не возвратить.
Детство – счастливое, славное время,
Быстро, увы, пролетит.

Мальчик задумчиво смотрит в окошко,
Он не шалит, он притих.
Молча мечтает о птичках, о кошках
И о машинах больших.

Смотрит на солнышко маленький мальчик,
Глазки прищурив слегка,
Очень красивый оранжевый мячик,
Крепко сжимая в руках.

Я тебе, милый, хороший мой мальчик,
Счастья хочу пожелать!
Солнышко очень похоже на мячик,
Жаль, что его не достать!

Воробышек

Воробей не певец. У него семья.
«Чик-чирик! Чик-чирик!» – песня воробья.
Очень мало в ней слов, но не в этом суть,
Просто много забот, некогда вздохнуть.

Пусть поет соловей, радуя наш слух,
А воробышек пусть ловит жирных мух,
Пусть построит себе он к зиме жилье,
Ведь не зря говорят: «Каждому – своё!»

Ясный день, славный день.
Всем зверям тепло.
Клювом дятел долбит в дереве дупло.
Барабанная дробь всем в лесу слышна,
И куда ни взгляни – царствует весна.

Воробей – не артист и не музыкант,
Но по-своему он всё-таки – талант.
Ведь вредителям нет от него житья,
Так давайте любить, дети, воробья!

МАРАТ ШАФИЕВ

Про А+А, злого колдуна и коллайдер счастья

После удачно сданного зачёта Ахмед, пританцовывая, подошёл к перекрёстку и увидел старушку, не успевшую перейти трассу на зелёный свет. Старушка продолжала черепашье движение, и Ахмед бросился в гущу скоростных машин – прижать, вынести на руках лёгкую ношу. Старушка благодарила за спасение, вид её был безобразен, и Ахмед попытался быстро ретироваться. Горький плач остановил его.

- Бабушка, вам плохо?
- Я ведь не бабушка, я – твоя сверстница.
- Не плачь, Амина, отныне я – твой рыцарь.

Ахмед надел на палец Амины кольцо с миниатюрной камерой, и выяснилось: прилетающий на жестокрыле злой колдун похищает и помещает спящую Амину в белый блестящий композитный саркофаг. Просыпалась Амина красавицей, и пока в доме колдуна – таковой и оставалась. Колдун умел превращаться в самых гламурных героев, но сердце не обманешь. И когда девушка рвалась на волю от надоедливых ухаживаний, колдун отпускал её старой, никому не нужной.

Ахмед отважно вступил в цитадель колдуна:

- Выбирай оружие поединка: на кулаках или на лазерах.
- Нет, нет, я не дерусь, – колдун трусил.
- Тогда я просто разломаю чёртов ящик.
- Только не ящик! – закричал колдун. – Я отказываюсь от притязаний на Амину, сегодня же съезжаю на отдалённый остров. Вы обо мне больше не услышите.

Но Ахмеду ещё пришлось о колдуне услышать. Колдуну вручили Нобелевскую премию по науке. В придуманном им коллайдере атом разгонялся до световой скорости и рассыпался на мельчайшие частицы. Из этих частиц конструировалось новое полезное вещество, прежде в природе не существовавшее.

Ахмед позвонил колдуну – поздравить, и даже подсказал: подобно тому, как при добыче нефти выделяется газ, возможно, и трансмутация материи сопровождается выбросом попутного счастья. Их может оказаться в таком количестве, что хватит на всё человечество. Колдун пригласил Ахмеда на остров, чтобы самому проверить гипотезу.

Дорогой читатель, если ты скажешь, что таких сказок не бывает, то окажешься не прав. Потому что у настоящих сказок одинаковый конец. Ахмед и Амина поженились и даже без всякой науки жили долго и счастливо.

